

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет
Институт истории и международных отношений

Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова

**МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ АЛТАЯ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И
КАЗАХСКОГО ЭТНОСОВ)**

Учебное пособие

Барнаул 2022

Об издании – 1, 2

сведения об издании

УДК 94(47):39(075.8)
ББК 63.3(2)5-9я73+63.521(=632)я73
Л 886

Авторы:

Юлия Александровна Лысенко, д-р ист.наук, профессор
Инна Владимировна Анисимова, канд.ист.наук, доцент

Рецензент:

Юрий Михайлович Гончаров, д-р ист.наук, профессор,
Алтайский государственный университет

Л 886 **Лысенко, Ю.А. Межэтническое взаимодействие народов Алтая в XVIII – начале XX века (на примере русского и казахского этносов) : учебное пособие / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова; Алтайский государственный университет. Барнаул: АлтГУ, 2022. – 1 CD-R (1,7 Мб). – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; Microsoft Windows 7 и выше ; Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.**

Учебное электронное издание

В учебном пособии представлен материал, раскрывающий особенности межэтнического взаимодействия русского и казахского этносов Алтая в XVIII - начале XX в. Данный процесс реконструируется в контексте исторических условий и факторов: международной ситуации в Центральной Азии и политики Российской империи в данном регионе, становления и развития Алтайского производственного комплекса и Сибирского казачьего войска.

Предназначено для студентов Института истории и международных отношений, обучающихся по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение, 46.04.01 История, а также всех интересующихся указанными проблемами.

© Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, 2022
© Алтайский государственный университет, 2022

производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции

Верстка: Котова О.В.

Дата подписания к использованию: 14.10.2022 г.

Объем издания: 1,7 Мб

Комплектация издания: 1 CD-R

Тираж 35 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Оглавление

ТЕМА 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Межэтнические процессы в сопредельных территориях как предмет исследования. Дореволюционная историография проблемы

1.2. Проблемы межэтнического взаимодействия на Алтае в освещении современной историографии

ТЕМА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РУССКО-КАЗАХСКОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

2.1. Освоение Россией Южной Сибири в первой половине XVIII в.: основные направления и результаты

2.2. Территориальное сближение Колывано–Воскресенского округа и казахских владений во второй половине XVIII в.

2.3. Правовое регулирование миграции казахов в Алтайский горный округ в первой трети XIX в.

2.4. Проблема юридического статуса казахов Алтайского горного округа (середина XIX в.)

ТЕМА 3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ ГОРНОГО ОКРУГА КАК ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.).

3.1. Миграционное движение в Бухтарминском крае: причины, направления и последствия (50-60-е гг. XIX в.)

3.2. Процессы социально-экономической модернизации Алтайского горного округа и ухудшение миграционной ситуации в сопредельных областях России и Китая

3.3. Проекты изменений административно-территориального устройства региона как способ решения «казахского вопроса»

3.4. Административно-территориальные реформы XIX – начала XX в. в национальных окраинах Российской империи и их влияние на развитие межэтнических отношений в Алтайском округе

ТЕМА 4. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

4.1. Развитие земельно-арендных отношений в Алтайском округе в конце XIX в.

4.2. Проблемы землеустройства казахов в Алтайском округе в начале XX в.

ТЕМА 5. КАЗАХИ В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В АЛТАЙСКОМ (ГОРНОМ) ОКРУГЕ И ПРОЦЕССЫ РУССКО-КАЗАХСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

5.1. Особенности экономической жизни населения Алтайского (горного) округа в XVIII – XIX в.

5.2. Переселение казахов в пределы Алтайского (горного) округа и обострение межэтнических отношений в регионе

5.3. Экономические последствия миграции казахов в районах соляных промыслов Алтайского (горного) округа

5.4. Использование труда казахских переселенцев на предприятиях Алтайского горного округа

5.5. Взаимодействие русских и казахов Алтайского (горного) округа в социально-бытовой сфере

5.6. Процесс оседания казахов Алтайского округа как результат межэтнического взаимодействия в регионе (конец XIX – начало XX в.)

ТЕМА 6. СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗИ С КАЗАХСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

6.1. Факторы и условия этнического взаимодействия казахов и казаков Сибирского казачьего войска в Прииртышье

6.2. Проблемы землепользования и землеустройства Сибирского казачьего войска в XIX в.

6.3. Формы и результаты межэтнических казахско-казачьих контактов в районе Иртышской укрепленной линии

ТЕМА 7. ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАХСКО-КАЗАЧЬИХ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИИРТЫШЬЕ В 70–80-Е ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX В. ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА ДЕСЯТИВЕРСТНОЙ ПОЛОСЫ

7.1. Новые формы распределения земельных ресурсов Сибирского казачьего войска и развитие арендных отношений в регионе

7.2. Проблема определение границ земельных ресурсов Сибирского казачьего войска и обострение земельных отношений в конце XIX – начале XX в.

7.3. Изменение юридического статуса «десятиверстной полосы» : проекты и решения

7.4. Вопросы землеустройства казахов на землях Сибирского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX в.

Тема 8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КАЗАХСКО-КАЗАЧЬЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИИРТЫШСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

8.1. Казахско-казачье межэтническое взаимодействие в социально-экономической сфере: процессы аккультурации и адаптации

8.2. Трансформация традиционного хозяйственно-культурного типа казахских переселенцев

ТЕМА 9. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РУССКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА АЛТАЕ

9.1. Исторические обстоятельства культурно-религиозного взаимодействия русского и казахского этносов на Алтае в XIX в.

9.2. Государственное регулирование межэтнического русско-казахского диалога в религиозной сфере

9.3. Деятельность Алтайской и Киргизской православных миссий: основные направления и механизмы реализации

9.4. Роль ислама в традиционной религиозной системе казахского общества во второй половине XIX в.

9.5. Результаты русско-казахского межэтнического взаимодействия в культурно-религиозной сфере

9.6. Православная миссионерская деятельность среди казахов в восприятии русского населения Алтая

ТЕМА 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Межэтнические процессы в сопредельных территориях как предмет исследования. Дореволюционная историография проблемы

Под межэтническим взаимодействием понимаются, прежде всего, разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств и свойств. Межкультурное взаимодействие может принимать различные формы: воздействие, то есть преимущественно одностороннее, однонаправленное влияние одной общности на другую; содействие, когда два или несколько этносов вступают в этническое взаимодействие на равных началах, оказывая помощь и поддержку друг другу; и, наконец, противодействие, блокирование позиций одного этноса другим, активное противостояние, вплоть до открытого конфликта. Вполне очевидно, что различные формы межэтнических контактов имеют различные результаты – от адаптации и ассимиляции до дискриминации и сегрегации.

При изучении основных механизмов межэтнического взаимодействия исследователь неизбежно должен обращаться к психологическим детерминантам этого процесса. И здесь речь идет, прежде всего, об идентичности того или иного этноса, его мировоззренческих и поведенческих установках, стиле мышления и этнической стереотипизации (образ своей или чужой этнической общности, отражающий упрощенное знание о психологических особенностях и поведении представителей другого этноса, которое формирует устойчивое мнение одной нации о другой или о самой себе).

Данный исследовательский подход особенно актуализируется при изучении межкультурных процессов полиэтнических регионов России, одним из которых является Алтай. На протяжении XVIII – начала XX вв. его территории, населенные преимущественно тюркоязычными племенами, активно осваива-

лись восточнославянским этносом. В результате здесь проходили мощные процессы межкультурной коммуникации, конкретное содержание которых во многом координировалось имперскими установками национальной («аборигенной») политики.

Хронологические рамки курса охватывают вторую половину XVIII – начало XX в. и занимают достаточно большой исторический период. Выбор начального рубежа обусловлен событиями второй половины XVIII в., когда в результате ликвидации Джунгарского ханства стала изменяться геополитическая конфигурация на территории Южной Сибири, Алтая и прилегающих к ним степных пространств Тоболо-Иртышского междуречья. Российско-китайское соперничество в регионе вынуждало Россию активизировать свое военно-экономическое наступление и закрепление позиций в этом регионе. Одновременно новые реалии политической конфигурации региона привели в движение огромные массы казахов-кочевников, двинувшихся к южно-сибирским рубежам Российской империи с целью занятия пастбищных угодий, освободившихся благодаря разгрому Джунгарии. В результате в районе Алтая и Верхнего Прииртышья стали формироваться контактные зоны русского и казахского этносов. Вторая половина XVIII в. выступает периодом становления Алтайского производственного комплекса и Сибирского казачьего войска, появление которых необходимо рассматривать как важный фактор развития русско-казахского межэтнического взаимодействия. Верхняя хронологическая грань – начало XX в. (до 1917 г.) определяется падением дома Романовых и окончанием имперского периода в истории России. Это привело к формированию качественно новых условий и факторов развития межэтнических отношений в регионе.

Территориальные рамки включают в себя Алтайский регион, в рамках которого выделяется две зоны активных межэтнических русско-казахских контактов: Колывано-Воскресенский (с 1834 г. – Алтайский) горный округ и прииртышское пространство Сибирского казачьего войска в Южном Алтае. Следует подчеркнуть, что формирование границ как Алтайского округа, так и Сибир-

ского казачьего войска происходило на протяжении XVIII–XIX вв. и даже к началу XX столетия они не были четко определены.

Более детальное изучение межкультурных процессов на Алтае в XVIII – начале XX в. неизбежно требует обращения к богатейшему научному наследию дореволюционной историографии. Фактически все исследователи данного периода уделяли значительное внимание истории формирования полиэтничной структуры населения Алтая и процессам межэтнического взаимодействия. Парадигмальной основой характеристики хозяйственно-культурного типа автохтонных народов Алтая в работах дореволюционных авторов выступала концепция стадильности и монолинейности исторического процесса. При этом европоцентризм, господствовавший в общественно-политической мысли нового времени, безусловно, ставил на более низкую стадию развития большинство народов Азиатской части Российской империи.

В то же время традиционная система жизнеобеспечения инородцев, по мнению дореволюционных исследователей, имела перспективы переродиться в более прогрессивные формы хозяйствования. Основой для объективного научного подхода к этой проблеме в конце XIX в. выступали принципы эволюционизма, теоретические постулаты которого господствовали в научном пространстве. В рамках данной теории все многообразие этнокультур объяснялось влиянием разных естественноисторических условий, а прогресс понимался как смена одной культурной ступени на другую в результате изменений внутри данной культурной системы. Таким образом, главной задачей исследователей становился поиск критериев прогрессивности и перспектив развития инородческих племен. Способность культуры «инородцев» позитивно рефлексировать на изменения естественноисторических условий обитания, приспосабливаться к новым требованиям «внешней среды», прежде всего, к новым социально-экономическим отношениям и к более прогрессивным формам хозяйствования – считались показателем ее полноценности. Так, кочевой быт, который имел «несколько постоянных жилищ», представлялся гораздо более высокой стадией развития, чем бродячий, для которой характерно «необеспеченное состояние»,

отсутствие привязанности к определенному месту, отсутствие необходимости заботиться о будущем.

В рамках идей Просвещения России отводилась своеобразная миссия – приведение к состоянию цивилизованности посредством приобщения к европейской культуре «иностранцев» Сибири и создания условий для их прогресса. Эти построения легли, по мнению С.А. Панарина, на фундаментальную идею имперского сознания России – европейской державы, правящей слабыми азиатскими народами, на ее потребность и соблазн видеть в собственных колониальных действиях факт осуществления своей исторической миссии.

В то же время оценка исследователями XIX в. культуры «иностранцев» Сибири как «ненормальных и нездоровых культурно-бытовых форм», с «печатью невежества, дикости, бедности на предметах быта и промыслов» диктовалось не одним европоцентризмом. Большинство знакомых с проблемой авторов объясняли возникновение тенденций к «угасанию» культуры, к хозяйственному кризису не абсолютным несовершенством этих норм бытия, а приходом русских и привнесением новых форм хозяйства, повлекших нарушение естественного и гармоничного для данной физико-географической среды миропорядка.

Переселение русских на территорию Азиатской России и, в частности, на Алтай сопровождалось, по мнению большинства дореволюционных исследователей, процессами этнической сепарации и формированием нового «типа русского человека», «нового этнографического типа», «своеобразного народно-областного типа». Причинами данной тенденции назывались, прежде всего, ассимиляционные процессы, которым оказались подвержены русские со стороны местных сибирских племен. Н.М. Ядринцев, например, был убежден, что они носили закономерный характер, и попытки ограждения государством русского населения от метизации были фактически невозможны.

Разделяя взгляды Н.М. Ядринцева, В.П. Семенов-Тянь-Шанский так же считал главной причиной образования нового этнографического типа – «сибиряка» – ассимиляционные процессы, которым подверглись русские. Причем, по мнению исследователя, глубина этих процессов имела вариативность и была

различной: *«От сохранения многоподлинной народной старины, до тех последних вариаций типа, где полузабывается самый родной язык»*. Наряду с этим причиной формирования нового этнографического типа дореволюционные исследователи считали физико-географический фактор. Например, Н.М. Ядринцев указывал на «сухой континентальный климат», который оказал значительное влияние на «изменения анатомического и физиологического строения» старожильческого населения. Завершенность процесса формирования «нового русского областного типа» подтверждалась наличием у старожильческого населения Сибири регионального самосознания: «гордости и сознания особенностей своего областного типа», противопоставление себя русским крестьянам-переселенцам – «российским», активно начавшим осваивать Сибирь в 80–90-е гг. XIX в.

Значительное внимание дореволюционная историография уделяла проблемам изменений хозяйственно-культурных типов русского и аборигенного населения Сибири, обозначившихся в процессе межэтнической коммуникации. При этом, не смотря на господство идей эволюционизма и европоцентризма, исследователи вынуждены были признать факт более значительного воздействия экономических форм и способов хозяйствования инородцев на культуру русских. Подчеркивалось, что старожильческое население под воздействием народов Сибири изменилось не только с физиологической и этнопсихологической точки зрения, но и испытало значительную трансформацию хозяйственно-культурного типа.

Так, по свидетельству дореволюционных исследователей, русское население Алтая под влиянием инородцев перешло к занятию скотоводством, а в некоторых районах даже стало вести кочевой образ жизни. Причиной этой ситуации назывался целый ряд обстоятельств: «уживчивость, которая свойственна русскому народному характеру», «невысокая степень культурных требований первых русских переселенцев», которая объясняла «уступчивость русских в пользу инородческих обычаев и нравов». Однако главным фактором активного заимствования русскими форм и методов ведения хозяйства местных наро-

дов признавался физико-географический фактор, особые природно-климатические условия Сибири. В.П. Семенов-Тань-Шанский отмечал, что суровый климат региона заставлял русских поселенцев прибегать к средствам существования, характерным туземцам. Последствия межкультурной коммуникации русских и инородцев отмечались и в лингвистической среде: в языке сибиряков П. Головачев, например, зафиксировал не менее 3000 местных слов и выражений, «заимствованных из языков окружающих инородцев».

По наблюдениям дореволюционных авторов, приток крестьян-переселенцев из европейской части России на рубеже XIX–XX вв. значительно изменил направленность ассимиляционных процессов в Сибири. Массовая миграция крестьян значительно активизировала интенсивность межэтнических контактов и породила весьма разнообразные практики межкультурной коммуникации. Следствием данных процессов, по мнению некоторой части дореволюционных исследователей, стала трансформация традиционной системы жизнеобеспечения инородцев, характеризующаяся массовым оседанием кочевников, переходу их к более прогрессивным формам хозяйствования, связанным с ведением земледельческого хозяйства и развитием ремесленного производства.

Представители так называемой сибирской областнической мысли, напротив, крайне негативно оценивали следствия межкультурной коммуникации крестьян-переселенцев и инородцев на рубеже XIX – начала XX в. По мнению Н.М. Ядринцева, например, сокращение районов промыслов инородцев, пастбищных угодий неизбежно сопровождалось экономической кабалой и ухудшением их материального благополучия. Земледельческий труд признавался областниками затруднительным для инородческих племен в силу специфики их физиологических и этнопсихологических особенностей. Следствия трансформации экономического уклада инородцев в представлении областнической мысли носили исключительно отрицательный оттенок. Среди негативных последствий также отмечалось изменение рациона питания, замена оленьего мяса, молока и рыбьего жира на злаковые культуры, не привычные для инородца;

распространение среди инородцев болезней и пьянства, что приводило к сокращению численности коренных народов.

В целом, не смотря на преобладание негативных тенденций, проявившихся среди местных племен Алтая под влиянием культуры переселенцев, большинство дореволюционных исследователей признавали неизбежность трансформационных процессов в их хозяйственно-культурном типе, обреченность традиционного хозяйства в новых исторических условиях. Так, Н.Г. Потанин признавал, что современные реалии требуют изменений и традиционное хозяйство не может быть независимым от окружающего мира.

Единственный путь спасения «инородцев» виделся в «культурно-историческом шаге»: переходу к оседлости и земледельческому труду. При этом, коренные народы Сибири сами должны были определить сроки, степень, формы восприятия элементов европейской или русской культуры. Наиболее оптимальным способом преодоления кризиса традиционного хозяйства, улучшения социально-экономического положения инородцев путем перехода к новым формам жизнедеятельности Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев считали превращение процесса межкультурной коммуникации в естественный и органичный. Основной механизм реализации этого процесса они видели в автономном, без вмешательства государства, расширении социально-экономических связей с русским крестьянским населением, обращая внимание на плодотворность подобного рода непроизвольных культурных контактов.

В контексте анализа межэтнической ситуации на Алтае, значительный пласт дореволюционных исследований посвящен исследованию процессов русско-казахского взаимодействия. Описание конкретных практик взаимодействия двух этносов оставил в своих дневника путешествия по Южному Алтаю Н.Г. Потанин. Вопросы регламентации миграционного движения казахов на территорию Алтая, позиция центральных и региональных органов власти на эту проблему нашли отражение в исследованиях Е. Шмурло.

К числу исследователей, которые косвенно затрагивали вопросы межэтнического взаимодействия народов Алтая и Верхнего Прииртышья в контексте

социально-экономического развития региона можно назвать И.Г. Андреева, А.И. Левшина, Ю.А. Гагемейстера. Приводимые авторами сведения позволяют проанализировать военно-политическую обстановку в Прииртышском регионе во второй половине XVIII – середине XIX в. и охарактеризовать казахско-русские взаимоотношения на пограничной линии в районе Иртышской десятиверстной полосы.

История десятиверстной полосы неразрывно связана с историей Сибирского казачьего войска, поэтому значительное внимание дореволюционная историография уделяла вопросам казахско-казачьего взаимодействия. В ее представлении казачество являло собой силу, способствующую проведению в жизнь государственной политики на окраинах Российской империи. Ему отводилась роль колонизатора в контексте осуществления полицейского контроля за местным населением и распространения земледельческой культуры в степной зоне Южной Сибири. Появившиеся во второй половине XIX в. профессиональные исторические исследования, посвященные истории Сибирского казачьего войска (Г.И. Потанин, П. Хорошхин и др.), уделяя внимание казахско-казачьим отношениям, оценивали их официально-одиозно и указывали на односторонние процессы аккультурации по линии казаки-казахи.

Иная картина взаимодействия кочевого населения и сибирского казачества представлена в работах А.П. Васильева, Н.Г. Путинцева, и, особенно, Г.Е. Катанаева и Н.Ф. Усова. Данная группа исследователей акцентировала внимание на процессе экономического и культурного воздействия, которое оказало казахское сообщество на казаков. Два последних автора создали первые фундаментальные работы по истории и статистическому описанию Сибирского казачьего войска, которые не утратили своей научной ценности и в настоящее время. При этом следует отметить, что в работах Н.Ф. Усова впервые была дана развернутая картина статистического исследования основных социально – экономических аспектов жизни Сибирского казачества в середине XIX в. В работах Г.Е. Катанаева делался упор на описание социально-этнографических вопросов и совокупности проблем казахско-казачьего взаимодействия в Приир-

тышском регионе. Среди них: основные этапы формирования в Прииртышье особой контактной зоны двух этносов, развитие и эволюция их отношений в вопросах землепользования, процессы трансформации традиционного хозяйства казахов-кочевников и основные практики этнического взаимодействия в культурно-бытовой сфере.

В целом, по наблюдениям дореволюционных исследователей казахское население предгорий Южного Алтая подвергалось аккультурации со стороны русских крестьян-переселенцев более медленными темпами, чем, например племена Горного Алтая. Причина виделась в «особых условиях жизни» казахов, связанных с ведением полукочевого скотоводства, перекочевками, и господством в их религиозном сознании ислама». Указывалось, что в незначительном количестве к земледелию и оседлости переходили обедневшие «джатаки», в то время как зажиточные номады лишь усваивали отчасти внешнюю обстановку русской жизни.

1.2. Проблемы межэтнического взаимодействия на Алтае в освещении современной историографии

В советской историографии вопросам межэтнического взаимодействия уделялось особое внимание. Их рассмотрение определялось господствовавшими в 20–40-е гг. XX в. концепциями «абсолютного зла» и «наименьшего зла», в рамках которых колониальная политика Российской империи в отношении нерусских народов носила крайне негативную оценку. Теория классовой борьбы как основа марксистско-ленинской методологии позволяла рассматривать различные аспекты взаимодействия народов России исключительно в контексте их совместной борьбы против самодержавия, а конечной целью провозглашалось поступательное движение к октябрьской революции 1917 г. и свержению монархического режима.

Толчком к изучению социокультурных аспектов развития населения Алтая и прилегающих районов послужила серия этнографических экспедиций 20-

х гг. XX в. Так, интерес представляют материалы экспедиции А.Н. Самойловича, посвященные исследованию казахского населения Кошагачского аймака Ойротской автономной области. Однако комплексное и целенаправленное исследование проблемы русско-казахского взаимодействия в данном регионе началось в 50–60-е гг. XX столетия. Прежде всего, следует назвать работы, авторы которых уделяли пристальное внимание анализу исторической среды и факторов развития русско-казахских отношений. Так, Х.А. Аргынбаев и Н.Г. Аполлова анализировали причины поступательного движения Российской империи на северо-восток Казахстана, определяли особенности присоединения данного региона к империи. Авторы подчеркивали роль экономического фактора и взаимную заинтересованность казахского и русского этносов в развитии хозяйственных, торговых и культурных контактов в Прииртышье. В конце 50-х гг. XX в. впервые в советской историографии развернулась научная дискуссия по проблеме казахско-казачьих отношений и этнической принадлежности района десятиверстной полосы в Прииртышье. Так, например, Е. Бекмаханов считал, что одновременно с ликвидацией политической самостоятельности казахов Младшего и Среднего жузов происходил планомерный захват лучших земель и заселение их русскими казаками. Вопрос взаимоотношений казахов и казаков исследователь относил к числу неразработанных. По его мнению, это объяснялось тем, что представители дореволюционной историографии рассматривали казахов как объект колонизации и проводили резкую грань между коренным и пришлым населением, стремясь всячески затушевать складывающиеся между ними отношения.

В 60–80-е гг. XX в. тематика исследований по межэтническому взаимодействию народов Алтая, в том числе русского и казахского населения, значительно расширилась. Этнополитические процессы в Обь-Иртышском междуречье в XVII–XVIII в. стали предметом исследования А.П. Уманского, вопросы этнографии народов Южной Сибири и Алтая получили широкое освещение в исследованиях Л.П. Потапова. Отдельным направлением советской историче-

ской науки стали исследования по тюркологии Сибири, плодотворно разрабатывавшееся Н.А. Томиловым.

Вопросы эволюции российской национальной политики в контексте административного реформирования Сибири и политического устройства кочевых народов региона, нашли отражение в исследованиях Л.М. Дамешека и С.В. Кодан. Активное изучение различных аспектов проблемы миграционного движения казахов в сопредельные районы Южной Сибири, Китая и Монголии рассматривал в своих работах советский исследователь Н.В. Алексеенко. Предметной областью его научных изысканий стали процессы трансформации традиционных хозяйственно-культурных типов русского и казахского населения Алтая, изменения в их хозяйственной и бытовой сфере под влиянием процессов межэтнического взаимодействия.

Отдельным направлением советской историографии можно выделить целый комплекс работ, посвященных анализу внешнеполитической ситуации в Центральной Азии, выявлению факторов, определившие развитие российско-казахских отношений и позицию России в вопросе миграционного движения казахов в пределы Алтая на протяжении XVIII – XIX вв. Это, прежде всего, исследования Б.П. Гуревича, И.Я. Златкина, В.С. Кузнецова, В.А. Моисеева. Некоторые аспекты межэтнического взаимодействия русских и казахов Алтая представлены в исследованиях по истории Алтайского горного округа (Т.И. Агапова, З.Г. Карпенко, Г.П. Жидков, Е.М. Борблик, Т.Н. Соболева).

В целом, советскими исследователями были изучены социально-экономические, политические и внешнеполитические аспекты развития межэтнического взаимодействия казахского и русского этносов, проживавших на Алтае. Необходимо отметить широкое введение в научный оборот архивных документов и определение новых исследовательских направлений. Кроме изучения казахско-русских культурных взаимосвязей, советским учеными были рассмотрены вопросы урегулирования земельно-территориальных проблем. В то же время вопросы развития казахско-казачьего взаимодействия, вопросы ре-

гламентации миграционного движения казахского населения в пределы Алтайского округа не нашли должного звучания в исследованиях этого периода.

На современном этапе отечественная историография уделяет пристальное внимание вопросам межэтнического взаимодействия народов Российской империи. Его комплексный анализ в контексте этнополитических процессов, происходивших в Южной Сибири, представлен в работах Л.И. Шерстовой. Как отмечает исследователь, российская государственная политика формировалась в русле «евразийской традиции», в рамках которой формировалось и отношение российских властей к иноэтническим социумам. Это в целом определило толерантные установки русского населения Сибири в его связях с аборигенным населением.

Вопросы формирования этнических особенностей казахов Южного Алтая и современные процессы межэтнических отношений в Алтайском регионе исследуются в работах И.В. Октябрьской. По мнению ученого, продвижение казахов на Алтай было мотивировано аграрной политикой и административными преобразованиями на окраинах Российской империи. Процесс формирования казахской диаспоры в иноэтнической среде привел к консолидации кочевников в автономные этнические образования с культурной, языковой, религиозной спецификой и отчетливым самосознанием.

Миграции казахов в пределы Российской империи, определению численности казахской диаспоры, ее современному состоянию посвящены работы Ж.А. Ермекбаева, О.Б. Наумовой. В исследовании Ж.А. Ермекбаева анализируется история казахского населения Западной Сибири, Южного Урала и Нижнего Поволжья, расположенного вдоль периметра российско-казахстанской границы. Автор отмечает, что казахское население Западной Сибири является одной из локальных групп казахов, проживающих за пределами расселения этнического массива.

Самостоятельное направление современной отечественной исторической науки представляют исследования проблемы казахско-казачьего взаимодействия алтайского региона и сопредельных пространств. Наиболее последова-

тельно изучением той проблемы занимались Г. Недбай, С.Р. Муратова, А.Р. Ивонин, Д.В. Колупаев С.М. Андреев и др. Вопросы истории Сибирского казачества не обойдены вниманием в трудах В.П. Зиновьева. В его работах затрагиваются вопросы хозяйственной жизни казаков и проблемы межэтнических отношений. Этими же вопросами - роли казаков в освоении российского фронта как формы государственной колонизации занимался в своих научных исследованиях А.В. Ремнев. Этапы возведения Сибирских военных линий подробно изучены Ю.Г. Недбаем, С.Р. Муратовой. В работах С.Р. Муратовой реконструированы мероприятия по укреплению южной границы Сибири и миграционные процессы на территории Прииртышья. Разрешение переходить через Иртыш казахским аулам и пользоваться землями по левую и правую сторону реки, связывается автором с изменением расстановки политических сил в этом регионе во второй половине XVIII в., а именно приближение китайских границ к российским владениям.

Миграционное движение казахов в пределы Алтайского округа сквозь призму международной ситуации в Центральной Азии представлены в исследованиях И.В. Анисимовой. Исследователь считает, что политика России в отношении казахов Младшего и Среднего жузов не только способствовала укреплению русско-казахских отношений, но и появлению новых задач, связанных с процессом правового урегулирования миграции казахов. По поводу законности данной меры И.В. Анисимова солидарна с выводами дореволюционных казачьих исследователей, указывая на необходимость защиты русского населения от «разрушительных набегов кочевников».

Среди современных казахстанских исследователей уделяющих внимания проблеме русско-казахского социокультурного взаимодействия в Алтайском регионе следует назвать, прежде всего, Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко. В их работах представлен глубокий анализ межэтнических контактов двух этносов, выявлены основные причины их взаимной заинтересованности в развитии разнообразных экономических форм сотрудничества сквозь призму эволюции этнодемографической ситуации в Казахстане и сопредельных территориях. В

работах Ж. Касымбаева представлен анализ закономерностей расширения политических и экономических контактов народов Верхнего Прииртышья, выявлена роль процессов урбанизации в этих процессах. В контексте изучения истории Сибирского казачества и его места в системе колониального управления в Верхнем Прииртышье отдельные аспекты казахско-казачьих взаимоотношений в вопросах землепользования в районе о десятиверстной полосы рассматривал М.Ж. Абдиров. Вопросы экономического и культурно-бытового взаимодействия русских крестьян-переселенцев и казахов Семипалатинской области исследовала Р.М. Таштемханова. Автор определил как положительные, так отрицательные стороны данных процессов, что позволило определить социально-экономические последствия переселенческой политики царизма в целом.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Дайте определение термину «межэтническое взаимодействие».
2. Какая концепция выступала основой характеристики хозяйственно-культурного типа автохтонных народов Алтая в работах дореволюционных авторов?
3. В чем, по мнению представителей сибирской областнической мысли, заключались негативные последствия межкультурной коммуникации крестьян-переселенцев и инородцев на рубеже XIX – начала XX в.?
4. Кто из современных исследователей проблемы подчеркивал, что российская государственная политика формировалась в русле «евразийской традиции», в рамках которой формировалось и отношение российских властей к иноэтническим социумам?

Рекомендуемая литература:

1. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. – 160 с.

2. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первой половине XIX в.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.
3. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. – 280 с.
4. Анисимова И.В. Правовая регламентация статуса казахов Прииртышья во второй половине XVIII – начале XIX в. // Казахи Омского Прииртышья: история и современность / Отв. ред. Ш.К. Ахметова, Н.А. Томилов. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2007. С. 6–12.
5. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. – 371 с.
6. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 342 с.
7. Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. – 16 с.
8. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. – 311 с.
9. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 164, [3] с.
10. Катанаев Г.Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. Конец XVI и начало XVII столетий. СПб.: Издал В. Березовский, 1908. – 115 с.
11. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Томского университета, 2005 – 323 с.
12. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
13. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата : Гылым, 1991. – 238 с.

14. Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 60–73.
15. Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири. 1582–1808. Омск, 1996. Ч. 4.
16. Октябрьская И.В. Казахи Алтая. История и современность // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 92–102.
17. Потанин Г.И. Сибирские казаки // Живописная Россия. СПб., 1884.
18. Потапов Л.П. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Сибири и Казахстана. М., 1954. – 44 с.
19. Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв. Некоторые итоги и перспективы изучения // Сибирская заимка. 2001.
20. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1992. - 270 с.
21. Хорошхин П. Казачьи войска. Опыт военно – статистического описания. СПб., 1881.
22. Шерстова Л.И. Этнокультурные контакты русских и народов Сибири в XVII–XIX вв.: евразийский аспект // Степной край Евразии: историко–культурные взаимодействия и современность. Тезисы докладов и сообщений III научной конференции. Астана – Омск – Томск, 2003.
23. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Новосибирск, 2003.

ТЕМА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РУССКО-КАЗАХСКОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

2.1. Освоение Россией Южной Сибири в первой половине XVIII в.: основные направления и результаты

На протяжении XVII – начала XVIII в. Россия осуществляла активное продвижение в южно-сибирском направлении, что обеспечивало ей значительное расширение ее территориальных владений, открывало широкие возможности для эксплуатации природных ресурсов. Одной из основных причин данного процесса стало открытие и разработка месторождений полиметаллических руд на территории Верхнего Приобья, освоение которых становилось приоритетной задачей государства в этом регионе. Результатом освоения природных богатств края стало зарождение Алтайского производственного комплекса, начальный этап истории которого связан с именем российских предпринимателей Демидовых. В 1726 г. А.Н. Демидов обратился в Берг-коллегию с прошением и получил разрешение на добычу и плавку медных руд в верховьях р. Алея, Чарыша и Убы.

К началу строительства заводов территория Обь-Иртышского междуречья практически не была еще освоена русским населением. В своем прошении А.Н. Демидов называл район, где были найдены заявленные им медные месторождения, опустевшими владениями «татар», при этом он опасался «кары-колпаков и протчих орд» – тюркоязычных кочевников. Его просьба о защите от кочевых «орд» была вызвана действительной обстановкой в Верхнем Обь-Иртышье. По мнению В.Б. Бородаева и А.В. Контева, терминология горнозаводчика определялась пограничными реалиями того времени, когда основная опасность исхо-

дила «от неприятельских воинских людей Казачьей орды (казахов Младшего и Среднего жузов).

Действительно, процесс становления Алтайского производственного комплекса проходил в достаточно сложной ситуации, сложившейся в первой половине XVIII в. в Южной Сибири и прилегающих районах. Важнейшую роль в подсистеме международных отношений региона в этот период играло Джунгарское ханство¹. Первая четверть XVIII в. стала временем его наибольшего могущества. По мнению В.А. Моисеева, характер и состояние связей джунгарских правителей с Цинским Китаем и Российской империей оказывали серьезное влияние на исторические судьбы народов, населявших регион.

Русская колонизация Южной Сибири, и связанный с ней переход местного населения в подданство России вызывали обеспокоенность джунгарских правителей, так как ойраты теряли в этом регионе свои политические позиции, а вместе с тем и возможность сбора алмана. Поэтому закладка и строительство в 1707 г. на крайней южной точке левого фланга Южной Сибири Абаканского острога, в июне 1709 г. – Бикатунской крепости произошли в достаточно напряженной обстановке. Появление русских крепостей вызывало резкие протесты джунгарского хунтайджи: летом 1710 г. по его распоряжению Бикатунская крепость была разрушена. В целом территориальный вопрос стал главной темой русско-джунгарских переговоров на протяжении всей первой половины XVIII в.

Непосредственным поводом к расширению российской границы к югу вверх по Иртышу послужила информация об обильных золотых россыпях, будто бы находящихся около Джунгарского города «Еркети» (Яркенд). В июле 1715 г. к Яркенду была отправлена экспедиция И.Д. Бухгольца, заложившая годом позже Ямышевскую крепость. Прямым ответом на ее разрушение джунгарами явился приказ сибирского губернатора М.П. Гагарина кузнецкому комен-

¹ Джунгарское ханство было образовано в 1640 г. западными монголами – ойратами. Государство существовало на территории, которая в настоящее время относится к Казахстану, Киргизии, Китаю, России (часть Алтая, Хакасии и Тувы), Монголии и занимавшее земли от Тибета и Китая на юге до юга Сибири на севере, от юга Урала и Кокандского, а также Бухарского ханств на западе до Халха-Монголии на востоке, включая в себя верховья Оби, Иртыша, Енисея. Погибло в результате цинского завоевания в 1755–1759 гг.

данту В. Синявину от 1 апреля 1717 г. о строительстве новой Бикатунской крепости или другого укрепленного пункта в более выгодном месте. Так была построена Белоярская крепость в месте впадения в Обь реки Черемшанки. Новая крепость на реке Бии была построена в 1718 г. на месте современного г. Бийска.

Параллельно продолжалось строительство крепостей по Иртышу. В начале 1717 г. назначенный на место И.Д. Бухгольца подполковник П. Ступин вновь заложил Ямышевскую и Железинскую, в 1718 г. – Семипалатинскую, Долонскую крепости и Убинский редут. В 1720 г. началось строительство Усть-Каменогорской крепости. Ее сооружение завершило начальный этап создания Верхиртышской военной линии, защитившей Верхнее Приобье от кочевников с запада и юго-запада.

2.2. Территориальное сближение Колывано–Воскресенского округа и казахских владений во второй половине XVIII в.

Важную роль в процессе освоения Россией Верхнего Прииртышья играли отношения с казахскими ханствами. В ходе джунгаро-казахского конфликта 20-х гг. XVIII в. восточные районы Старшего жуза оказались захваченными джунгарами, что привело к массовой миграции казахов-кочевников в сопредельные территории. Казахи Старшего жуза были вынуждены откочевать к Самарканду, Бухаре и Ходженту, Младшего жуза – к Хиве. Казахи Среднего жуза продвинулись на север и северо-восток и приблизились к границе Колывано–Воскресенского округа.

По сообщению региональных органов власти казахи неоднократно совершали грабительские набеги на Колывано–Воскресенские заводы, угоняя у местных жителей скот и травя посевы. Таким образом, по мнению ряда исследователей, миграционное движение казахов выступало дестабилизирующим фактором в регионе, представляло основную опасность для русских первопоселенцев, приступивших к освоению рудных богатств Алтая, и являлось одной из

главных причин, сдерживавших на этапе становления развитие горнозаводского производства на Алтае.

Тем не менее, первая четверть XVIII в. явилась важнейшим этапом в развитии казахско-русских отношений, завершившихся позднее вхождением Младшего, большей части Среднего и части Старшего жузов в состав Российской империи. В условиях назревавшего социально-экономического, династического и внутривластного кризиса часть казахской аристократической элиты, попыталась установить более тесные взаимоотношения с Россией. При поддержке последней ханы и султаны рассчитывали стабилизировать ситуацию, урегулировать земельные споры подвластных им кочевых родов, получить свободный доступ к рынкам Поволжья, Приуралья, Западной Сибири и с помощью российских войск добиться от Джунгарии возврата ранее отторгнутых казахских земель в северных районах Семиречья. В 1731 г. Анна Иоанновна подписала грамоту о принятии хана Младшего жуза Абулхаира и его подданных в состав империи. В сороковые годы XVIII в. подданство России приняло большинство родовых подразделений Среднего жуза.

Принятие казахами присяги на верность российской короне обострило российско-джунгарские отношения. В начале 40-х гг. XVIII в. сибирской администрации стало известно о намерении джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна разрушить крепости по Иртышу. В срочном порядке было принято решение о принятии мер, направленных на повышение обороноспособности военных линий в Южном Алтае. С целью реализации намеченных задач сибирский губернатор А.М. Сухарев обратился в Сенат с предложением построить новую военную линию от Семипалатинска до Телецкого озера. После чего, 29 сентября 1744 г. Сенатом был издан указ об увеличении воинского контингента в регионе «для предосторожности от зенгорской стороны» и назначение нового военного руководства. Уже в 1745 г. на Иртыше было возведено 24 укрепления и начато строительство новой укрепленной линии – Колывано-Кузнецкой.

Появление новых военно-оборонительных сооружений сопровождалось структурной реорганизацией Колывано-Воскресенского горнозаводского ком-

плекса и определением его границ. В 1744 г. правительственная комиссия отстранила от управления заводами приказчиков Демидова, а в мае 1747 г. заводы, рудники, селения Колывано-Воскресенского округа перешли в собственность императорской фамилии. На месте власть была передана Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Колывано-Воскресенские заводы, наряду с Нерчинскими, были подчинены Кабинету Его Императорского Величества и служили источником пополнения царского бюджета. С момента возникновения и до конца существования кабинетская горно-металлургическая отрасль экономики Алтая в силу своей принадлежности пользовалась широчайшими привилегиями, которые стали основой ее процветания к концу XVIII в., но с другой стороны породили ее неконкурентоспособность и в конечном итоге способствовали кризису горной промышленности края. Для превращения Колывано-Воскресенского округа в один из развитых горнозаводских районов России широко использовался экономический, финансовый, военный потенциал государства, его людские ресурсы.

Одной из приоритетных задач ее деятельности провозглашались вопросы обороны заводского ведомства, в первую очередь от разрушительных набегов казахов - кочевников. В указе говорилось о необходимости не только укрепить уже имеющиеся крепости, но и построить ряд новых, снабдить их артиллерией и обеспечить необходимым количеством регулярных и нерегулярных войск. В связи с чем, в 1748 г. были заложены Ануйская и Катунская крепости, начато строительство Чагырской крепости. Годом позднее на р. Убе основаны Шемонаевский и Красноярский форпосты. В военный пункт была превращена и старожильческая деревня Кабанова на Чарыше, получившая название Кабановская защита.

Территория округа в основном сложилась к началу 60-х гг. XVIII в. и существенно не изменялась вплоть до 1797 г. Она была значительной по размеру и включала в себя по современному делению южную часть Томской, часть Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайский край. Однако точно границы округа не были определены. В 1748 г. территория округа расширилась за счет

приписки новых селений с крестьянами. С середины XVIII в. он являлся составной частью Тобольской провинции Сибирской губернии.

Таким образом, в результате создания новой административно-территориальной единицы – округа Колывано-Воскресенских рудников и заводов на Алтае и перекочевков казахов Среднего жуза в ходе джунгаро-казахского конфликта в 20–40 гг. XVIII в. к Иртышу, произошло территориальное сближение двух этносов в Южной Сибири. Казахи представляли собой традиционное военно–потестарное объединение, и приносили деструктивные моменты в функционирование предприятий Алтайского производственного комплекса. В большинстве случаев миграции казахов на территорию заводского ведомства носили разрушительный характер и причиняли урон становлению промышленности горного округа и его населению. Ситуация в регионе стала меняться с конца 50-х гг. XVIII в. под воздействием ряда внешнеполитических факторов.

В 50-е гг. XVIII в. против Джунгарского ханства и других народов Центральной Азии была организована широкая экспансия Цинской империи. Падение Джунгарии вновь активизировало миграционные настроения казахов Среднего жуза на север и северо-восток, в бывшие ойратские кочевья, что привело к соприкосновению с жителями крепостей сибирских пограничных линий. Одним из главных направлений миграции было Обь-Иртышское междуречье, в частности, территория Колывано-Воскресенских заводов. По сообщению регионального руководства перемещение кочевников выступало мощным фактором дестабилизации межэтнической ситуации в регионе.

Данные обстоятельства, несмотря на стремление к развитию благоприятных отношений с казахским населением, вынуждали российские власти принимать решительные меры к ограничению их проникновения в пределы Российской империи. Военное командование в регионе подчеркивало, что для государственных интересов полезнее было бы не допускать казахов на «жилую сторону» Иртыша и выселить уже прикочевавших казахов из региона в степь. Однако малочисленность войск в крепостях и форпостах Иртышской военной линии не позволяли реализовать предложенные им меры.

Напряжение этносоциальной обстановки в приграничных районах вызывало беспокойство и сибирской администрации, которая говорила о необходимости увеличения воинского контингента для защиты сибирских границ от казахских набегов. В середине 50-х гг. XVIII в. правительством был принят ряд дополнительных мер с целью ограничения перекочевки казахов в Прииртышье, во внутренние пределы империи. Так, в конце 1756 г. командующим войсками Сибирской линии генералом И.И. Шпрингером была разработана специальная инструкция комендантам крепостей Иртышской линии, в § 12–13 которой строго предписывалось запретить приближение казахов к левому берегу Иртыша «на расстоянии 10 или, по крайней мере, 5 верст». Этим было положено начало так называемой десятиверстной полосы, которая протянулась по левому берегу Иртыша, вдоль Пресногорьковской и Иртышской укрепленных линий.

Однако принятию решительных мер по ограничению миграционного движения казахов в направлении Колывано-Воскресенского горного округа препятствовала создававшаяся в регионе внешнеполитическая ситуация, связанная с разгромом Китаем Джунгарии. Российское руководство осознавало геополитическую значимость огромных степных пространств, занятых казахами-кочевниками для продвижения в Центральную Азию и, таким образом, было заинтересованно в установлении доброжелательных отношений с казахами. Активная политика Китая в этом регионе, образование им на территории бывших джунгарских владений наместничества Синьцзян представляли реальную угрозу интересам России. По мнению С.Г. Кляшторного, прямой нажим Пекина на хана Среднего жуза Аблая привел к охлаждению его отношений с сибирской администрацией, и созданию системы двойного подданства части знати Среднего жуза России и Китаю. Эту так называемую политику лавирования хана Среднего жуза Аблая некоторое время продолжал и его сын Вали-хан.

Опасность полного подчинения казахов Цинской империи заставляла российское правительство искать оптимальные варианты развития российско-казахских отношений. Кроме того, существовала реальная угроза цинского вторжения в пределы российского государства: китайские отряды неоднократно

но подходили к Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Колыванской и другим крепостям. Сведения о возможном наступлении цинских войск в южно-сибирском направлении, включение в завоевательные планы Цинов Колывано-Воскресенских рудников и заводов делали необходимым осуществление ряда военно-оборонительных мероприятий.

К середине XVIII в. на Иртышской военной линии на протяжении примерно 3 тыс. км насчитывалось около 10 тыс. человек регулярных и нерегулярных войск, что, безусловно, не отвечало потребностям пограничной безопасности. Начиная с 1757 г. началось увеличение воинского контингента сибирских линий из имеющихся в наличии резервов. В 1760 г. в правительственных кругах было принято решение о строительстве новых крепостей по линии от Усть-Каменогорской крепости по р Бухтарме и далее до Телецкого озера и постепенном заселении этого региона. Таким образом, Колывано-Воскресенский округ оказался защищенным с юга новой Колывано-Кузнецкой линией, в которую вошли 9 крепостей и 53 редуты.

Опасность агрессии со стороны Китая вынуждала российское правительство принимать шаги, направленные на укрепление имперских позиций в казахской степи. Основой этой политики явилась серия мероприятий социально-экономического характера, прежде всего, практика выплаты казахским султанам «жалования» и подарков². Кроме этого в ряде крепостей были основаны специальные меновые дворы (Семипалатинской, Пресногорьковской), в Ямышевской крепости учреждена пограничная таможня. При этом казахи получили возможность беспошлинной торговли. В 1767 г. указом правительствующего Сената был подтвержден беспошлинный отпуск хлеба казахам, с одной только целью «дабы чрез то киргиз-кайсаки имели более к России обязанности». Для усиления своего политического и экономического влияния в степи российское правительство поощряло развитие и распространение у казахов земледелия.

² С середины XVIII в. российская администрация распространила практику назначения казахским ханам «за доброжелательное отношение к Российской империи» жалования в размере от 300 до 600 рублей ежегодно, выдавалось хлебное довольствие. Значительные суммы ежегодно выделялись на жалование и подарки волостным старшинам. Велось активное строительство домов и усадеб для знатных казахов.

Тем не менее, миграционная политика России в отношении казахов на протяжении второй половины XVIII в. носила противоречивый характер. На протяжении 60-е гг. XVIII в. несколько раз подтверждался указ о запрещении казахам переходить на правобережье Иртыша. Однако уже в 70-е гг. вопрос о перекочевках казахов на внутреннюю линию принял новый оборот. Активное участие казахов в крестьянской войне Е. Пугачева заставило правительственные круги пойти на большие уступки в решении данного вопроса. Указом от 16 июля 1771 г. казахам было разрешено перегонять скот на правобережье Иртыша при условии располагать свои кочевья от российских селений и дорог на расстоянии не менее 25 верст. Плата за перекочевку в российские пределы была введена только в 1800 г. и представляла натуральный налог со скота (1 голова со ста единиц скота), так называемая «ремонтная пошлина», которая поступала в фонд сибирских драгунских полков и на содержание госпиталей, а позднее была передана Сибирскому казачьему войску.

В дальнейшем правительство закрепило за казахами право кочевания в российских пределах. Указы 1788 г., 1797 г., 1799 г. поступательно шли по пути послабления запрета казахских переселений в пределы Российской империи. В результате на рубеже XVIII–XIX в. казахи Среднего жуза постепенно освоили Бель-Агачскую, Ремовскую, Узкую, Соляную, Локтевскую, Коростелевскую степи и Шульбинский бор. Чуть позднее кочевники заняли и Кулундинскую степь, переселившись частью из Локтевского района, частью из Семипалатинской области и начали целенаправленное миграционное движение в Бухтарминский край. По этническому составу казахи, мигрировавшие на территорию Колывано-Воскресенского горного ведомства, принадлежали к племенам найман, каракытай, кыпчак, керей, уак. К началу XIX в. они представляли собой несколько обособленных групп, получивших название по месту расселения: кулундинские, чуйские, бухтарминские казахи.

2.3. Правовое регулирование миграции казахов в Алтайский горный округ в первой трети XIX в.

С начала XIX в. «казахский вопрос» в китайско–русских отношениях утратил свою актуальность. Цинский двор на западных рубежах своей империи отказался от политики дальнейшей экспансии в Центральной Азии и стал придерживаться «изоляционистского курса» в отношении России. Присутствие российской власти в подавляющей части казахских кочевий, сопредельных с цинскими пикетами, стало непреложным фактом. Тем не менее, в последующие десятилетия российское правительство занимало умеренную позицию в вопросе миграционного движения казахов в пределы империи.

Его новая волна на территорию Колывано-Воскресенского горного ведомства пришла на 20–30 гг. XIX в. Причиной принято считать народное движение казахов под руководством клана Касымовых, охватившее в этот период Средний жуз и дестабилизировавшее политическую и экономическую ситуацию в регионе. Значительные масштабы миграции впервые поставили на повестку дня вопрос о социальном и юридическом статусе казахов, кочующих на сибирских пограничных линиях и в пределах Колывано-Воскресенского горного округа (с 1834 г. – Алтайского горного округа).

Решение данного вопроса впервые привело к жесткой конфронтации руководства горного ведомства с региональными и центральными органами власти. В частности Сибирская администрация предлагала отмежевать казахам земли на правом берегу Иртыша и создать, таким образом, зону казахского пастбищного скотоводства между укрепленной линией и крестьянскими поселениями. Этой мерой сибирская администрация пыталась предупредить возможные потравы покосов в линейной полосе, земельные споры и стабилизировать, таким образом, межэтническую ситуацию в регионе. Позиция руководства Колывано-Воскресенских заводов была категоричной: оно было против землеустройства кочевников в пределах данной административно-территориальной единицы. Свою позицию администрация округа мотивировала необходимостью

отвода земельных ресурсов округа заводским крестьянам, слабым контролем со стороны линейных властей за казахами и их неповиновением представителям местной администрации. Также, Колывано-Воскресенское горное правление пыталось искоренить практику найма казахов населением округа. Неоднократно заводским крестьянам подтверждался запрет брать казахов на подсобные или заводские работы.

Негативную оценку администрации горного округа получил принятый в 1822 г. Устав «Об управлении сибирскими инородцами». Непосредственное отношение к Горному округу имели разработанные в Уставе положения об административно-территориальном устройстве казахов внутренних и внешних округов. По ним земли Колывано-Воскресенского горного округа в основном входили в состав Томской губернии и Омской области. Омская область состояла из Омского, Петропавловского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского округов.

Администрация Омской области после вступления в силу Устава 1822 г. получила полное право распоряжаться по своему усмотрению на подведомственной ей территории. Отдельные окружные начальники, в частности, Усть-Каменогорский, стали выдавать казахам разрешения с веденя администрации Омской области на кочевки в пределах округа. В то же время, по Уставу 1822 г., казахам отводились временные кочевья на заводских землях и в южных округах Томской губернии. Здесь казахи должны были полностью подчиняться местному губернскому, земскому и горному начальству.

Эти постановления, безусловно, шли вразрез с интересами Горного правления. В это время происходило окончательное обособление Кабинета и подчиненного ему округа, как в управленческом, так и в хозяйственном смысле. При этом тенденции развития горнорудной промышленности на Алтае углубляли феодальные компоненты. Утверждение права на земли округа в первой половине XIX в. сопровождалось оформлением его территориальных границ, составлением плановых материалов. Поэтому любое администрирование в Западной Сибири, затрагивающее интересы Горного округа вызывало шквал кри-

тики его руководства и активизировало деятельность Кабинета по защите его прав.

Ситуация, возникшая в административно-территориальной системе управления Западной Сибирью после введения Устава 1922 г., вынудила Колывано-Воскресенское горное начальство выступить с протестом и потребовать от сибирской администрации принять меры против землеустройства кочевников в пределах данной административно-территориальной единицы. Межведомственная переписка, длившаяся весь 1824 г. завершилась изданием распоряжения, запрещавшего казахам кочевать на принадлежащих заводскому ведомству землях.

По данным на декабрь 1833 г. на землях Колывано-Воскресенского горного ведомства проживало 8605 казахов. Однако, многие из них занимали данные территории более 50 лет и потому считали их своими родовыми кочевьями. Поэтому их выселение с территории горного ведомства, неоднократно инициировавшееся его руководством на протяжении 20–30-х гг. XIX в., было трудно осуществимой задачей. Кроме этого имелись и объективные обстоятельства, препятствующие практической реализации постановления сибирской администрации о выселении кочевников с территории округа. Среди них: отсутствие четкой границы земель Омской области и земель, принадлежащих горному округу, бюрократические проволочки, нерешенность вопроса о новом месте выдворения кочевников, их прямые отказы от переселения во внешние округа и т.д.

На протяжении 30-х гг. XIX в. правление Алтайского горного округа продолжало настаивать на выселении кочевников с территории подведомственной ему административно-территориальной единицы, неоднократно обращалось к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбами об ограничении миграционных потоков казахского этноса. Результатами данных обращений явились постановление генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова от 19 марта 1842 г. и свод правил Тобольского губернского совета от 9 декабря 1843 г., которые подтверждали предыдущие распоряжения Омского областного

начальства и решительно запрещали «не только водворение в заводском ведомстве киргиз и подобного рода людей, но и дозволение даже временного им там кочевания».

Решением заседания Тобольского губернского совета от 1843 г. усложнялась процедура получения права на переход кочевников на правобережье Иртыша, в пределы внутренних округов. Казахи должны были предварительно заявить об этом ближайшему пограничному начальству с подробным указанием в своем прошении числа людей, кибиток и скота следующих с ними, а также округа, волости и селения, куда они намерены перекочевать. Эти сведения передавались в Земской суд и через волостное собрание предлагались на рассмотрение крестьянской общины. Свое согласие или несогласие принять казахов для кочевки крестьянское общество, после предварительного засвидетельствования в волостном правлении, представляло в Земской суд. Казахам, получившим разрешение на кочевку, внешние окружные приказы выдавали свидетельства, в которых четко определялся округ, волость и селение, в пределах которых им была разрешена кочевка.

2.4. Проблема юридического статуса казахов Алтайского горного округа (середина XIX в.)

Несмотря на противодействия со стороны региональной администрации, казахи продолжали перекочевку в пределы Алтайского горного округа. Прикочевывавшие казахи поступали в ведение волостного или сельского начальника, который обязан был раз в неделю осуществлять «проверку людей и скота» на основании имеющихся у самих казахов свидетельств. Казахам, переходящим с назначенного места кочевья в другие селения или другую волость, должны были выдаваться дополнительные свидетельства тем волостным правлением, из ведомства которого казахи перекочевывали. Высылке во внешние округа подлежали казахи, которые самовольно совершали перекочевку в нарушение указанных правил.

Особое внимание уделялось казахам, подозреваемым или замеченным в кражах. Все дела о преступлениях и проступках, совершенных казахами в местах кочевья, признавались искиковыми и разбирались по их обычаям; преступления, совершенные в городах и селениях, рассматривались на основании общих законов. Особым родом наказания для освобожденных от рекрутской повинности казахов служила отдача их на военную службу. За уголовные преступления казахов судили по общим уголовным законам, однако само понятие «уголовное преступление» в отношении казахов расширялось. Уголовными преступлениями считались: 1) государственная измена, 2) убийство, 3) грабеж и барымта, 4) явное неповиновение установленной власти. Исходя из такой формулировки, казахов можно было судить по уголовным законам за любой проступок, расценив его как государственную измену или неповиновение власти. Приведение в исполнение данных правил возлагалось на исполняющего должность тобольского гражданского губернатора и пограничного начальника Сибирских киргизов.

Несмотря на разработку и принятие юридической базы пребывания казахов в пределах Алтайского горного ведомства, активного их выселения с территории округа не происходило. В январе 1852 г. с его территории во внешние округа переселилось 289 кибиток (около 1450 человек), остальные же казахи продолжали занимать места в пределах Омского, Каинского и Бийского округов. Если учесть общее количество казахов Алтайского горного округа, которых в 1833 г. насчитывалось 8605 человек, а по сведениям на 1849 г. только станичных казахов, проживающих на землях Сибирского казачьего войска и откочевывающих на летние пастбища в Кулундинскую степь, было уже 16 тыс. человек, видна неэффективность предпринимаемых мер к выселению казахов с территории горного округа. На протяжении первой половины XIX в. казахское население Алтайского горного округа возрастало, а кампании по их выселению желаемого эффекта не приносили. Обширность малонаселенного края, бессилие административных властей и сопротивление со стороны казахов приводили

к тому, что последние продолжали «незаконно» проживать на кабинетских землях.

Это вынудило, в конечном итоге, администрацию Алтайского горного ведомства пойти на некоторые уступки и перейти к обсуждению вопроса о возможности землеустройства кочевников в пределах вверенной ей административной единицы. На протяжении 40-х гг. XIX в. Алтайское горное правление делало попытки разработать правила, на основании которых казахам разрешалось бы переселение в регион и вступление в сословие заводских крестьян. Однако бюрократическая волокита оставила проект без реализации.

Сибирская региональная власть к середине XIX в. также признавала необходимость определения юридического статуса казахов, кочующих в Южной Сибири. С ликвидацией в 1838 г. Омской области, внутренние казахи остались без непосредственного административного подчинения. Но, фактически до 1854 г., они по-прежнему находились в ведении Омского пограничного правления. Неофициально казахи перешли под начало Омского, Колыванского, Барнаульского, Бийского земских судов, несмотря на то, что они на законодательном уровне не были подчинены данным органам власти. Некоторая часть казахов оказалась подотчетна казачьему и горному ведомствам. В тоже время, осуществлять административный, полицейский и налоговый контроль за кочевникам Алтайского округа всем вышеперечисленным органам было фактически невозможно. В первую очередь ситуация объяснялась удаленностью и подвижностью расположения кочевий. Ослабление административного контроля приводило к распространению и утверждению казахского самоуправления.

В начале 50-х гг. XIX в. начала работу специальная комиссия, призванная решить проблемы административного устройства внутренних казахов, результатом работы которой явились предложения о создании особого управления внутренними казахами и в 1854 г. была образована Семипалатинская область. В Семипалатинской области казахи составили Семипалатинский внутренний округ сибирских казахов, в который вошло пространство с включением гг. Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Бухтарминского укрепления и селений по

Иртышской линии от крепости Железинской до Мало-Нарымской включительно. Область управлялась военным губернатором и Областным управлением.

«Положение об управлении Семипалатинской областью» содержало правила о порядке перехода казахов на правобережье Иртыша, во внутренние округа, на земли Сибирского казачьего войска и десятиверстной полосы, а также регламентировало временное пребывание кочевников в казачьих станицах и крестьянских селениях. Казахи получали право наниматься работниками в русские селения с разрешения аульного общества и местного начальства. Согласно § 94 Положения переходить в Алтайский горный округ казахам запрещалось.

Однако, как и ранее, принятие нового законодательного акта не решило проблемы незаконного перемещения казахов в пределы горного ведомства. В начале 60-х гг. XIX в. одним из основных районов проживания кочевников стала практически незаселенная ранее Кулундинская степь. От кулундинских казахов неоднократно поступали прошения о причислении их по месту жительства, при этом они соглашались выплачивать особую денежную повинность в пользу Кабинета за пользование предоставленными землями. Однако подобные обращения, как правило, оставались без ответа, а правление Округа продолжало выступать против присутствия казахов на его территории. Таким образом, в решении вопроса о юридическом статусе казахов региона отчетливо проявились расхождения центральных, сибирских и местных властей по вопросу о регламентации миграционного движения казахов. Администрация округа была категорически против присутствия казахов на его территории. Свою позицию правление аргументировало наличием угроз этнической безопасности, усилением межэтнических конфликтов, вызванных в первую очередь наносимым крестьянским хозяйствам ущербом. Сибирские власти придерживались умеренной позиции. Не желая конфликтовать с Кабинетом, сибирская администрация, которой было не выгодно выселение казахов за пределы Алтайского горного округа, так как это привело бы к осложнению ситуации во внешних округах, фактически игнорировала его просьбы и предписания.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Назовите основные причины миграционного движения казахов в пределы Обь – Иртышского междуречья во второй половине XVIII в.
2. Определите роль Цинской империи в процессе освоения русскими южносибирского региона.
3. Назовите районы компактного проживания казахов в пределах Алтайского горного округа.
4. Охарактеризуйте позицию администрации Алтайского горного округа в отношении миграционного движения казахов в его пределы.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.
2. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. – 371 с.
3. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата : Наука, 1971. – 275 с.
4. Бородаев В.Б., Контев А.В. Взаимоотношения русских первопроходцев с монгольским и тюркским населением Верхнего Обь-Иртышья в период начального освоения рудных богатств Алтая (1720-е годы) // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конференции. Барнаул, 2003.
5. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – 144 с.
6. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М. : Наука, 1979. – 311 с.
7. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 164, [3] с.

8. Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Вост.лит., 2003. С. 5–28.

9. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983. – 128 с.

10. Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата : Казахстан, 1982. – 279 с.

**ТЕМА 3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В
АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ ГОРНОГО ОКРУГА КАК
ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ
ЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И
КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX
В.).**

**3.1. Миграционное движение в Бухтарминском крае: причины, направления и
последствия (50-60-е гг. XIX в.)**

Со второй половины XIX в. в развитии межэтнических контактов русского и казахского населения Алтайского горного округа наступил новый период. Во многом содержание данного процесса определяла внешнеполитическая ситуация в Центральной Азии, а также начавшаяся модернизация системы управления горнозаводского ведомства, направленная на создание новой модели эксплуатации природных ресурсов региона.

Успехи внешней политики России в Казахстане и Средней Азии в 50-60-е гг. XIX в., приближение ее рубежей к владениям Цинской империи в Центральной Азии вызывали необходимость решения различных межгосударственных вопросов и, в частности, установления русско-китайской границы. Ее общее направление было определено Пекинским договором 1860 г. и Чугучакским протоколом 1864 г., закрепившим фактическое положение, которое сложилось в результате присоединения к России Старшего жуза и ряда районов Киргизии. Согласно Чугучакскому протоколу за Россией также закрепилась долина верхней Бухтармы и озера Зайсан, население которых в административном плане было подчинено руководству Алтайского округа.

Однако, несмотря на юридическое оформление российско-китайской границы в Бухтарминском крае, сложнейшей проблемой для властей продолжа-

ли оставаться несанкционированные переходы казахов-кочевников на территорию округа, в том числе из Китая. Степной генерал–губернатор³ Г.А. Колпаковский отмечал, что, казахи, связанные между собой общностью религии, единством происхождения и быта, не имеют четкого представления о подданстве. В связи с этим, российское подданство казахов, кочевавших в Бухтарминской долине, зачастую было номинальным. Сами казахи не отрицали, что некоторые из них являлись двоеданцами: российским властям они платили ясак и ремонтную пошлину за скот, выгоняемый в зимнее время на «русскую сторону», за зимние стоянки – китайскому правительству.

Миграции казахов через российско-китайскую границу, в том числе в Бухтарминском крае, значительно усилились в 60-е гг. XIX в. Толчком послужило мощное антицинское восстание дунган и уйгуров, вспыхнувшее в 1864 г. в Синьцзяне. В результате на территории провинции образовалось несколько независимых владений, наиболее сильным из которых было Йэттишар во главе с Якуб-беком. Только за первые несколько лет восстания границу с Синьцзяном перешли не менее 10 тыс. казахских кибиток из Семиречья и Западной Сибири. Мотивы миграции казахов в Синьцзян царскими чиновниками трактовались однозначно, как стремление мусульман объединить свои усилия в борьбе с «неверными». Однако, по мнению Г.К. Мукановой, существовали и другие не менее важные мотивы откочевок казахов в китайские пределы, в том числе и естественное желание кочевников освоить земли, освобождавшиеся в результате военного конфликта.

Прозрачность российско–китайской границы и постоянные перекочевки казахов через нее выступили побудительным мотивом для разработки механизмов решения «казахского вопроса» региональными органами власти. Так, в 1858 г. генерал–губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд предписал запретить крестьянам и инородцам, живущим в Бухтарминском крае, переходить на левую сторону р. Бухтармы в пределы Китая, не зависимо от причин, под опа-

³ Степное генерал-губернаторство было образовано в 1881 г. в его состав вошли Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Семиреченская области.

сением строгого взыскания. Несколько лет спустя, в 1863 г. последовало распоряжение сибирских властей удалить за китайские караулы всех не имеющих российского подданства казахов, кочевавших около р. Берели и по северному берегу р. Бухтармы. Согласно данному предписанию, в мае 1863 г. казахи, кочевавшие по правому берегу Бухтармы, между пикетом Чингистай и р. Калмачихою, были удалены. В регионе остались 5 аулов Каратаевской и Самайской волостей, которые в 1871 г. вошли в состав Нарымской и Чингистайской волостей. Казахам переселили в пространство между левобережьем Бухтармы и Тарбагатаем. По мере образования на Бухтарме русских поселений, казахи в поисках пастбищ перекочевывали в Бийский округ и стали арендовать земли в Змеиногорском уезде. В декабре 1865 г. на границе с Китаем был создан особый военный режим, призванный контролировать миграционные потоки, а также выставлены дополнительные военные отряды, ушедших за границу nomads было решено исключать из числа российских подданных.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. внешнеполитический фактор и фактор границы продолжали играть значительную роль в отношении российского правительства к миграционному движению казахов в пределы Алтайского (горного) округа. Не смотря на юридическое закрепление российско-китайского разграничения в Центральной Азии, на протяжении многих десятилетий граница оставалась фактически «открытой», миграции казахского населения в приграничных областях носили нерегламентированный характер. Свободное передвижение кочевников вносило деструктивные моменты в социально-экономическое развитие Алтайского (горного) округа

3.2. Процессы социально-экономической модернизации Алтайского горного округа и ухудшение миграционной ситуации в сопредельных областях России и Китая

Присоединение к Алтайскому горному округу сложного с точки зрения миграционной ситуации Бухтарминского края совпало по времени с началом

модернизации Алтайского производственного комплекса. В этот период четко обозначилась проблема низкой эффективности горнорудных предприятий, вызвавшая к жизни необходимость поиска новых источников доходов земель Кабинета. Именно поэтому в 1855 г. горный начальник Алтайских заводов А.Р. Генргросс представил программу экономической модернизации, акцент в которой был сделан на необходимость введения в эксплуатацию с целью получения дополнительных источников прибыли земельных и лесных ресурсов региона. Представленная А.Р. Генргроссом записка нашла положительный отклик у высшего руководства, следствием чего явились указы 1855 г., положившие начало развитию арендного хозяйства в Алтайском горном округе. Указы разрешили кабинетским чиновникам использовать земли округа, невостребованные для заводских нужд, сдавать их в оброчное содержание или аренду.

Не смотря на «революционность» данного проекта, его реализация натолкнулась на ряд объективных препятствий. Главным из них было то обстоятельство, что потенциал демографических ресурсов региона был весьма ограничен, категории населения, которые смогли бы участвовать в арендных отношениях, были малочисленны.

Последовавшая в 1861 г. реформа по отмене крепостного права внесла значительные коррективы в характер арендных отношений. Освобождение приписных крестьян и мастеровых, а также принятие разрешения на переселение крестьян из европейской части Российской империи на территорию округа открывали прекрасные перспективы для расширения арендно-поземельных отношений в регионе и расширения, таким образом, сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности.

Новые тенденции в экономической политике руководства Алтайского округа привели в том числе к кардинальной смене курса в вопросе миграции казахов в пределы округа. В начале 60-х гг. XIX в. горное руководство активно разрабатывало нормативно-правовую базу для создания автономного земельно-арендного хозяйства Кабинета. Казахское население оказалось посредственно втянутым в данный процесс, поскольку в 1861 г. появились первые оброчные

правила для Бель-Агачской степи, активной освоенной казахами еще в первой половине XIX в. Годом позже были утверждены правила, регламентирующие порядок земельно-арендных отношений для всей территории округа. А в 1867 г. было принято решение Кабинета о размерах арендных платежей за пользование земельными ресурсами округа: одна десятина сельскохозяйственных угодий стала облагаться 40-копеечным сбором и сдавалась в 5-летний срок аренды.

Утверждение правил и появление первых оброчных статей в Бель-Агачской степи стало ключевым в развитии аренды в округе. Особенности положения Бель-Агачской степи, прежде всего наличие относительно замкнутой территории со значительным количеством потенциальных арендаторов, способствовали появлению качественно нового результата, формированию самостоятельной земельно-арендной отрасли алтайского производственного комплекса. В конце 80-х гг. XIX в. выделился еще одна довольно мощная земельно-арендная площадка Алтайского округа – Бийский район.

В отечественной историографии сложилось представление о том, что земельно-арендная отрасль Кабинета не стала достаточно автономной и прибыльной статьей доходов. Ее эффективности и росту возможностей препятствовал ряд обстоятельств: несовершенство законодательства в данной сфере, отсутствие четкого понимания у администрации о возможностях развития капиталистических форм эксплуатации земельных ресурсов округа и их коммерческого использования, вследствие чего, значительно тормозилась процедура кадастровой переписи земли, определения ее ресурсных возможностей, проведение межевания, создания соответствующих условий для развития арендных отношений и т.д. В результате аренда во многом развивалась стихийно. Это в свою очередь порождало фактически бесконтрольное пользование населением земельных ресурсов округа, порождая дополнительную напряженность в межэтнических контактах русского и казахского населения региона.

Во избежание межэтнических столкновений в вопросах землепользования и освобождения земель, занятых кочевниками для развития арендных отношений руководство Алтайского горного округа инициировало новую дискуссию о

судьбе казахского населения, кочующего в пределах округа. В 1869 г. по поручению генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова были предоставлены сведения, на основании которых становилась очевидной невозможность выселения казахов в Семипалатинскую область. В контексте развития арендных поземельных отношений А.П. Хрущов выступил с предложением предоставить право казахам кочевать на землях округа с обязательной выплатой ими налога. Размер налога не должен был превышать трех рублей с кибитки и представлять не подушный, а кибиточный сбор.

Учитывая реалии нового времени, Кабинет вынужден был пойти на компромисс. Рассмотрев предложение генерал-губернатора Западной Сибири, А.П. Хрущова, Кабинет в 1873 г. разработал окончательный проект, регламентирующий миграции казахов в Алтайском горном округе. Проект ограничивал кочевки казахов на территории округа Кулундинской степью, где, по мнению Кабинета, легко могло разместиться все наличное казахское кочевое население, насчитывавшее не более 2680 кибиток, т.е. примерно 13500 человек. Выбранный район был удален от населенных пунктов, и оставался практически неосвоенным, только в юго-западной части Кулундинской степи находились в то время четыре небольших русских поселка (Николаевский, Северная, Неводная и Ключевская) с населением в 107 человек м.п.

Для реализации проекта 1873 г. казахов, проживающих в Алтайском горном округе, сибирская администрация объединила в три группы:

1 группа: казахи, кочующие в Ремовской и Коростелевской степях, в западной части Округа. В отношении их было установлено, что они «водворились на занимаемых ими местах» значительно ранее того времени, когда были установлены границы Алтайского горного округа.

2 группа: казахи, имеющие паспорта и проживающие в крестьянских селениях, на заводах и рудниках на заработках.

3 группа: казахи, самовольно мигрировавшие в Округ, без разрешительных билетов. Они жили, как правило, при крестьянских селениях и использовались в качестве дешевой рабочей силы.

По проекту 1873 г. проживание в пределах Алтайского округа в районе Кулундинской степи было разрешено только казахам, относящимся к первой группе. Казахи других категорий (в том числе казахи, кочующие на территории Локтевского завода и его окрестностей и казахи Бухтарминской долины) должны были быть выселены с территории Алтайского округа.

Проект 1873 г. был официально утвержден спустя 7 лет, в 1880 г., что вызвало новую волну противостояния региональной сибирской администрации и руководства Алтайского горного округа. Семипалатинский губернатор В.А. Полторацкий и Западно-Сибирский генерал-губернатор А.П. Хрущов считали выселение казахов с территории Алтайского округа необоснованным. Возражая против категоричности Кабинета в решении «казахского вопроса», они аргументировали свою позицию следующими фактами.

Во-первых, нарымские и чингистайские казахи Бухтарминского края, выселение которых было начато уже в 1874 г., не могли считаться самовольно прикочевавшими в Алтайский горный округ, так как проживали на занимаемых ими земли, задолго до появления русских переселенцев и образования первых русских деревень.

Во вторых, земли, занятые казахами Нарымской и Чингистайской волостей, как и вся северная часть долины Верхней Бухтармы, в своих климатических и географических условиях были более пригодны для скотоводства и непригодны для развития земледельческого хозяйства.

В-третьих, условием распространения горного промысла в Алтайских горах за Бийской линией до китайской границы согласно указу 1822 г. было «не стеснять живущих на этом пространстве инородцев».

Таким образом, казахи, по мнению администрации Степного края, имели неоспоримое право оставаться на занимаемых ими землях, так как данный указ в последующем отменен не был. Помимо этого генерал-губернатор Западной Сибири указывал, что переселение бухтарминских казахов невозможно без полной перетасовки всего Курчумского участка, что привело бы к осложнению межэтнических отношений.

Однако несмотря на приведенные доводы и аргументы, генерал-губернатор А.П. Хрущов не добился согласия Кабинета на даже временное пребывание казахов в Бухтарминской долине. В июле 1874 г. он отдал распоряжение семипалатинским властям о выселении всех казахов из Бийского округа в степные области. Всего выселению подлежало около 2000 казахских семей. Новый генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд продолжил начатый курс. В январе 1875 г. Главное управление Западной Сибири подтвердило свою решительную позицию по «казахскому вопросу» запретив казахам перегонять стада для пастьбы на крестьянских дачах Алтайского округа. Выселение казахов, особенно в Бухтарминском крае, происходило в сложной обстановке, зачастую сопровождалось применением вооруженных сил и влекло за собой крайне тяжелые последствия.

Летом 1876 г. Кабинет вновь продавил решение о выселении 573 кибиток казахов с правобережья Бухтармы. Именно после данного предписания в конце июля 1878 г. 750 кибиток казахов Чингистайской волости Усть-Каменогорского уезда, лишившись кочевков на правом берегу Бухтармы, мигрировали в Китай. Из числа выселенных в 1878 г. за пределы Алтайского округа казахов, около 1000 семей были выселены в Семипалатинскую область на левую сторону реки Бухтармы, в узкую долину, образуемую этой рекой и отрогами Алтайских гор. В 1878 г. еще 1061 кибитка казахов Алтайской волости откочевали в пределы Китая. Нередко перекочевки сопровождалась вооруженными столкновениями с пограничными властями. Хотя большая часть мигрировавших казахов впоследствии вернулась, откочевку, как протестную форму, кочевники продолжали использовать и в последующие годы.

Крупная волна перекочевков пришла на 1879 г., когда по донесению командующего войсками Семипалатинской области в восточные пределы Усть-Каменогорского уезда из Китая перекочевало около 1000 кибиток казахов киреевского рода, поколения Косым и Черечуи. Эти казахи скрывали в своих аулах откочевавших в предыдущие годы в пределы Китая подведомственных России казахов Чингистайской волости Усть-Каменогорского уезда. Весной 1879 г. ки-

реевцы кочевавшие на урочище Кош–Агач, постепенно продвигаясь на запад, занимали богатые, но незаселенные урочища, принадлежавшие Алтайскому горному округу и к лету того же года появились на урочище Укок близ верховьев р. Бухтармы. Появление в долине Бухтармы новых многочисленных групп казахов привело к обострению отношений с местным населением и вылилось в ряд вооруженных столкновений. Лишь после вмешательства командующего войсками Семипалатинской области киреевцы в начале августа 1879 г. откочевали с урочища Укок, при этом большая часть рода Кобош откочевала на р. Чую, а часть аулов Джелкаши вернулась за границу.

Отношение региональных органов власти на проблему миграции казахов, китайских подданных в пределы российской империи высказал генерал–губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков. Администратор заявлял, что даже временное пребывание в российских пределах неподданных казахов противоречит существующим договорам с китайским правительством и, кроме того, *«не может доставить нам никакой выгоды, а напротив служит источником хищнических набегов на соседние селения Алтайского округа»*. Киреям было предписано немедленно покинуть пределы России, а семипалатинскому губернатору даны полномочия применить для выселения китайских казахов в случае сопротивления оружие. Н.Г. Казнаков говорил о необходимости привлечения к процессу выселения казахов с российской территории и китайские власти, в частности советовал семипалатинскому губернатору координировать действия с властями Тарбагатайского округа провинции Синьцзян.

3.3. Проекты изменений административно-территориального устройства региона как способ решения «казахского вопроса»

В 70–90-е г. XIX в. вопрос об административном устройстве южных районов Алтайского горного округа, прилегающих к Семипалатинской области, находился в центре внимания центральных и местных ведомств. По мнению Н.И. Разгон, именно жесткая линия Кабинета, стремившегося не допустить от-

чуждения земель округа в пользование казахов, привела к тому, что даже умеренные проекты Семипалатинской областной администрации полностью отвергались Кабинетом, хотя порой находили поддержку у местной ведомственной бюрократии.

В 1879 г. военный губернатор Семипалатинской области А.П. Проценко для оптимизации управления Бухтарминским краем предложил образовать Алтайский уезд, в состав которого предлагал включить некоторые волости Усть-Каменогорского уезда и Бийского округа. Его предложение было связано с тем, что Бухтарминский край к этому моменту находился в административном подчинении как Томской губернии, так и Семипалатинской области. Это в свою очередь затрудняло управление краем, должностные лица Бийского окружного и Усть-Каменогорского уездного управлений не имели возможности эффективно выполнять свои функции. Поэтому наиболее действенными представителями административной власти в Бухтарминской долине оставались крестьянские волостные старшины и казахские волостные управители, власть которых была слабой. Чересполосица крестьянских и казахских владений способствовали росту претензий с обеих сторон, к усилению этнической неприязни. Отсутствие на месте представителей административной и судебной власти приводило к самоуправству и самосуду, оканчивающимся жестокими пытками, грабежами и убийствами.

Проект А.П. Проценко по образованию новой административно-территориальной единицы, объединившей бы Бухтарминский край, предполагал включение в ее состав четырех казахских волостей, расположенные в бассейнах рек Бухтармы, Нарыма и Кучума (Кучумскую, Нарымскую, Алтайскую, Чингистайскую), Алтайскую казачью станицу и четыре крестьянские волости Бийского округа Томской губернии (Зыряновскую, Бухтарминскую Заводскую, Бухтарминскую Иностранную и Нарымскую). Вновь созданные уезд Семипалатинский губернатор предлагал включить в состав Семипалатинской области.

Проект А.П. Проценко по созданию новой административно-территориальной единицы свидетельствовал и о коренных переменах в реше-

нии «казахской проблемы». Формировался новый подход к регламентации миграционного движения казахов. Основной целью становилось не выселение кочевников с занимаемых ими территорий, а создание и включение административных единиц с большинством казахского населения в административно-территориальную структуру Российской империи.

В первом варианте данного проекта, предложенного в 1873 г., наряду с вопросом о присоединении крестьянских селений Бухтарминского края к Семипалатинской области, речь шла и о проведении новой границы Алтайского горного округа, по которой от него отчуждалось более 6 тыс. кв. верст земли под кочевки казахов, что было для Кабинета совершенно неприемлемо. Именно несогласие Кабинета на разделение Алтайского горного округа являлось, по мнению семипалатинского губернатора, основным препятствием образования нового уезда. В связи с этим проект 1873 г. об образовании новой административной единицы был отклонен.

Проектируемое административное присоединение части Алтайского горного округа к Семипалатинской области обуславливалось полной неприкосновенностью юго-восточной границы округа и строгим запрещением казахам кочевать на правой стороне реки Бухтармы. Кабинет и Алтайское горное правление согласились с предложением семипалатинского губернатора на присоединение Бухтарминского края в административно-судебном отношении к Семипалатинской области.

Неоднократно военный губернатор Семипалатинской области обращался к администрации округа разрешить казахам временно кочевать на его территории. Как правило, необходимость временных кочевков была вызвана климатическим фактором: осенние проливные дожди и заморозки покрывали степь коркой льда, лишая тем самым скот возможности добывать травы. В 1880 г. А.П. Проценко обращался к начальнику Алтайских горных заводов Ю.И. Эйхвальду за разрешением казахам Усть-Каменогорского уезда перекочевать на правую сторону Бухтармы. Горное правление разрешало казахам в таких случаях перегонять скот, без перекочевки с аулами, на зиму на земли Алтайского округа,

при обязательной обратной перекочевке весной. В случае перекочевков ответственность за поведение и действия казахов возлагалась на семипалатинское начальство.

В начале 80-х гг. XIX в. администрация Алтайского горного округа предприняла очередную попытку решения проблемы землеустройства в регионе посредством реформирования земельно-арендной сферы экономики региона. Эта попытка была связана с пониманием руководства Алтайского горного округа невозможности реанимирования горной промышленности и усугублением в связи с этим ее дальнейшего кризиса. В 1882 г. в рамках реализации предложенной И.И. Воронцовым-Дашковым программы выведения из кризиса всего производственного комплекса Алтайского горного округа, началось активное решение проблемы землеустройства населения региона. Она предполагала выяснение размеров землепользования, причин замедленного межевания, определение размеров переселенческого земельного фонда и содействия развитию миграционных процессов в округе. Целью данной реформы стала попытка создания в регионе необходимых условий для набиравшего темпы крестьянского переселения на Алтай, увеличения в связи с этим сельскохозяйственного производства и развития промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции.

В процессе реализации задач землеустройства населения региона невозможно было все земли округа охватить арендой. Поэтому было принято решение начать данный процесс в тех районах округа, на территории которых несколько десятилетий назад уже были предприняты определенные шаги и мероприятия по созданию арендно-земельных отношений. Первым из таких районов стала Бель-Агачская степь. В 1883 г. здесь началась работа по исследованию района и проведению землеустроительных работ. Затем последовала очередь окрестностей Бийска, Барнаула и Кулундинской степи.

В контексте реанимирования земельно-арендной сферы Кабинет и администрация Алтайского округа были вынуждены примириться с присутствием казахов на территории Горного ведомства при условии юридического оформ-

ления их статуса. Результатом стали разработанные Комитетом министров и утвержденные Александром II «Правила о дозволении киргизам кочевок на землях Алтайского Горного Округа» от 22 октября 1880 г., положившие начало юридическому оформлению казахской диаспоры на Алтае.

В процессе подготовки правил МВД и Министерство Императорского двора предоставили право выбора территории, выделяемой казахам, Алтайскому горному правлению. В 1881 г. границы этого района были закреплены межами. В итоге, площадь предоставляемой казахам части Кулундинской степи составила 876591,53 дес. Горное правление отмежевало для казахских кочевий в 1881 г. Кулундинскую степь – район вдоль Семипалатинской границы и левого берега р. Бурлы на юг – до «Северного» бора, на восток – до Кулундинского и Кучукского озер площадью около 900 тыс. десятин.

Хотя в правилах не указывались предполагаемые сроки кочевания казахов в отведенном районе, а лишь говорилось, что они носят «временный» характер, из отношения министра Императорского двора к министру внутренних дел от 14 июля 1873 г. следовало, что кочевка казахов в Кулундинской степи предполагается в виде опыта на срок от 5 до 10 лет. В случае признания Кабинетом присутствия казахов в пределах округа недопустимым, генерал-губернатором Западной Сибири должны быть приняты соответствующие меры к постепенному выселению казахов.

За право пользования землями Кулундинского района казахи были обложены сбором в размере 6 руб. с каждой кибитки (4 руб. 50 коп. – в доход Кабинета, 1 руб. 50 коп. – в доход Государственного Казначейства). На отведенном участке казахам было предоставлено право заниматься скотоводством, хлебопашеством и другими сельскохозяйственными видами деятельности, однако казахи не имели права отчуждать земельные угодья третьим лицам, «не принадлежащим их обществу». У казахов, поселившихся в Кулундинской степи, сохранялся существующий порядок внутреннего управления. В случае нарушения данных правил, казахи подлежали обязательному выселению.

Согласно «Правилам» казахи, проживающие в других районах округа, подлежали обязательному выселению, кроме казахов Кайсандар–Кипчаковской волости, кочевавших по правому берегу р. Бурлы, около оз. Топольного и казахам, кочевавшим вдоль Бийской казачьей линии с назначением арендной платы 40 коп. за десятину.

Принятие данных правил законодательно ограничило кочевья казахов в Алтайском округе, хотя фактически казахи по-прежнему продолжали кочевать в различных районах округа, в том числе в Ремовской и Узской степях в окрестностях Локтевского завода (всего 646 кибиток). Все без исключения казахи причислены к разным волостям Семипалатинской области и мигрировали в Алтайский округ незаконно, без увольнительных паспортов.

Таким образом, в процессе регламентации миграционного движения казахов очень четко проявились противоречия местной и центральной власти. Несмотря на принимаемые со стороны администрации Алтайского горного округа ограничительные меры, которые зачастую были не эффективными, число кочующих казахов с каждым годом увеличивалось. Кабинет фактически примирился с присутствием казахов на территории Горного ведомства, но только на свободных землях и при условии их юридического оформления. Результатом чего явились разработанные Комитетом министров и утвержденные Александром II «Правила о дозволении киргизам кочевков на землях Алтайского Горного округа» от 22 октября 1880 г. Практически на протяжении 18 лет, данные правила являлись основным ориентиром в позиции администрации Алтайского Горного округа в отношении миграции казахов.

3.4. Административно-территориальные реформы XIX – начала XX в. в национальных окраинах Российской империи и их влияние на развитие межэтнических отношений в Алтайском округе

Наряду с внешнеполитическим фактором и фактором экономического развития Алтайского горного округа существенную роль в корректировке меж-

этнических отношений региона играли административные реформы XIX – начала XX в., проводимые в национальных окраинах Российской империи. Их целью было установление общеимперской системы управления. Результатом преобразований стало создание в юго–восточных районах Горного Алтая в местах теленгитских кочевий 1-й и 2-й Чуйских волостей.

Параллельно в казахской степи в 1882 г. было принято Положение об управлении Степным краем, завершившее процесс интеграции казахских земель в общеимперское пространство. В Положении все земельные и природные ресурсы региона признавались государственной собственностью. Подчеркивалось, что земли, занимаемые кочевьями, предоставляются казахам в бессрочное пользование, земельные излишки, превосходящие нормы кочевания, поступают в ведение Министерства государственных имуществ. Таким образом, принятие Степного положения завершило процесс признания казахских земель государственной собственностью. Унификация землепользования и последовавшее увеличение переселенческого движения обострили проблему казахского землепользования и сокращали амплитуды сезонных перекочевков.

В результате в последней трети XIX в. началась направленная миграция казахских родов из Прииртышья в пограничные области Южного Алтая (территория современного Кош–Агачского района). С согласия теленгитских старшин казахи стали арендовать земли 1-й и 2-й Чуйской волостей. В 1890 г. в пределах 2-й Чуйской волости насчитывалось 128 кибиток чингистайских казахов.

Рост численности казахов Чингистайской волости, в том числе за счет их миграции из пределов Китая, вынудил региональные власти ходатайствовать перед администрацией Алтайского горного округа о разрешении им пользоваться летовками на правом берегу Бухтармы и предгорьях Чобамбай. Возможность повторения миграции казахов в Китай вынудили Кабинет пойти на определенные уступки. Урочище Чобамбай было передано казахам в арендное содержание на 2 года с ежегодной платой в размере 1000 р. Спустя 10 лет в 1894 г. арендные условия были ужесточены. За пользование пастбищами устанавливалась арендная плата не менее 1 руб. с кибитки, взыскание которой возлага-

лось на Усть–Каменогорского уездного начальника. В дальнейшем казахи, несмотря на установленные для их кочевания территории, регулярно выходили за пределы Чобамбайских гор, правобережья р. Бухтармы и окрестностей Рахмановских минеральных ключей. Они продвигались в долину р. Чуи, вызывая неоднократны жалобы родовых старшины Чуйской волости. Попытки администрации Алтайского округа пресечь эти нарушения не давали положительных результатов.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Назовите причины усиления миграционного движения в центрально-азиатских окраинах Российской империи в 50–60-е гг. XIX в.
2. Какие изменения произошли в экономической системе Алтайского горного округа в 60–70-е гг. XIX в.
3. Назовите основные проекты землеустройства казахов в Алтайском горном округе, выработанные в 70–80-е гг. XIX в.
4. Определите эффективность ограничительных мер, вводимых региональной администрацией для регламентации миграционного процесса казахов в пределы Алтайского горного округа.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи русского и казахского населения в восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.
2. Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Барнаул: Изд-во Азбука, 2003. - 267 с.
3. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М. : Наука, 1979. – 311 с.

4. Кухаренко А.Е. Эволюция административной политики Кабинета в земельно-арендной сфере Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Известия АлтГУ. Серия история, политология. 2010. № 4/2. С. 133–137.

5. Муканова Г.К. Центральная Азия через призму отношений: Россия – Казахстан – Китай (XVIII–XX вв.). Петропавловск, 2002. – 465 с.

6. Октябрьская И.В. Казахи Алтая. История и современность // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 92–102.

7. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским кабинетом как фактор развития Российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012.

ТЕМА 4. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

4.1. Развитие земельно-арендных отношений в Алтайском округе в конце XIX в.

В конце XIX в. администрации Алтайского производственного комплекса предприняла очередную попытку нормализации системы арендно-земельных отношений. 1 июня 1896 г. были приняты Правила, которые стали первым законодательным актом государства, регламентирующим комплексно всю совокупность проблем, порождаемых данной сферой экономической деятельности администрации Алтайского округа. Это событие позволило организовать работу межевых партий Алтайского округа и заняться выделением земельных наделов бывшему горнозаводскому населению и небольшой части крестьян-переселенцев, получивших разрешения поселиться на землях Кабинета, а также актуализировать вопрос о землеустройстве казахов, проживающих на его территории.

Усилившаяся со второй половины XIX в. земельная крестьянская колонизация Алтая неизбежно требовала расширения земельного фонда поэтому с 1898 г. Алтайский округ был включен в процессы сибирского поземельного устройства. В пореформенный период, когда кабинетское хозяйство переживало кризис, сельское хозяйство стало играть ведущую роль в экономике региона. Одной из основных статей доходов округа стала сдача земель в арендное пользование. Этим можно объяснить стремление администрации Алтайского округа пересмотреть размеры землепользования казахов на территории ведомства.

В 1898 г. помощником начальника Алтайского округа по земельно-лесной части было возбуждено дело о нецелесообразности применения правил 1880 г. о выделении казахам в пользование Кулундинской степи, в связи с решением вопроса о наиболее выгодной эксплуатации обширной, почти пустолежащей площади земель, занятых кочевниками. Управление Алтайского округа отмеча-

ло, что принятые правила не эффективны, так как казахи кочуют не только в районе Кулундинской степи, но и далеко за ее пределами.

Летом 1898 г. специальной экспедицией по исследованию степных областей, возглавляемой статистом Главного управления Алтайского округа С.П. Швецовым, была проведена подворная перепись казахского населения, проживающего в Кулундинской степи. Исследование показало, что на территории степи на момент проведения переписи находилось 95 казахских аулов двух волостей Павлодарского уезда. Все казахское население распределялось по 688 хозяйствам. По своему характеру казахские хозяйства оставались кочевыми, исключение составили 6 хозяйств, которые к этому времени перешли к оседлости. Всего в Кулундинской степи проживало 4467 казахов.

Анализ видового состава стада казахов Кулундинской степи показал, что абсолютное большинство хозяйств вело полuosедлый образ жизни, так как количество крупного и мелкого рогатого скота было фактически одинаковым. Около 25,8% обследованных казахских хозяйств наряду со скотоводством занимались и земледельческими трудами.

Одной из задач проводимого исследования С.П. Швецова являлось определение количества земельных угодий, необходимых для землеустройства казахского населения Кулундинской степи. Излишки земельных ресурсов региона предполагалось передать в Переселенческий фонд для образования переселенческих поселков. В результате экспедиция С.П. Швецова определила размеры казахского землепользования в 177984 дес. земли и эта площадь составила менее одной пятой от площади выделенной казахам согласно Правилам 1880 г. При этом С.П. Швецов отмечал, что для вычисления предполагаемых размеров землепользования были взяты максимальные данные, а в действительности размеры отвода могут быть значительно снижены. Таким образом, после полного исследования численности казахов и размеров их землепользования в целом по Алтайскому округу оказалось, что самую малочисленную группу представляли казахи, кочующие именно в Кулундинской степи, тогда как количе-

ство земли, находящейся в их пользовании в три с половиной раза превышало площадь, занимаемую остальными группами казахского населения.

В 1898 г. Начальник Алтайского округа В.К. Болдырев в докладе управляющему Кабинетом попытался указать все существующие недостатки принятых условий кочевки. По его мнению, ситуация, связанная с предоставлением казахам права кочевать в Кулундинской степи значительно изменилась с 70-х гг. XIX в., в том числе за счет возникновения в Кулундинской степи более 20 переселенческих поселков с населением 27000 человек. В связи с этим, возникла необходимость пересмотра условий кочевания с целью увеличения доходности Кулундинской степи. В основе его предложения лежало изменение взимаемого с казахов сбора: замена покибиточного сбора поземельным.

Еще большие выгоды начальник Алтайского округа видел в фактическом запрещении казахам кочевать на вверенной ему территории. Во-первых, увеличится доходность земли (занятой сейчас казахами) – от отдачи в аренду. Во-вторых, откроется доступ российским переселенцам.

Для обсуждения вновь поднятого В.К. Болдыревым вопроса о выселении казахов из Кулундинской степи или об изменениях условий их пребывания на территории округа, управляющий Кабинетом выступил с предложением созвать особое совещание, состоявшееся 23 марта 1899 г. при Кабинете Его Величества состоялось особое совещание, на котором рассматривался вопрос о положении казахов в Алтайском округе. Совещание признало неудобным выселить всех казахов в Семипалатинскую область и высказалось единогласно за уменьшение предоставленного казахам степного района.

В декабре 1899 г. вопрос о землеустройстве казахов был поднят Степным генерал-губернатором М.А. Таубе. Во всеподданнейшем отчете за этот год он сообщал о необеспеченности землей 65000 казахов, проживающих на кабинетских и казачьих землях. В связи с этим вполне обоснованным стало его обращение к министру Императорского двора с просьбой о предоставлении казахам, проживающим на землях Кабинета в районе Бельгагачской степи, права бессрочного пользования этими землями. Исход Решение определила резолюция

Николая II о необходимости скорейшего устройства безземельных казахов, кочующих в Округе.

Вновь были организованы работы по переписи казахского населения, кочующего в Алтайском округе и определению количества занятых ими земель. Совместно с генерал-губернатором Степного края М.А. Таубе администрация округа приступила к обсуждению вопроса о порядке устройства казахов, проживающих на Кабинетских землях. Результаты исследования показали, что в пределах Алтайского округа проживало 27953 казаха. Из указанного числа более 21 тыс. кочевников продолжала вести кочевое хозяйство и лишь около 6,5 тыс. перешли к оседлости и проживали в русских селениях, занимаясь батрачеством.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Алтайский округ оказался включенным в общероссийский процесс землеустройства населения. Первоочередной проблемой для местной администрации стало землеустройство проживающих и кочующих в пределах округа казахов. Однако вопрос о регламентации миграционного движения не потерял своей актуальности. Административные и земельные реформы 80–90-х XIX в., проведенные в Степном крае, привели к активному переселению русского населения на территорию Семипалатинской области. Это обстоятельство в свою очередь повлияло на увеличение перекочевков казахов в пределы Алтайского округа. В конечном итоге администрация Алтайского округа была вынуждена решать вопрос о землеустройстве казахов, кочующих в пределах данного района.

4.2. Проблемы землеустройства казахов в Алтайском округе в начале XX в.

В начале XX в. администрация Алтайского округа вновь обратилась к необходимости землеустройства казахов в регионе. На протяжении 1907–1910 гг. были проведены мероприятия определившие районы их компактного проживания. В 1907 г. после завершения топографической и демографической ревизии, начальник Алтайского округа И.А. Ульрих предложил перейти к опре-

делению норм казахского землепользования в Кулундинской и Бельгагачской степи. По окончании обследования все свободные земли предполагалось включить в колонизационный фонд. Кроме того, отмечалась необходимость определения неудобных для поселения крестьян земель в данном районе. Конкретные мероприятия по проведению кадастровой переписи земель, занятых кочевниками встретили серьезные препятствия. Заведующий статистическим отделом округа в докладе о результатах исследования землепользования в Бельгагачской степи отмечал, что определить размеры казахского землепользования очень сложно, так как земли, занятые казахами, разбросаны в различных местах степи, не везде были определены границы отрубков, большинство участков не было нанесено на карту. Сложности возникали и при определении численности казахского населения, проживающего на арендованных землях.

Тем не менее, работы по определению размеров казахского землепользования в Бельгагачской и Кулундинской степей продолжались в течение 1907–1909 гг. Именно эти районы явились главным фондом для землеотводных работ переселенческой организации. В течение этого периода были обследованы и переданы в колонизационный фонд местной Переселенческой организации все свободные земли Бельгагачской, Ремовской, Узкой, части Коростелевской и Кулундинской степей, с обязательством устроить всех проживающих там казахов.

В Кулундинской степи было утверждено 5 участков для казахов, разделенных на 595 долей. При образовании участков в пользование кочевников было оставлено около 165 тыс. дес. земли по норме от 25 до 40 дес. на мужскую душу. В Ремовской, Коростелевской, Бельгагачской степях было зарегистрировано 1508 хозяйств, из которых только 155 хозяйств (10,3% от общего числа) продолжали вести кочевое хозяйство. Наибольшее число кочевых хозяйств располагалось в Коростелевской степи (117 хозяйств). Все наличное население трех степей составляло 17636 чел., в том числе казахов насчитывалось 8449 чел. или 47,9% от общего числа. В результате проведенного обследования Переселенческая организация с момента передачи свободных земель в колонизационный фонд и до 1910 г. включительно «устроила» всех казахов, кочующих на

степях Бельгагачской, Ремовской и Коростелевской степей. Зимой 1908–1909 гг. во всех поселках, как русских, так и казахских были организованы сельские общества с выбором должностных лиц. Из населения Бель-агачской степи было образовано две волости: русская – Ново-Покровская и казахская – Каиндыкская, которая впоследствии вошла в состав КазАССР.

Всего земель в результате новой политики администрации Алтайского округа в пределах данной административно-территориальной единицы было землеустроено 1366 кибиток (4237 чел. м.п.), кочующих в составе 21 аула. Отведенная площадь наделов составила 152109,10 дес.

Однако, к 1911–1912 гг. численность казахов, проживающих в Алтайском округе и оставшихся неустроенными в земельном отношении была высока и определялась примерно в 6430 чел. м.п. Это казахи, постоянно проживавшие в Змеиногорском уезде; казахи, кочующие в Змеиногорском уезде в летний период; казахи, кочевавшие в долине рр. Укока, Калгутты и Джасытар; казахи, кочевавшие в районе 2-й Чуйской волости Бийского уезда; казахи, проживавшие в отводах, оставшихся от образования переселенческих участков в Барнаульском уезде к северу от Кулундинской степи и казахи, проживающие в юго-западной части Мало-Гатского бора на Соляной и Аткульской степях.

Практически на протяжении 10 лет рассматривался вопрос о землеустройстве казахов, кочующих в пределах Чуйских инородческих волостей. Эти казахи, во главе с зайсаном А. Сарыкалдыковым, мигрировали из Китая в 1887 г. и заявили о своем желании принять российское подданство. Российские власти, рассмотрев прошения, отвели «неверноподданным» казахам «пустолежащие» земли Колгуты и Укока. Однако сарыкалдаки не стремились выполнять государственные решения. Большая часть их кочевий по-прежнему располагалась в долине р. Тархаты. Данные миграции способствовали осложнению земельного вопроса в регионе. Казахи-сарыкалдаки укрывали беглецов, принимали в своих кочевьях казахов из Монголии и Бухтармы. Местные власти неоднократно выдвигали сарыкалдакам порой ультимативные требования покинуть

пределы Чуйской степи и откочевать на отведенные земли Колгуты и Укока, однако кочевники продолжали оставаться на занятой ими территории.

Администрация округа была вынуждена признать присутствие казахов в Чуйской долине и заняться вопросом их землеустройства. Окончательное решение вопроса было принято в сентябре 1913 г., когда казахам была предъявлена отводная запись. Землеустроительная комиссия выделила казахам урочище Юстыд, в пределах бывшей 2-й Чуйской волости. При этом они были разделены на две части: катонские казахи, выходцы из Семипалатинской области и причисленные к разным волостям области, и казахи рода сарыкалдаков, мигрировавшие из Китая и принявшие русское подданство. Общее число казахов, получивших надел в урочище Юстыд составляло 672 чел. м.п. (сарыкалдаков – 462 и катонских казахов – 210). Казахи, получившие земельное устройство на урочище Юстыд образовали новую волость – Киргизскую.

Таким образом, в начале XX в. был проведен комплекс мероприятий, связанный с землеустройством казахов в пределах Алтайского округа и определены места их компактного проживания. В последующий исторический период данное обстоятельство выступило определяющим фактором в процессе передачи ряда районов Алтайской губернии Казахской Автономной Советской социалистической республике в 20-х гг. XX в.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Проанализируйте основные направления развития земельно-арендных отношений в Алтайском округе в конце XIX в.

2. Обоснуйте позицию руководства Алтайского округа в решении вопроса о землеустройстве казахов. Почему в начале XX в. администрация округа вынуждена была согласиться на проживание казахского населения в регионе?

3. Какие мероприятия проводились в Алтайском округе для исследования численности казахов, проживающих в регионе, размеров землепользования и видов их хозяйственной деятельности?

4. Назовите основные районы компактного проживания казахов в Алтайском округе в начале XX в.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи русского и казахского населения в восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.

2. Анисимова И.В. Землеустройство казахского населения Бельгагачской степи в начале XX в. (по материалам статистического обследования Бельгагачской степи Змеиногорского уезда 1908 г.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. тр. VII межд. науч.–практич. конф. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2006.

3. Анисимова И.В. Казахи Алтайского округа по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. (на примере Бухтарминской волости Змеиногорского уезда) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Сб. науч. статей. – Вып. 2. – Барнаул: Изд-во «АзБука», 2004.

4. Кухаренко А.Е. Эволюция административной политики Кабинета в земельно-арендной сфере Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Известия АлтГУ. Серия история, политология. 2010. № 4/2. С. 133–137.

5. Октябрьская И.В. Казахи Алтая. История и современность // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 92–102.

6. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским кабинетом как фактор развития Российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012.

ТЕМА 5. КАЗАХИ В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В АЛТАЙСКОМ (ГОРНОМ) ОКРУГЕ И ПРОЦЕССЫ РУССКО-КАЗАХСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО- БЫТОВОЙ СФЕРЕ

5.1. Особенности экономической жизни населения Алтайского (горного) округа в XVIII – XIX в.

В результате миграционного движения на протяжении XVIII–XIX вв. казахи стали неотъемлемой частью многонационального населения Алтайского округа. С точки зрения цивилизационных особенностей данный этнос наиболее полно сохранял черты традиционного кочевого общества. Н.А. Аристов подчеркивал, что казахи более всех тюркских народов сохранили скотоводческий и кочевой образ жизни и родовой быт. Действительно, в этот период казахи были структурированы по кровнородственному, генеалогическому принципу, выразившемуся в существовании родоплеменной и жузовой организации. Процессы социально-экономической дифференциации способствовали оформлению особых институтов в иерархии социальных отношений кочевников.

В экономической жизни русского населения Алтая главенствующие позиции занимало земледелие. В процессе первоначального освоения территории горного округа русским крестьянством данный вид экономической деятельности неизменно выступал как неременное занятие поселенцев. В первой половине XVIII в. каждая русская деревня в Верхнем Приобье была пахотной. Развитие горнодобывающей и металлургической промышленности на Алтае в феодальную эпоху определило своеобразие использования рабочей силы: она формировалась, главным образом, за счет принудительного труда части податного населения страны – приписных крестьян. Это обстоятельство во многом способствовало росту численности крестьян Алтая. По четвертой ревизии 1782

г. в ведомстве Колывано-Воскресенских горных заводов насчитывалось 54830 душ м.п. приписных крестьян. Приписная деревня обеспечивала хлебом потребности свои и заводов. В урожайные годы она имела возможность давать хлеб на военную линию и вообще за пределы округа.

Пореформенное время явилось началом расцвета сельского хозяйства на Алтае. Особенно заметно этот процесс проявился с 80-х гг. XIX в., когда по Оби началось судоходство. Увеличение емкости рынка шло за счет внутренних потребностей: винокуренной промышленности, роста неземледельческого населения городов, золотых приисков, частной и кабинетской промышленности. На рубеже XIX–XX вв. возросли размеры общего крестьянского землепользования с 7,3 млн в 1861 г. до 10 млн десятин в 1895 г., а душевой надел сократился с 44 в начале пореформенного периода до 27,7 десятин в 80-е гг. XIX в. и до 14 десятин в 1895 г.

Превращение Алтайского округа в аграрно-промышленный регион за счет увеличения миграционного движения русских крестьян-переселенцев способствовало появлению проблемы малоземелья. Наиболее остро она звучала в тех районах, где компактно оседали переселенцы и одновременно кочевали казахи: в Барнаульском и Бийском округах. Цивилизационные различия в хозяйственной и бытовой сферах двух этносов выступали дополнительным фактором дестабилизации межэтнического взаимодействия. Там, где границы пролегали по линии земледельческого фронта – линии соприкосновения земледельческой культуры с кочевым укладом, образовывалась буферная территория со стабильно высокой конфликтностью, постоянными взаимными набегами и столкновениями.

5.2. Переселение казахов в пределы Алтайского (горного) округа и обострение межэтнических отношений в регионе

Факт совместного длительного проживания русского и казахского народов на территории Алтайского горного округа способствовал установлению

контактов между ними. Однако, зачастую межэтнические отношения отличались нестабильностью и высоким конфликтным потенциалом. Так, особенно остро ситуация складывалась в районе Локтевских заводов и на урочище Бельгагач. Многочисленные жалобы русского населения на казахов активно поддерживало Алтайское горное правление, используя данный фактор как дополнительный аргумент в пользу решения о выселении кочевников с территории округа. По мнению Горного правления, казахи, кочуя вдоль маршрутов перевозки заводской продукции в районе Локтевских заводов, причиняли огромный вред деятельности заводов и могли стать причиной отказа возчиков выполнять вольнонаемные заводские работы. В 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель принял распоряжение о немедленном удалении за пределы заводского ведомства казахов, кочующих в окрестностях Локтевского завода и прилегающих к нему борах. Однако уже в августе 1864 г. Локтевская горная контора докладывала, что удаленные в начале весны из окрестностей завода и лесосек кочевники вновь переселились в заводской округ и заняли земли Узкой и Коростелевской степей вблизи Гадского и Коростелевского заводских курений.

Военный губернатор Семипалатинской области одной из причин незаконной миграции казахов в горное ведомство считал «совершенное равнодушие» местных земских и сельских властей на появление казахов и предлагал расширить полномочия волостной администрации с передачей в их введение функции наблюдения и контроля за переселением казахов в переделы округа.

Не менее сложной оставалась ситуация на урочище Бельгагач. В середине XIX в. по сведениям Семипалатинского окружного приказа на урочище находилось до 700 заимок, принадлежащих жителям города Семипалатинска, сибирским казакам ближайших к городу селений и другим лицам. Большая часть владельцев заимок постоянно на Бельгагаче не проживала, нанимая для охраны имущества заимок разорившихся казахов, которые не имели разрешения на перекочевку.

В пореформенный период, когда активно стали развиваться арендно-поземельные отношения, русское и казахское население Бель-агачской степи вступало в конкурентную борьбу за земельные ресурсы региона. Межэтническую ситуацию осложняли многочисленные случаи конокрадства, совершавшиеся по донесению местной администрации на урочище исключительно по окончании полевых работ казахами, специально приезжающими для участия в данных работах.

Распространенное в среде номадов конокрадство объясняется цивилизационными особенностями номадизма. Барымта или насильственный угон скота являлась не только проявлением мужества и удалества, своеобразным обрядом инициации молодых юношей, но и выступала регулятором вопросов пользования пастбищными угодьями и социальных связей. Казахский род, имевший наибольшее количество «профессиональных» барымтачей, пользовался большим авторитетом среди сородичей и мог рассчитывать на дополнительные бонусы в свою пользу при решении спорных вопросов.

С точки зрения ментальных установок русских крестьян барымта представляла собой вид кражи имущества. Российские власти на протяжении XIX в. пытались искоренить этот традиционный институт. По Уставу о сибирских казахах 1822 г. она признавалась как вид уголовного преступления и предусматривала соответствующее наказание. В русско-казахских межэтнических отношениях алтайского региона смысловая нагрузка института барымты претерпела определенную трансформацию. По сообщению региональных органов власти во многом конокрадство было одной из форм этнической неприязни двух этносов.

Масштабы конокрадства постоянно росли, что вынуждало решать проблему на административном уровне. В качестве предохранительных мер администрация Семипалатинского округа предлагала в середине XIX в., например, запретить перекочевку казахов, приходящих из внешних округов без билетов, заверенных в Семипалатинском окружном приказе. В получаемых билетах рекомендовалось указывать точное количество и особые приметы лошадей, име-

ющихся в наличии у казаха, совершающего перекочевку. Предлагалось также запретить горнозаводским крестьянам и казакам пользоваться услугами беспаспортных работников, а во время полевых работ не принимать казахов без билетов и с билетами, не заверенными в Окружном приказе. Семипалатинскому окружному правлению рекомендовалось отправлять в районы кочевания казахов своих представителей для контроля за исполнением своих обязанностей волостными начальниками.

Однако практическая реализация предложенных мероприятий сопровождалась определенными трудностями. Нередко волостные управители сообщали, что возложенный на них контроль за переселениями был фактически невозможен, поскольку места казахских кочевков находятся на значительном расстоянии.

5.3. Экономические последствия миграции казахов в районах соляных промыслов Алтайского (горного) округа

Казахские перекочевки в пределы округа наносили значительный ущерб не только крестьянскому, но и заводскому хозяйству. Кочующие казахи осложняли работу различных промыслов, прежде всего соляных. Смотрители соляных озер неоднократно жаловались администрации, что казахи своими табунами затаптывали родники, уничтожая тем самым, садку соли. Это вынуждало старшего смотрителя Боровых соляных озер неоднократно обращаться с просьбой о выдворении казахов из этого района, как к начальнику Алтайского горного округа, так и к семипалатинскому уездному начальнику.

В результате в 70-е гг. XIX в. было принято решение о запрещении казахам приближаться к соляным участкам ближе, чем на 20 верст. Однако данное постановление не смогло остановить казахов и к середине 80-х гг. XIX в. миграционный поток вновь усилился. Чаще всего, прикочевавшие казахи своими действиями (особенно, кража скота) настраивали и местное население, и местную администрацию против себя. Всего в 1886 г. на территории соляных озер

кочевало 60 казахских юрт. Несмотря на выдворение, спустя некоторое время, казахи вновь возвращались на кочевку в районы соледобычи, пользуясь пастбищными угодьями без осуществления арендных платежей. Старший смотритель Боровых озер, неся существенные убытки, обвинял в бездействии волостных управителей, которые были не способных воплотить в жизнь предписаний администрации. Местные полицейские органы не стремились принимать решительных мер, ограничивая свою работу выдачей казахам предписаний на выселение или изъятием у казахов подписок об откочевке от озер с наступлением лета.

Семипалатинское уездное начальство, опираясь на Временное положение об управлении степными областями (1868 г.), все вопросы, связанные с пребыванием казахов на территории Алтайского (горного) округа, переложило на местные полицейские власти – Барнаульского исправника и Земского Заседателя II участка Барнаульского округа. Таким образом, ситуацию не удалось преломить до конца 80-х гг. XIX в.

Приближение казахов со своими кочевками к соляным озерам заметно отражалось и на самой продаже соли. Если в 1884 г. было отпущено в продажу соли 378225 пудов, то в 1888 г. всего 152027 пудов. Соответственно уменьшился и доход Кабинета: в 1884 г. поступило попудной платы 12422 руб. 47 коп., а в 1888 г. – 1599 руб. 25 коп. Это объясняется тем, что солевозы ввиду кражи казахами лошадей неохотно брали подряд на перевозку соли с Боровых озер и предпочитали ехать за таковой на другие озера. Региональным органам власти стало очевидно, что проблему следует решать, используя совершенно новый подход. Поэтому в 80–90-е гг. XIX в. все чаще стали озвучиваться идеи об образовании из казахов, кочующих в районе Боровых озер, нового поселка или о причислении их к крестьянскому обществу. Как правило, просьбы о причислении удовлетворялись в пользу казахов, и им выдавались разрешительные удостоверения.

В марте 1893 г. смотритель соляных озер Боровой системы представил прошения 90 казахских семей об отводе им в пользование Джантаевской степи,

которая охватывала район от Малинового озера до границ Семипалатинской области, где находилось несколько сенокосных урочищ, и о перечислении данных казахов в крестьяне. Начальник Алтайского округа В.К. Болдырев несмотря на распоряжение Кабинета от 14 июня 1873 г., запрещавшего казахам кочевать в пределах данной административно-территориальной единицы, за исключением особого участка на Кулундинской степи, принял ходатайство к удовлетворению. Причиной выступило желание казахов перейти на оседлый образ жизни. После рассмотрения дела в Кабинете, его управляющий принял решение разрешить казахам поселиться в Алтайском округе, но без предоставления им льгот по оплате налогов и по отбыванию воинской повинности, о которых они просили. Год спустя, в 1896 г. в главном управлении Алтайского округа были зарегистрированы прошения еще 40 семейств, желающих причислиться к вновь образуемому поселку в Джантаевской степи.

Администрация Алтайского округа занимала достаточно жесткую позицию по отношению к кочующим на его территории казахам, настаивая на их выселении. Однако принимаемые решения о выдворении той или иной группы кочевников были трудно осуществимы. Зачастую рассмотрение дел, касающихся казахов, затягивалось на несколько лет, а затем прекращалось за неимением необходимых фактов или из-за отсутствия ответчика. Дополнительным фактором роста напряженности в регионе выступала ситуация, когда после окончания срока аренды земель Кабинета казахи не покидали места кочевков. Предпринимаемые местными властями попытки к их выселению собственными силами результатов, как правило, не приносили. Не приносили ожидаемого эффекта и обращения за помощью в администрацию Алтайского округа. Так, например, 21 января 1883 г. Горное правление приняло постановление о немедленном выселении казахов, прикочевавших на зимовку в Гадский, Малогадский, Северный боры. В качестве гаранта выполнения предписания от них требовалось взять расписки. Однако казахи под разными предлогами откочевки уклонялись, тем самым переходили в разряд так называемых «самовольно прикочевавших» и подлежали обязательному выдворению.

5.4. Использование труда казахских переселенцев на предприятиях Алтайского горного округа

Позиция руководства Алтайского горного округа в вопросе регулирования миграционного движения казахов в пределы региона и определения его юридического статуса во многом определялась экономическими потребностями региона. Модернизация Алтайского производственного комплекса, начавшаяся в пореформенный период, способствовала формированию рынка труда в регионе. Казахское население заняло на этом рынке собственную нишу, его низкоквалифицированный и потому дешевый труд активно использовался, прежде всего, на подсобных работах.

Труд казахов активно использовался в горнорудной промышленности Алтая. Ее активное развитие на рубеже XVIII–XIX вв. порождало проблему нехватки рабочих. Кроме этого, владельцы заводов и рудников стремились сократить свои затраты, в том числе и за счет сокращения расходов на заработную плату. Привлечение труда казахов на различные заводские работы, таким образом, было экономически выгодно алтайской промышленности. Труд казахского населения, как правило, использовался на сезонных работах: выломке соли, заготовке куренных дров, сплава руды по Иртышу.

В начале XIX в. казахи в качестве рабочей силы стали использоваться на предприятиях золотопромышленности. Первые прииски начали разрабатываться в районе г. Усть-Каменогорска, к концу XIX в. значительное их число сосредоточилось на притоках р. Курчум и в Зайсанском уезде. В этом районе абсолютное большинство рабочих составляли казахи. Так, в 1891 г. на золотых приисках Прииртышья трудилось 2045 казахов. Массовый падеж скота в регионе в 1891–1892 гг. привел к резкому увеличению численности работающих на приисках казахов в 1892 г. до 2734 чел., в 1893 г. – 4015 чел.

С конца 70-х гг. XIX в. казахи стали наниматься на Риддерский рудник, на Колыванскую шлифовальную фабрику, где они занимались заготовкой сена,

работали на ручных водоотливах. По мнению управляющего Колыванской фабрикой, найм казахов на работы приносит предприятиям определенную выгоду. Численность казахских рабочих была не велика. В 1876 г. на Таловском и Риддерском рудниках по найму работал 31 человек, на Колыванской шлифовальной фабрике – 10 человек, в 1880 г. на фабрику было нанято 22 казаха. В 1893 г. на Риддерский и Сокольный рудники была принята для съемки пустых пород артель казахов, состоящая из 15 человек, которая впоследствии увеличилась до 30. Несмотря на малочисленность, казахские рабочие значительно снижали цены на оплату труда, и администрация промыслов активно отстаивала свое право нанимать их на работу.

Много лет казахи работали на Таловском руднике, рядом с которым и обустроили свои личные хозяйства. В связи с прекращением рудничных разработок, казахи в 1884 г. обращались к управляющему рудниками с просьбой не выселять их за пределы Округа, а предоставить возможность работать на других рудниках. В целом, власти предприятий поддерживали стремление казахов остаться в Округе, в связи с увеличением работ на соседних рудниках.

Алтайской администрации приходилось учитывать интересы горной промышленности и разрешать казахам, занятым в производственном процессе проживать в пределах Округа. Многочисленными были просьбы Начальника Алтайского горного округа в Кабинет с просьбой о разрешении казахам приобретать дома, проживать в юртах на территории заводов и приисков, иметь скот. Алтайское горное правление отмечало, что повышение качества жизни казахов, будет способствовать их заинтересованности в работе.

Схожую позицию занимала и западносибирская администрация, отмечая, что ни одним из предписаний не требовалось «безусловного удаления» кочевников с территории Округа, в связи с чем, казахи, занятые в рудничных и других промыслах, имеющие увольнительные билеты не должны выселяться на общих со всеми казахскими кочевниками условиях. Несмотря на то, что одним из условий предоставления казахам права проживания в ведомстве был запрет на устройство юрт на казенных землях, администрация вынуждена была согла-

ситься с проживанием казахов в летнее время в юртах около рудничных селений.

Хозяйственная занятость казахов на заводах и рудниках приводила к изменениям их социально-экономического статуса. Ежегодно работая на одних и тех же промыслах, казахи обращались к администрации Округа за разрешением причислиться к русским селениям или образовать казахские поселки. Неоднократно поднимался вопрос о разрешении казахам, занятым на Кольванской шлифовальной фабрике проживать в селении Кольванском Бийского округа.

Экономическое положение казахов, работавших на предприятиях горно-рудной промышленности, было крайне тяжелым. Региональные власти неоднократно подчеркивали, что золотопромышленники в контракты вносили тяжелые условия, так как казахи, нуждающиеся в заработке, были готовы выполнять любую работу.

Еще одной сферой применения труда казахов в Алтайском округе являлась соледобыча, которая представляла тяжелый и трудоемкий процесс. Казахи ежегодно привлекались к ломке соли на Боровых соляных озерах.

Установленная цена за выработку 1 тысячи пудов соли в 80–90-е гг. XIX в. составляла 5 руб. 50 коп. В среднем один ломщик вырабатывал от 25 до 35 тыс. пудов соли, получая в целом за сезон 160–180 руб., однако иногда заработки доходили и до 300 руб. за сезон.

Наряду с соледобычей казахский труд использовался и на других промыслах Алтайского горного округа. Например, Павловская горная контора просила Алтайское горное правление не выселять казахов с прилегающей к заводу территории, заявляя, что казахи уже несколько лет нанимаются конторой на поставки казенного сена, а удаление казахов приведет к увеличению платы за работу. Администрация Павловской горной конторы также отмечала, что она нанимает казахов согласно циркулярному предписанию Алтайского горного правления от 18 апреля 1862 г., в котором управляющим заводскими работами предоставлялось право вместо уволенных мастеровых нанимать на работы

«всех без изъятия лиц, имеющих установленные виды о своем звании, с включением и киргиз».

Безусловно, процент занятых в различных отраслях алтайской промышленности казахов к началу XX в. был не велик. По подсчетам Е.В. Карих, основанных на данных Первой всероссийской переписи населения 1897 г. следует, что в Змеиногорском округе в добывающей промышленности работало около 5% казахов; 2,5–3,9% были заняты торговлей. Большая часть казахов – 87,3% занимались традиционным скотоводством, остальные – земледелием. В Бийском округе 46% казахов перешли к земледелию и вели хозяйство в миссионерских и крестьянских поселках, 33% кочевали в Чуйской степи и прилегающих районах. Только 6% казахов занимались различными ремеслами: кузнечным делом, обработкой шкур, шитьем одежды, плетением узд, изготовлением стремян, 1,2% торговали живым скотом.

В тоже время процесс вовлечения казахов в производственную сферу и рост численности казахов, работающих по найму, объективно отражал процесс интеграции кочевников в сферу экономической деятельности Алтайского округа. Хозяйственная заинтересованность усиливала склонность казахов к «оседлой» жизни, к занятию земледелием, стремлению унифицировать свое положение с крестьянским населением Алтайского округа. Следует также подчеркнуть, что на рынке труда Алтайского округа казахи со временем заняли свою социальную нишу.

Найм казахов на предприятия горнорудной и соледобывающей промышленности Алтайского (горного) округ можно считать как одну их форм адаптации к новым социально-экономическим реалиям жизни. Администрация округа была заинтересована в использовании дешевого низко квалифицированного труда кочевников, что во многом определяло ее непоследовательность в принятии и реализации некоторых решений о выселении казахов с территории данной административной единицы. Работа в промышленном секторе экономики горного ведомства способствовала трансформации традиционной социальной

структуры казахского общества, его интеграции в российский социум и формированию новой категории – промышленных рабочих.

5.5. Взаимодействие русских и казахов Алтайского (горного) округа в социально-бытовой сфере

Несмотря на негативное в целом отношение к казахам, алтайские крестьяне не отказывались от использования их труда в своих хозяйствах. По приговорам крестьянских обществ кочевники нанимались для охраны русских заимок, для пастьбы скота и в качестве домашних работников. Складывалась практика, при которой казахи, привлекаемые заработками, ежегодно приезжали в одни и те же селения для сезонной работы, а впоследствии и оседали в русских деревнях. На рубеже XVIII – первой половины XIX в. приписное крестьянство, выполнявшее целый спектр повинностей в пользу Кабинета, не имело возможности уделять необходимое внимание развитию индивидуального хозяйства. В свою очередь некоторая часть казахов, мигрировавшая на территорию округа, представляла группу, лишенную возможности вести традиционный образ жизни в результате потери скота. В создавшихся условиях широкое распространение получила форма батрачества или найма крестьянами на сезонные работы в свои хозяйства казахов

Как указывалось выше, позиция властей Алтайского округа в отношении казахов на протяжении XIX в. оставалась неизменной: их перекочевку в пределы округа либо запрещали, либо ограничивали, либо определяли район проживания. Однако горное правление отмечало, что согласие и заинтересованность крестьянских обществ в привлечении казахов к различным работам затрудняла выполнение многочисленных распоряжений властей относительно выселения казахов с подведомственной территории. Так, еще в 1827 г. омский областной начальник С.Б. Броневский в ответ на требование начальника Колывано-Воскресенских заводов удалить казахов из крестьянских селений резонно заме-

чал, что не находит веских причин для запрета русским крестьянам нанимать казахов на различного рода работы.

Однако, Колывано-Воскресенское горное начальство настаивало на необходимости и запрета русским нанимать казахов в свои селения, и выселении уже принятых на работу в селения заводского ведомства, с указанием, что русские крестьяне будут нести ответственность за приглашение и найм кочевников.

Несмотря на неоднократные распоряжения и повторные запреты, крестьяне продолжали нанимать в хозяйства кочевников. Нередко казахи, проживающие около русских селений и участвующие в хозяйственной деятельности в летний период, переходили к земледелию, сенокошению, стремились сохранить кочевья в Округе и зимой. Подобные прошения неоднократно поступали как администрации Горного округа, так и Томскому гражданскому губернатору.

В этих же годы территорию Бухтарминской волости посетил начальник горных заводов С.П. Татарников. Являясь сторонником административной высылки казахов с территории округа, он вынужден был резко изменить свое мнение после ознакомления с ситуацией на месте. Чиновник признавал, что прикочевавшие к русским селениям казахи активно вступают в экономическое взаимовыгодное взаимодействие с крестьянами, ведут собственное хозяйство, нередко занимаются земледелием.

Побывавший в конце 40-х гг. XIX в. в прииртышских селениях чиновник особых поручений Трофимов отмечал, что за билеты на право проживания в крестьянских селениях заводского ведомства плата не предусматривалась. Однако, многие казахи добровольно оформляли документы, разрешающие кочевать в пределах русских селений.

Во многих районах горного округа наблюдалась аналогичная ситуация. Например, крестьяне с. Тюменцевское Кулундинской волости Барнаульского округа просили Томского губернатора разрешить «держать у себя киргиз с законными паспортами», отмечая, что найм казахов на работу представляет

экономическую выгоду, так как «кроме пастьбы скота киргизы ставят также сено, снимают хлеба».

Прежде всего, крестьяне нанимали казахов в качестве пастухов. При этом, данная мера способствовала снижению конокрадства, которое процветало на территории округа. Казахи-конокрады из внешних округов обычно не угоняли скот у соплеменников, нанявшихся в крестьянские хозяйства. Кроме того, казахи профессионально выполняли обязанности, сохраняли скот, при выгоне скота реже травили посевы и сено. К тому же крестьянам это позволяло не отрываться от земледелия и постепенно увеличивать поголовье скота.

Значительно затрудняли развитие межэтнических процессов неоднократные решения администрации Алтайского округа, запрещавшие крестьянам сдавать пространства своего землепользования в оброк. Запреты в реальной практике межэтнической коммуникации всегда нарушались, поскольку взаимодействие в данной сфере было жизненно необходимо и русскому крестьянству и казахам.

Рассматривая прошения крестьян о найме казахов в их хозяйства, администрация Алтайского горного округа во второй половине XIX в. опиралась, прежде всего, на положение Сибирского комитета от 19 апреля 1854 г. Согласно положению въезд на территорию округа разрешался, в том числе и в крестьянские селения для различных работ, только тем казахам, которые переселяются без юрт и скота, по увольнительным билетам на каждого человека, с обязательством предъявлять их местному начальству. Самовольная прикочевка казахов к селениям приписных крестьян преследовалась администрацией, однако окончательно пресечь ее так и не удалось. Семипалатинская администрация, анализируя причины неудач вывода казахов за пределы крестьянских селений подчеркивала, что жители горного ведомства, нанимая казахов пасти скот или для выполнения других работ, удерживают их при селениях своих как бы по праву обязательства. В свою очередь казахи, для получения постоянного заработка, стараются вновь прикочевать к горнозаводским селениям. В связи с

этим, распоряжения областных властей о выселении казахов из горнозаводских селений, оказываются не вполне успешными.

Заинтересованность крестьян в использовании наемного труда казахов объяснялась, прежде всего, тем экономическим положением, в котором находились приписные крестьяне Алтайского округа. Объем заводской работы, отсутствие достаточных ресурсов для самостоятельного ведения хозяйства, вынуждали жителей Горного округа прибегать к трудовому найму. Ситуация стала изменяться в пореформенный период. С прекращением заводских отработок крестьяне получили возможность уделять больше времени индивидуальному хозяйству и поэтому резко сократили трудовой найм. Это привело к уменьшению численности казахов-джатаков, проживавших в крестьянских селениях. Большая их часть перешла к аренде свободных кабинетских участков Бельгагачской и Кулундинской степей. В результате складывалась практика, когда казахи на протяжении нескольких лет сотрудничали с крестьянами одно и того же населенного пункта.

Точное количество джатаков, проживавших в приграничной линии, установить трудно. По данным А.Н. Алексеенко, в 1842 г. при селениях Усть-Каменогорской, Убинской и Колыванской волостей проживало в 657 юртах около 3450 казахов, в Карасукской волости в 228 юртах – 1325 казахов. По данным Е.В. Карих в конце XIX в. из 7511 казахов, числившихся в Барнаульском и Змеиногорском уездах, 1010 казахов проживало в крестьянских селениях в качестве пастухов.

Архивные документы свидетельствуют, что прикочевывавшие на жительство в крестьянские селения казахи представляли собой разорившихся скотоводов, найм на работу в хозяйства крестьян являлся, таким образом, моделью адаптивного поведения к изменившимся реалиям их жизни. Из данных, представленных чиновником особых поручений Алтайской администрации Трофимовым, побывавшем в середине XIX в. во всех прииртышских селениях следовало, что 35% казахских хозяйств, прикочевавших к ним не имели овец, 7,9% – лошадей, 7,4% – крупного рогатого скота. Хозяйства, не имевшие овец, боль-

шей частью, или не имели совсем, или имели самое минимальное количество лошадей и рогатого скота. Трофимов также отмечал в своем отчете, что 11,4% казахских хозяйств, проживающих в крестьянских селениях, занимались земледелием, 73,5% - сенокосением. Все это свидетельствовало о процессе трансформации традиционного кочевого уклада, переходе этой группы казахов к оседанию и новым методам и формам ведения хозяйства.

5.6. Процесс оседания казахов Алтайского округа как результат межэтнического взаимодействия в регионе (конец XIX – начало XX в.)

Говоря об экономическом взаимодействии русского и казахского этносов необходимо отметить, что они не вступали в жесткую борьбу за ресурсы. К моменту возникновения земельного кризиса, связанного с началом массового крестьянского движения в Сибирь, и на Алтай в частности, а также политикой Кабинета, сдерживающей введение в эксплуатацию земельных массивов региона, большая часть казахов, кочующих на территории округа, уже была землеустроена. Это обстоятельство позволяло двум народам сосуществовать автономно друг от друга, сохранять собственную этничность, специфику материальной и духовной культуры. Межэтническая конфронтация возникала только в том случае, если кочевники нарушали границы отведенных им районов землепользования и вторгались в пределы крестьянских селений, совершая потраву посевов или угоняя скот.

Это обстоятельство определило достаточно слабые по своим последствиям процессы взаимной аккультурации. Продолжительное по времени проживание казахов в селениях приписных крестьян способствовало переходу некоторой их части к оседлому образу жизни. К середине XIX в. по докладам региональных чиновников, казахам, кочующим в пределах русских селений, были известны как сельскохозяйственные работы, так и некоторые ремесла.

Наиболее ярко стремление перейти на оседлый образ жизни демонстрировали казахи, кочевавшие в Кулундинской и Бельгагачской степях. Данная си-

туация объяснялась рядом факторов. Во-первых, территорию этих степных пространств Алтайского округа казахское население освоило ранее всего, начиная с 70-80-х гг. XVIII в. Казахи Джанжар-Уваковской волости, кочевавшие в Кулундинской степи, обращаясь к администрации Алтайского округа с просьбой о землеустройстве, мотивировали свою позицию тем, что в связи с длительностью проживания на одном месте, казахи успели построить себе зимние деревянные дома и, наряду со скотоводством, начали заниматься земледелием.

Во-вторых, наряду с кочевниками данный район активно осваивали крестьяне. Таким образом, здесь была сформирована достаточно мощная контактная зона двух этносов, позволявшая вырабатывать разнообразные практики межэтнического взаимодействия. Многие казахи, подчеркивали, прежде всего, традиционность кочевания на одних и тех же местах и установления в связи с этим дружественных отношений с местным русским населением, в том числе развитие хозяйственных связей.

В 1891 г. в Главное управление Алтайского горного округа обратился управитель Бель-Агачской волости А. Джексепаев. В своем ходатайстве он просил 1883 кибитки, кочевавшие в волости наделить землей, перевести в разряд осевших и приписать к крестьянскому сословию. Одним из аргументов в пользу удовлетворения ходатайства волостной управитель называл продолжительность по времени проживания казахов в этом районе и «соседство с крестьянскими поселениями», вследствие чего они стали «заниматься хлебопашеством, ведя смешанное хозяйство: скотоводческо-земледельческое».

Тем не менее, процессу массового перехода кочевников, длительное время кочевавших в Кулундинской и Бельагачской степях препятствовал ряд обстоятельств. Прежде всего, инертность региональных органов власти в решении данного вопроса. Проблема перевода казахов на оседлый образ жизни и связанное с ним определение нормы казахского землепользования, длительное время обсуждалась различными инстанциями Российской империи. Однако вплоть до 1917 г. она так и не была решена. Кроме этого, позиция руководства Алтайского округа, направленная на протяжении XVIII – 70-х XIX вв. на выселение ка-

захского населения, ограничение его миграционного перемещения в регион, препятствовала формированию побудительных мотивов у кочевников к переходу на оседлый образ жизни.

Безусловно, факт совместного длительного проживания русского и казахского народов на территории Алтайского горного округа способствовал установлению контактов между ними. Наиболее актуальным для обоих этносов являлось сотрудничество в экономической сфере. В зоне русско-казахского межэтнического взаимодействия фиксировались процессы взаимной аккультурации. Однако в условиях численного превосходства русского народа, процессу русификации более подверженными оказались казахи-кочевники. Наиболее ярко данная тенденция обозначилась в экономической сфере. Так, длительное время проживавшие в качестве батраков в русских селениях, скотоводы заимствовали новые формы ведения хозяйства, в частности сенокосение и стойловое содержание скота. В Кулундинской и Бельгагачской степях – районах, занимаемых кочевниками на протяжении многих десятилетий, обозначилась тенденция к переходу на оседлый образ жизни и занятие земледелием. В тоже время нельзя говорить о трансформации в целом хозяйственно-культурного типа и специфики системы жизнеобеспечения казахов, продолжавших в большинстве своем совершать сезонные перекочевки, как внутри, так и за пределы округа.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Выделите и охарактеризуйте основные особенности экономической жизни Алтайского (горного) округа в пореформенный период.
2. Определите негативные последствия миграции казахов для экономики Алтайского (горного) округа. В чем проявлялся конфликтный потенциал межэтнического взаимодействия в регионе?
3. В каких производственных отраслях экономики Алтайского (горного) округа получили применение труд казахских рабочих?

4. Назовите основные факторы оседания казахов Алтайского (горного) округа. Чем был вызван переход казахов на новые формы экономической деятельности?

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.

2. Анисимова И.В. Об использовании труда казахских переселенцев на предприятиях Алтайского горного округа (последняя треть XIX в.) // Восточные исследования на Алтае. Сб. науч. статей. – Вып. V. – Барнаул: Изд-во «АзБука», 2006.

3. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 230, [1] с.

4. Карих Е.В. Проникновение казахов на Алтай в XIX в. и их хозяйственное взаимодействие с русскими // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. науч.–практ. конф. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003.

5. Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние // Сборник статей по Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899.

6. Шмурло Е. Русские и киргизы в долине верхней Бухтармы // Царская колонизация в Казахстане. (По материалам русской периодической печати XIX века). Алматы: Рауан, 1995.

ТЕМА 6. СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗИ С КАЗАХСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

6.1. Факторы и условия этнического взаимодействия казахов и казаков Сибирского казачьего войска в Прииртышье

В первой четверти XVIII в. Российская империя начала активное продвижение в южно-сибирском направлении, сопровождавшееся военно-экономическим закреплением в регионе. Результатом военной экспедиции генерал-майора Д. Лихарева в 1715–1723 гг. стало основание на Иртыше ряда крепостей: Омской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской. Административным центром нового рубежа – Иртышской укрепленной линии – стала будущая столица Сибирского казачьего войска – Омская крепость. Во второй половине XVIII в. от Усть-Каменогорска на северо-восток, к Кузнецку по предгорьям Алтая пролегла Колывано-Кузнецкая линия, а в 1781–1792 гг. Иртышскую линию продлили на юго-восток Бухтарминской укрепленной линией.

По свидетельству Г.Е. Катанаева первыми поселенцами на Иртышской линии стали сибирские казаки из Тары и Тобольска, которые получили название «крепостных казаков». В 60-х гг. XVIII в. по распоряжению начальника иртышской пограничной линии генерал-майора И.И. Шпрингера данная категория населения была переведена на постоянное поселение, заложив основы Сибирского линейного казачьего войска. Почти одновременно с казаками в пограничные крепости и форпосты стали переселяться солдаты драгунских полков, пехотных и стрелковых команд и их семьи, а также высланные на линию для крепостных работ так называемые «колодники». Источником формирования сибирского казачества выступало и крестьянство, добровольно переселявшееся на новые земли. Так, в 1746 г. крестьяне Кузнецкого, Ишимского, Тарского, Ялуторовского и Омского ведомств обратились к начальнику Сибирского воен-

ного корпуса Х.Т. Киндерману с просьбой разрешить им переселиться в ведомство Усть-Каменогорской крепости. Поток желающих увеличивался с каждым годом, особенно после разгрома Цинской империей Джунгарского ханства в 1756 г.

Падение Джунгарского ханства активизировало передвижение казахов Среднего жуза из Семиречья и района Сыр-Дарьи в прииртышские степи. В результате миграции кочевников в данный регион началось формирование контактной зоны двух этносов, в границах которой стали складываться различные практики русско-казахского межэтнического взаимодействия.

Взаимная заинтересованность кочевого и русско-казахского населения в прииртышских территориях, достаточно богатых ресурсами, пригодными как для занятия земледелием, так и для пастбы скота делала их конкурентами в вопросе землепользования. Отсутствие правового механизма, регламентировавшего этот процесс, выступало дополнительным фактором межэтнической напряженности в регионе. В 40–50-е гг. XVIII в. противостояние стало принимать характер открытых вооруженных столкновений между казаками с одной стороны и казаками и русским населением – с другой. При этом важно отметить, что казахи претендовали в этот период на пастбищные угодья правобережья Иртыша. Вопрос об использовании левобережья в середине XVIII в. не возникал, так как данная территория еще не являлась частью земель Сибирского казачьего войска, и казахи могли ею пользоваться без ограничений.

Достаточно сложная в межэтническом плане ситуация в прииртышской зоне потребовала от регионального руководства принятия решительных мер, направленных на ее стабилизацию. Поэтому командующий Сибирской пограничной линией генерал-поручик И.И. Шпрингер в 1765 г. издал указ, предполагавший формирование своего рода буферной зоны между казахскими кочевьями и землями, занятыми русским казачьим и крестьянским населением по руслу Иртыша. В рамках этого указа русскому населению запрещалось занимать территории по правобережью реки в «40 верстах внутрь линии укреплений», а коменданту Омской крепости рекомендовалось не подпускать казахов к Ирты-

шу «ближе десяти, а, по крайней мере, пяти верст». Позднее, эта инструкция была распространена на всю Иртышскую линию и, таким образом, были заложены основы «десятиверстной полосы».

Большинство дореволюционных исследователей истории Сибирского казачьего войска считали создание иртышской десятиверстной полосы вынужденной и адекватной мерой региональной власти, предпринятой в ответ на враждебные действия казахов. И.И. Шпрингер исходил из того, что создание десятиверстной полосы позволит поставить под контроль миграционное движение кочевников и регулировать его. Это в свою очередь должно было способствовать стабилизации межэтнической обстановки в регионе и росту производительности крестьянских хозяйств, призванных обеспечить продовольственным снабжением сибирское казачество. Создание десятиверстного пространства, безусловно, стало возможным благодаря усилению военного присутствия Российской империи в Прииртышье и Южном Алтае. Проведение иртышской линии, а затем и полосы, означало также расширение и установление новых границ Российской империи в Южной Сибири.

В районе десятиверстной полосы, протянувшейся от Звериноголовской на западе до Бухтарминской крепостей на востоке, был создан военный режим пограничного контроля. Переходить Иртыш можно было только с разрешения командующего Сибирской военной линией. Русское население на правом берегу реки получало возможность временно пользоваться казенными пастбищами и сенокосными угодьями только в той местности, которую ему определяло руководство линии. И только в 1773 г. по указу Екатерины II было позволено проживавшим на линии казакам, драгунским солдатам и вышедшим в отставку военнослужащим, независимо от казенных пашен и сенокосов, получать земельные наделы «в собственное их пользование всего по шести десятин на мужскую душу».

С 60-х гг. XVIII в. приток казахского населения в районы Прииртышья значительно возрос. Своеобразие ментальных установок номадов, детерминированных хозяйственно-культурным типом, выражалось в отсутствии у них по-

нения фронта. Поэтому миграции казахов в южно-сибирском направлении сопровождались нарушением границы десятиверстной полосы. Со стороны линейного начальства стали прилагаться большие усилия, чтобы не допустить переселения казахов.

Тем не менее, миграции казахов в район десятиверстной полосы не прекращались, увеличивалось число просьб со стороны родоправителей и султанов о пропуске их на линию. В порядке исключения некоторые из них получали такое разрешение. И наконец, в 1788 г. правительство официально разрешило казахам переходить через Иртышскую пограничную полосу на правобережье для постоянной кочевки. Через десять лет данное разрешение было подтверждено вновь специальным указом «О даче убежища переходящим из Средней киргизкайсацкой орды вступающим в российское подданство султанам и старшинам с их кибитками».

Причинами массового движения за Иртыш, по мнению Н.В. Алексеенко, выступало ухудшение социально-политической ситуации в Среднем жузе, связанное с недовольством политикой Аблай-хана. Мотивом для миграций была и заинтересованность казахов-кочевников в богатых заливными лугами Иртыша. Разрешение перехода казахов на внутреннюю сторону было продиктовано не только стремлением правящих кругов России пойти навстречу кочевникам, но и сугубо государственными интересами. Начавшийся в 30-е гг. XVIII в. процесс присоединения казахов Младшего и Среднего жузов к империи, сопровождавшийся принятием присяги на верность короне, носил исключительно номинальный характер. Переход на правобережье Иртыша, безусловно, рассматривался как дополнительный механизм юридического закрепления статуса «правобережных казахов» в качестве «верноподданных».

Перекочевавшие на правую сторону Иртыша казахи первоначально освобождались от налоговых выплат. С начала XIX в. было принято решение об их пропуске в район Иртышской линии на условиях выплаты так называемой ремонтной пошлины. Она собиралась в натуральном эквиваленте: за сто голов

переходящих в пределы десятиверстной полосы кочевник был обязан заплатить одну голову.

В 1808 г. выплата ремонтной пошлыны была передана в фонд Сибирского казачьего войска. Императорский указ 1808 г. об его образовании дал основание новому этапу развития казахско-казачьих отношений в южно-алтайском регионе. Сибирское казачье войско в процессе своего формирования и развития превратилось в «целостную, пространственно организованную форму жизнедеятельности», для которой были характерны такие качества, как относительная обособленность, целостность, структурированность, подчиненность единой цели. Российский исследователь С.М. Андреев предлагает рассматривать Сибирское казачье войско как *«сложную социально-территориальную систему»*, под которой понимается *«в целом стабильный по этноконфессиональным и другим признакам социум, определенным образом организованный для длительной самостоятельной жизнедеятельности, поддержания своего существования как целостного социального организма на данной территории»*. Действительно функционирование этой системы в значительной степени было обусловлено поэтапным формированием территории войска, закреплением за ним природных ресурсов, созданием социально-экономической инфраструктуры и т.д.

6.2. Проблемы землепользования и землеустройства Сибирского казачьего войска в XIX в.

На протяжении XIX в. для Сибирского казачьего войска наиболее актуальными в контексте социально-экономического развития являлись вопросы земледелия, землеустройства и землепользования. Данные аспекты системы жизнеобеспечения казачества определяли его возможности при выполнении главного предназначения – несения воинской службы. Именно материальное благосостояние казачьей семьи, детерминированное доходами от занятия земледелием, определяло ее возможности в подготовке снаряжения и обмундирования казака на службу.

Отметим, что, не имея оснований целиком полагаться на «государево хлебное жалованье», руководство Сибирского казачьего войска в вопросе создания экономической базы, отдавало приоритет переводу казаков на собственное самообеспечение. Для этого ставка делалась на развитие индивидуальных казачьих хозяйств с ориентацией их на земледелие. Казакам предоставлялось право временного пользования «казенными» землями, в том числе и десятиверстной полосы. Однако для многих казаков этот вид экономической деятельности даже к середине XIX в. носил вспомогательный характер, поскольку в условиях необходимости несения воинской службы и связанных с нею длительных отлучек, они были просто физически не в состоянии активно осуществлять большие запашки земли. Выход был найден в предоставлении возможности сдавать войсковые земли казакам при условии выплаты ими ремонтной пошлыны в фонд войска.

С 1815 г. весь ремонтный сбор с казахов шел на укомплектование конского состава сибирского казачества. С 1819 г. натуральный налог со скота был заменен денежным. Однако, как свидетельствуют архивные данные, наряду с деньгами, казахи продолжали в некоторых случаях платить и натуральный налог.

К середине 30-х гг. XIX в. взимание ремонтной пошлыны приносило значительные поступления в войсковую кассу и стало более дифференцированно. Размер денежного налога определялся в зависимости от возраста скота: оплата производилась отдельно за лошадей, крупный рогатый и мелкий рогатый скот. При этом отдельно взималась пошлына за взрослых, двухлетних и однолетних животных. В Верхнем Прииртышье функционировало четыре карантина (в форпостах Иртышской линии), через которые осуществлялся пропуск скота и сбор пошлыны с казахов: Семиярский, Долонской, Песчанский и Коряковский.

Процесс освоения сибирским казачеством левобережья Иртыша служил поводом к конфликтам с кочующими в этом регионе казаками. В 1839 г. вследствие частых пререканий между ними из-за определения внешней границы десятиверстной линии, по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири

князя П.Д. Горчакова было проведено ее первое межевание и ограничение деревянными столбами на всем протяжении. Включение десятиверстной полосы в сферу экономических интересов казаков, безусловно, способствовало усилению присутствия Сибирского казачьего войска в регионе и сопровождалось усилением контактов с казахским населением в вопросах землепользования.

Последующие законодательные акты закрепляли за казачеством право на эти территории. Новое Положение о Сибирском казачьем войске, принятое в 1846 г., запрещало пользоваться войсковыми землями «лицам не войскового сословия» и определило новый душевой размер казачьих наделов. Они напрямую зависели от военного ранга или социального статуса: штаб-офицеру полагалось 400 дес., обер-офицеру – 200 дес., уряднику или простому казаку – 30 дес., представителю церковных служб – до 99 дес. удобной для хлебопашества и скотоводства земли. Как отмечает Д.В. Колупаев, у сибирского казачества эти пропорции земельных наделов соблюдались не всегда. Их изменение зависело от качества земли и природно-климатических условий. Так, в станицах Бийской казачьей линии, земли которой располагались на Алтае и были очень плодородны и благоприятны для хлебопашества, земельный надел часто понижался до размера 20 дес. на одного казака. В станицах так называемой Горькой линии надел увеличивался до 45 дес., включая в себя многочисленные луга и пастбища.

Одновременно с принятием Положения 1846 г. в состав Сибирского казачьего войска было зачислено около 6000 сибирских крестьян. В результате впервые началось наделение казаков из земельного фонда десятиверстной полосы. Также на основании Положения в 50–60 гг. XIX в. эта территория была включена в составленные планы полковых округов войска. При этом, в Положении указывалось, что земли десятиверстного пространства поступают в пользование Сибирского казачьего войска вплоть до особого распоряжения правительства, а для «извлечения выгод» казакам предоставлялось право передачи их в аренду казахам. Положением 1846 г. запрещало пропускать казахов на правобережье Иртыша. Г.Е. Катанаев подчеркивал, что казахов на земли ка-

зачьего войска и в район десятиверстной полосы было разрешено пускать лишь для временных кочевков, по увольнительным билетам от областного начальства, с обязательной выплатой ремонтной пошлины в пользу Сибирского линейного казачьего войска.

По мере передачи земель правобережья и десятиверстного пространства левобережья Иртыша в юртовые наделы сибирскому казачеству, ремонтная пошлина стала выплачиваться казахами только за кочевку на землях войскового запаса. Предоставленное казачеству право сдачи собственных земель в аренду, отмежеванных им из десятиверстной полосы, значительно активизировало их контакты с казахами, поскольку последние являлись заинтересованными лицами в получении этих земель. Более дешевые тарифы и продолжительный срок аренды юртовых участков, по сравнению с арендой войсковой территорией, способствовали прочному оседанию казахов на юртовых казачьих наделах. Увеличивавшийся с каждым годом приток казахов на правобережье Иртыша и на земли десятиверстного пространства вызвал необходимость их административного устройства. По инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда в начале 50-х гг. XIX в. была проведена разработка серии законопроектов, регламентирующих социальный статус и условия проживания казахов в этом регионе.

Результатом несколько совещаний региональной администрации по данному вопросу стало принятие проекта, предложенного самим Г.Х. Гасфордом. Генерал-губернатор считал целесообразным осуществить перепись всех аулов и волостей, кочующих на правобережье Иртыша и в районе десятиверстного пространства и образовать из них особый округ, подчинив его Пограничному управлению. Проект ставил также своей задачей организовать контроль миграционного потока казахов и законодательно урегулировать правила ухода казахов на заработки в селения русских крестьян и казаков.

В итоге в 1854 г. из Области сибирских казахов была выделена Семипалатинская область. По Положению об управлении новой административно-территориальной единицей в ее состав наряду с Кокпектинским и Аягузским

внешними округами вошли территории Иртышской линии с гг. Семипалатинском, Усть-Каменогорском, Бухтарминским укреплением, а также землями от Железинской до Малонарымской крепостей. Казахи, кочевавшие на правом берегу Иртыша, вместо ремонтной пошлыны, обязывались теперь платить ясак (налог) в пользу казны, как и внешние казахи. Кочевники, занимающие земли Сибирского казачьего войска продолжали платить ремонтную пошлыну.

Положение 1854 г. (ст. 2) подтверждало особый статус десятиверстной полосы как сферы экономических интересов Сибирского казачьего войска, и позволяло казахам кочевать на ее землях с выплатой ремонтной пошлыны. По сведениям Ф. Усова данный налог, собираемый с казахов, приносил в казну войска до 30 тыс. руб. в год.

Тем не менее, Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска постоянно жаловалось на «неопределенность доходов», поступающих в пользу войска с казахов за пастьбу скота на его территориях. Поэтому в 1865 г. были разработаны специальные правила, регламентировавшие данный процесс. Согласно правилам ремонтный сбор отменялся. Взамен вводилась арендная форма поземельных казахско-казачьих отношений. Вся войсковая территория была поделена на участки и стала сдаваться арендаторам с торгов на особых условиях на 2–3 года. Принятие правил сопровождалось выделением в районе десятиверстной полосы юртовых земель, в результате чего изменилась первоначальная внешняя граница данной территории: она врезалась далеко в степь, лишив значительную часть казахских кочевых коллективов их пастбищных угодий. Сразу же после этого войсковая канцелярия стала настаивать на проведении внешней границы полосы не от линии казачьих поселений, а от линии юртовых земель, стремясь тем самым узаконить захват казахских земель.

В 1877 г. Положение о земельном устройстве казаков Сибирского казачьего войска позволило провести перераспределение юртовых участков десятиверстной полосы и перевести в наследственное владение участки офицеров, чиновников войска, вдов и др. социальных категорий войска. Не имея возможности «по бедности, неумению, отдаленности от основного места жительства и

занятия и по многим другим причинам» самостоятельно эксплуатировать земельные владения, большинство получивших эти участки стали сдавать их в аренду по крайне низким ценам «единственным в то время эксплуататорам Иртышских лугов – киргизам».

6.3. Формы и результаты межэтнических казахско-казацких контактов в районе Иртышской укрепленной линии

Иртышская укрепленная линия и ее десятиверстная полоса как особая контактная зона двух этносов играла огромную роль в развитии межэтнических казахско-казацких контактов не только в вопросах эксплуатации земельных ресурсов. Она стала важным центром приграничного товарообмена, посреднической торговли между степняками-казахами, русскими крестьянами и казаками. Кроме этого, политика руководства Сибирского казацкого войска в сфере торговли носила протекционистский характер, поскольку она рассматривалась как дополнительный источник улучшения материального благополучия казачества. Поэтому на протяжении XVIII в. центрами торговли на Прииртышской линии, как правило, были ее крепости.

В 1796 г. специальным указом регламентировалась торговля между казаками и казаками Иртышской укрепленной линии. По нему официально разрешался беспошлинный обмен мелкими товарами между казаками и казаками для «домашнего обихода». Если же обмен товаров осуществлялся для последующей перепродажи, то устанавливался таможенный сбор. К числу разрешенных для мены товаров были отнесены *«скот, лошади, бараны, войлок, мерлушки, армяки, тулупы и шаровары, хлебные и харчевые припасы, ножи, топоры, ...и прочие железные изделия»*.

Поэтому, как отмечал Д.В. Колупаев *«линия казацких поселений, растянувшаяся от Оренбургского края до Алтая, долгое время являлась сплошным торжищем и главным пунктом обмена продуктов крестьянского хозяйства и степного скотоводства»*. И даже несмотря на ликвидацию в середине XIX в.

линейных казачьих таможен и формирования особой страты сибирского казачества – профессиональных торговцев, *«сибирские казаки вплоть до событий 1917 г. продолжали оставаться активными субъектами рыночных торговых отношений, особенно там, где дело касалось казахско-казачьей мелочной торговли»*. В ходе меновой торговли с казахами казаки получали от кочевников скот, кожи, овчины, мерлушки (шкуры овец), а также в небольшом количестве глиняную и деревянную посуду, сделанную ремесленниками Средней Азии.

Казахи также были заинтересованы в развитии приграничной торговли с сибирским казачеством. Н.Г. Потанин, совершавший в середине XIX в. путешествие в предгорья Южного Алтая, отмечал, что «отказ в мене» русскими рыбаками в районе Черного Иртыша вызывал «со стороны киргизов насилие; бывали случаи, что киргизы начинали бросать в русских камнями, требуя торговли». Во время самого путешествия «несмотря на все недружелюбие» к его участникам, казахи вели «оживленный торг».

Казахско-казачьи отношения не ограничивались исключительно поземельными отношениями и торговлей. Первая половина XIX в. были временем становления экономической структуры Сибирского казачьего войска. Войсковое хозяйственное правление принимало значительные усилия, направленные на создание и функционирование заводских, промышленных предприятий. Первое такое предприятие на территории сибирского казачества, находившееся в распоряжении войскового хозяйственного управления, появилось в 1821 г. в г. Омске. Это была суконная фабрика, созданная по инициативе корпусного командира генерала П.М. Капцевича.

Работать на фабрике должны были казаки, не приспособленные к военной службе (в основном из штрафных подразделений) и вольнонаемные. Она имела оборудования до 50 станков и должна была снабжать воинские казачьи подразделения сукном. Командующий Сибирским линейным войском С.Б. Броневский уделял значительное внимание организации поставок сырья для фабрики. Для этого по его поручению в войске были созданы специальные животноводческие базы для разведения тонкорунных овец. Немалую роль в

расширении производства на фабрике играли закупки шерсти у казахов, кочующих на Иртышской линии.

Важной составной частью экономической структуры Сибирского казачьего войска являлась частная предпринимательская деятельность казаков. В первой половине XIX в. она была представлена созданием и функционированием салотопен и небольших кожевенных предприятий. Так, в отчетах различных войсковых служб указывалось, что в 1854 г. на землях Сибирского казачества функционировало 12 частных предприятий – 8 салотопен и 4 по обработке кожи. В 1858 г. в г. Петропавловске 1-й отдел Сибирского казачьего войска имел 30 салотопенных предприятий, находящихся в собственности казаков.

Важно подчеркнуть, что появление данного вида предпринимательской инициативы казачества было напрямую связано с развитием в его среде животноводства как одного из основных видов хозяйственной деятельности. Преобладание в стаде мелкого рогатого скота происходило под влиянием казахского скотоводства.

Наряду с развитием и поощрением предпринимательской инициативы важным направлением деятельности войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска было развитие различных промыслов: рыбной ловли, бортничества, пасеки и т.д. Особую статью, как в войсковых доходах, так и во всей системе казачьих промыслов занимала так называемая войсковая рыбалка, еще называемая в официальных документах – Бухтарминской рыбалкой. Она располагалась на озере Зайсан, в верхнем течении Иртыша, где водились особые сорта красной рыбы – стерлядь и осетр. Эта рыбалка была отдана Сибирскому казачьему войску во владение.

Закрепление за сибирскими казачеством территории войсковой рыбалки сопровождалось эпизодическими конфликтами с казахами, кочующими в пределах данного региона. Так, по свидетельству Г.Н. Потанина, интересы казаков и казахов пересеклись в районах рыболовных промыслов на оз. Зайсан, Джаманкуль и их внутренних стоках. Исследователь отмечал, что русские рыбаки жаловались ему «на обиды от киргизов», но все они «имели вид мелких при-

теснений, а не выражение национальной вражды». «Мелкие притеснения» проявлялись в том, что «султаны и другие почетные киргизы слишком часто посещают рыболовов и требуют от них угощения и подарков рыбою». Ситуация объяснялась Н.Г. Потаниным тем, что казахи считали оз. Джа-Манкуль «своей собственностью» и «подарки», таким образом, «имели вид нерегулярно взимаемой ими пошлины». Иногда, по свидетельству путешественника, казахи садились «поперек дороги в одну линию человек до 50, чтобы отрезать путь казакам», едущим на рыбные промыслы. Таким образом, они надеялись спровоцировать «драку, которую может затеять казак», но казахи, объезжали «эту баррикаду, и остроумный план» оставался «без последствий».

Во второй половине XIX в. межэтническое противостояние казаков и казахов в районах войсковой рыбалки перешло в русло диалога. Причиной стало расширение объемов рыбного промысла Сибирским казачьим войском и введением аренды на лов. Данная практика получила распространение с 1882 г. когда Наказной атаман войска утвердил специальные правила этого промысла. Войсковое хозяйственное правление в рамках правил стало продавать билеты, дающие право на лов рыбы. В 1895 г., например, от продажи билетов было получено 6668 руб., от продажи соли рыбакам для консервации добычи выручено 617,6 руб. Объемы добычи рыбы позволяют представить данные за 1895 г.: в этом году красной рыбы было поймано 147 пудов, белой – 48900 пудов, рыбьего жира произведено 86 пуд., икры черной – 3 пуда, икры щуцъей – 72 пуда. Всего доходы бухтарминской рыбалки в отчетном году составили 74098 руб.

Рыбный промысел делился на два вида: сетный (лов сетями) и крючковый (лов с помощью удочки). Последний вид арендной рыбалки в 80–90 гг. XIX в. стал принадлежать исключительно казахам, которых называли кармачниками. В 1895 г. начальник войсковой рыбалки докладывал в Войсковое хозяйственное правление о сокращении численности рыбаков-казахов на 101 человек. Объяснялась ситуация тем, что казахи нанимались на лов рыбы, как правило в зимнее время. Летом отчетного года казахи собрали хороший урожай «хлебов, этим

они насущно обеспечены, довольствовались и на промысел выходит не собирались».

Точных данных о количестве казахов, занятых на рыбных промыслах Сибирского казачьего войска нет. В приведенных в отчетах статистических данных нанятые на работу классифицируются на две группы: «казачье сословие» и «разночинцы». Так, в 1895 г. число рыболовов бухтарминской рыбалки из казачьего сословия составило 192 человека, из разночинцев – 232, число работников на промысле (по переработке и заморозке рыбы) из казачьего сословия – 110, из разночинцев – 233. Исходя из сообщений управляющего бухтарминской рыбалкой о преобладании казахов на промысле, можно предположить, что они составляли большую часть категории «разночицы».

Межэтнические казахско-казачьи контакты расширялись в сфере поставки соли на рыбные промыслы. Войсковым хозяйственным правлением была организована централизованная поставка соли в район промыслов, но цена на нее была очень высокой. Главными покупателями соли были рыбаки д. Прапорщиковой, «бедные» и потому «соль из войскового запаса брать не желали». В этой ситуации они отдавали предпочтение «больше казахской соли», которую казахи добывают на боровых озерах. Ездить туда рыбакам, где они покупали соль по 4 коп. за пуд, не смотря на дорожные расходы, было гораздо выгоднее и дешевле, чем покупка «войсковой соли».

Таким образом, вторая половина XVIII – первая половина XIX в. стали временем формирования и развития Сибирского казачьего войска как особой социальной системы. В этот период происходило формирование территории войска, закрепление за ним природных ресурсов, осуществлялась выработка основных форм экономической деятельности и т.д. Немалую роль в развитии Сибирского казачьего войска как особого социального организма сыграла позиция государства, характеризовавшаяся переводом экономически войска на самокупаемость. В связи с этим Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска было вынуждено стимулировать развитие различных видов хозяйственной деятельности, в том числе в вопросах землепользования,

торговли, промыслов и привлекать для этого лиц невойскового сословия, с целью получения дополнительных источников прибыли.

Важная роль в становлении экономической системы Сибирского казачьего войска принадлежала его связям с казахским населением. Сфера межэтнических казахско-казачьих отношений распространялась в XVIII – первой половины XIX в., главным образом, на систему эксплуатации земельных ресурсов Прииртышья. С ней было связано появление специфичной формы – ремонтной пошлины, представлявшей натуральные выплаты казахов-скотоводов за право пользования пастбищными угодьями региона. В последующие десятилетия XIX в., благодаря эволюции и дифференциации форм землепользования в Сибирском казачьем войске была оформлена новая практика межэтнических отношений в вопросах эксплуатации земельных ресурсов – аренда земли. Она открывала значительные возможности для расширения практик межэтнического взаимодействия двух этносов, порождающих как мирные, так и конфликтные формы.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Выделите и охарактеризуйте основные этапы становления Иртышской укрепленной линии.
2. Как решался вопрос в казахском землепользованием в районе «десятиверстной полосы» во второй половине XIX в.
3. Назовите основные формы экономического взаимодействия казаков и казахов в районе Сибирского казачьего войска.
4. Определите конфликтный потенциал казахско-казачьих межэтнических контактов и механизмы разрешения межэтнических противоречий.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первой половине XIX в.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.

2. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1981. – 111 с.
3. Андреев С.М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития: 1808–1917 гг. // Автореф. дисс. ...д.и.н. Кемерово, 2007. – 42 с.
4. Катанаев Г.Е. «Киргизский вопрос» в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.
5. Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX века (1850–1900 гг.): социально-экономическое развитие // Автореф. дисс. ...д.и.н. Иркутск, 2011. – 33 с.
6. Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 г. Семипалатинск, 1902.
7. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Санкт-Петербург : Глав. упр. иррегулярных войск, 1879. – 284, 51, V с.

ТЕМА 7. ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАХСКО-КАЗАЧЬИХ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИИРТЫШЬЕ В 70–80-Е ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX В. ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА ДЕСЯТИВЕРСТНОЙ ПОЛОСЫ

7.1. Новые формы распределения земельных ресурсов Сибирского казачьего войска и развитие арендных отношений в регионе

В середине XIX в. в Сибирском казачьем войске актуализировался вопрос о материальном обеспечении уходящих на пенсию офицеров, рядовых казаков и лиц невойскового звания (вдов, чиновников-управленцев и т.д.). Простые математические расчеты Военного министерства определили ту сумму, которую необходимо будет ежегодно вносить в отдельную статью государственного бюджета. Однако в условиях перманентного дефицита бюджета, не могло быть и речи об определении пенсионных выплат в денежном эквиваленте. Поэтому на государственном уровне были приняты решение о необходимости поиска альтернативных ресурсов для обеспечения материального благополучия казачества, как еще находящегося на воинской службе, так и вышедшего на пенсию.

В результате 9 июля 1877 г. было принято очередное Положение о Сибирском казачьем войске, которое официально санкционировало отвод юртовых наделов казакам в общинное пользование. Указ от 7 мая 1877 г. «О наделении генералов, штаб-офицеров и классных чиновников Сибирского казачьего войска наследственными земельными участками» предоставлял юридические основания для передачи данной категории наделов в «потомственную собственность». Таким образом, все земельные ресурсы Сибирского казачьего войска делились теперь на три категории: офицерские, юртовые и войсковые. Процесс их межевания происходил с включением в сферу землепользования си-

бирского казачества территории десятиверстного пространства и прилегающих кочевий казахов степных областей.

Положение 1877 г. предоставляло право индивидуальным и коллективным владельцам земельных участков сдавать их в аренду, как русским крестьянам-переселенцам, так и казахам-кочевникам. Офицерские участки по количеству сдаваемых земель Сибирского казачьего войска находились на первом месте. Это, с одной стороны, объяснялось тем, что офицеры получали самые плодородные и богатые травостоем участки, в том числе в районе десятиверстной полосы. С другой стороны, территориальная отдаленность участков от постоянного места жительства их владельцев, отсутствие сети транспортного сообщения и какой-либо инфраструктуры вынуждали последних сдавать свои участки за крайне низкую арендную плату.

Офицерские участки, как на правобережье Иртыша, так и в районе десятиверстного пространства сдавались не только казахам. Например, на территории Омского уезда Акмолинской области большая часть этой категории земельных наделов эксплуатировалась русскими арендаторами: казаками или крестьянами-переселенцами. Численность последних составляла 3 тыс. человек, они проживали не только заимками или хуторами, но и целыми поселками. В десятиверстной полосе число крестьянских хозяйств достигало 2 тыс., но пахивали в этом регионе меньше: от 20 до 100 дес. земли. Предпочтение арендаторы отдавали разведению скота, имели на арендованных участках «маслодельни и сепараторы», пробовали разводить тонкорунных овец.

Иная ситуация имела место на офицерских участках Семипалатинской области. Здесь в роли арендаторов выступало, главным образом, казахское население. 144 офицерских участка этого района (абсолютное большинство) сдавалось казахам, около 60 участков являлось объектом хозяйственной деятельности самих владельцев-офицеров, 15 участков арендовали «русские мещане», которые их субарендовали казахам, несколько офицерских участков было заброшено и «травилось киргизами безданно-беспошлино». Всего офицерские участки этой административной единицы в конце XIX в. арендовало 27640

казахов, в том числе на землях десятиверстной полосы 22707. Наиболее компактно они концентрировались в Павлодарском и Семипалатинском уездах. Плата за аренду была крайне низкой, что объяснялось отсутствием конкуренции за право аренды со стороны русских-крестьян переселенцев. Ее размер не был фиксированным, но на протяжении 80–90-х гг. XIX в. она неизменно росла и увеличилась за этот период от трех до пяти раз. В среднем сумма арендных выплат составляла 13,25 руб. с кибитки, иногда доходила до 14,9 руб., значительно превышая размер кибиточной подати, уплачиваемой казахами в казну и составлявшей 1,5 руб.

Юртовые участки предоставлялись в пользование казачьему поселку или станице. Они ежегодно распределялись по жребию в виде паев каждому станичному казаку. В свою очередь казаки свои пай передавали в аренду казахам. Цена пайка была различной в зависимости от качества травы, удобства доставки сена на зимовку и т.д. По свидетельству Г.Е. Катанаева в конце XIX в. плата за аренду юртовых участков составляла в среднем с сентября по март 2,5 руб. за кибитку. Все казахи имели договоры на аренду, подписанные атаманами отделов Сибирского казачьего войска. По условиям этих договоров казахи имели право строительства на арендованных участках зимних стационарных жилищ и построек хозяйственного назначения для содержания скота, а также право водопоя скота, пользования лесным и кустарным валежником, пользования услугами станичной и поселковой администрации «по полицейскому и хозяйственному заведованию». Плата за сенокосные наделы зависела исключительно от договоренности казахов и казаками. В большинстве случаев она заключалась в бесплатном скосе казахами травы для казака в размере, необходимом последнему для его хозяйства. Оставшийся покос юртового надела казака поступал в полное распоряжение казаха-арендатора.

Третья категория земель Сибирского казачьего войска – войсковые земельные ресурсы – занимали как правобережье, так и левобережье Иртыша – район десятиверстной полосы. Введение арендных отношений в системе землепользования привели к постепенному сокращению размеров ремонтной пошли-

ны, выплачиваемой казахами за пользование собственно войсковой территорией. Так, в 1871 г. сбор составлял 12721 руб., в 1876 г. – 8255 руб., а в 1879 – 5761 руб. Поэтому в 1880 г., по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, ремонтная пошлина была официально заменена арендной платой за пользование войсковым землями «взимаемой безразлично со всех арендаторов как киргиз, так и не киргиз, мещан, купцов, казаков, крестьян и всякого рода разночинцев». Казахскому населению данная категория земель сдавалась на основании действующего законодательства с торгов. Как правило, в торгах участвовали зажиточные казахи-купцы, «претенденты на волостную должность», или казаки, которые затем пересдавали в аренду рядовым кочевникам войсковые участки. Е.Г. Катанаев отмечал, что «посредники эти вредны и для самих потребителей и для войска».

Всего к началу XX в. арендаторами трех категорий земельных участков Сибирского казачьего войска являлось около 70 тыс. казахов. Из них около 27,5 тыс. проживало на юртовых казачьих наделах, 5,5 тыс. работало в качестве батраков в поселках. Еще 30 тыс. кочевников занимали офицерские участки, причем до 24 тыс. – в районе десятиверстной полосы. Остальные 7–9 тыс. кочевали на войсковой территории, в том числе 5 тыс. – на левобережье Иртыша в районе десятиверстной полосы.

7.2. Проблема определение границ земельных ресурсов Сибирского казачьего войска и обострение земельных отношений в конце XIX – начале XX в.

Активно развивавшиеся в последние десятилетия XIX – начале XX в. на Иртышской линии новые формы экономической деятельности, прежде всего, арендные отношения, требовали проведения межевых работ по определению границ земельных ресурсов Сибирского казачьего войска. Обозначение границ полосы, также как и внутреннее межевание войсковых участков осуществлялось неоднократно. Как отмечалось ранее, первые работы в данном направлении были проведены еще в 1839 г. под руководством топографа Кокоулина. В

1866 г. граница территории Сибирского казачьего войска на левобережье Иртыша была вновь определена войсковым землемером Ивановым. Тем не менее, юридически граница десятиверстной полосы не была закреплена, что в свою очередь порождало самовольные прирезки казаками земли к юртовым наделам. Кроме этого, само Войсковое хозяйственное правление произвольно увеличивало размеры земельных наделов офицеров и отдельных категорий казачества. Так, например, в 1854 г. наделы казаков и офицеров увеличивались до 30 десятин. В 1877 г. высочайшее положение Военного совета «О наделении генералов, штаб-офицеров и классных чиновников Сибирского казачьего войска наследственными земельными участками» санкционировало наделение участков из десятиверстной полосы, а предварительная их граница утверждалась генерал-губернатором Западной Сибири. При этом участки казаков часто выходили за рамки положенной нормы. Например, в Омском уезде выделялось 46,3 дес. на офицера, в Павлодарском и Семипалатинском уездах – 40,7 и 44,5 дес., что превышало норму на 10,7 и 14,5 дес. соответственно.

Земельная политика Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска порождала массу жалоб со стороны казахского населения, как региональным, так центральным органам власти. Примером может служить обращение казаха Чакчакской волости Павлодарского уезда Семипалатинской области Карасакпая Чапчина, который в 1894 г. обращался к наказному атаману Сибирского казачьего войска с просьбой о «проведении правильной границы десятиверстной полосы, в 10 верстах расстояния от р. Иртыш» и «о возврате киргизам 100 кв. верст земли неправильно поступивших войску».

Войсковое хозяйственное правление, рассмотрев обращение К. Чапчина, отказало ему в удовлетворении претензий. Посчитав ответ «канцелярии уклончивым», К. Чапчин в октябре того же 1894 г., продолжил «свои искательства уже перед Министерством земледелия и государственных имуществ». На запрос указанного Министерства по данному вопросу Войсковое хозяйственное правление отреагировало следующим образом: *«Положение границы заречных земель десятиверстной полосы никак не определяется названием этой полосы.*

Название полосы "десятиверстная" не означает, что граница этой полосы должна на всем протяжении проходить в 10 верстах расстояния от Иртыша; в действительности она проходит и 14 верстах от Иртыша, и в 8, и даже ближе. Название это унаследовано от прошлого столетия, когда инструкцией 1765 г. комендантам пограничных крепостей воспрещалось в заречной стороне допускать киргиз ближе десяти верст расстояния от оседлых пограничных поселений. Правило это в точности соблюдалось и в начале нашего столетия, когда за право перехода киргизов в пределы 10 верст от Иртыша взыскивалась с них ремонтная пошлина. Но позднее, когда в войске в 1851 г. была образована межевая партия, вопрос о десятиверстной полосе и ограничениях ее за Иртышом вступил уже на почву межевых изысканий, с целью определения возможного по существующим правилам, обеспечения войска и казачьего населения сверх юртового надела и запасными землями. В этих соображениях, смотря по удобству земель и возможности прирезки их к войску, в бывшем 7 полковом округе, при установлении на план этого округа границы десятиверстной полосы не всегда имелось ввиду, что бы граница эта на всем протяжении проходила непременно в 10 верстах от Иртыша. Но таковая проведена с таким расчетом, чтобы между ней и Иртышом поступило войску, не считая частей проектированных из заречных земель в казачьи наделы, как получивших свое определенное назначение, всего удобной и неудобной земли 512802 дес. и 955 саж., как это определено журналом Совета Главного управления войска от 12 июня 1863 г.» В результате ходатайство К. Чапчина осталось без удовлетворения.

Второй моделью поведения казахов в решении проблемы землеустройства в районе десятиверстной полосы стала практика приписки к Сибирскому казачьему сословию, официальное разрешение на которую они получили в 1846 г. Так, например, в 1879 г. на имя губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова поступило прошение от 47 казахов Павлодарского уезда Семипалатинской области с просьбой о зачислении их в состав Сибирского казачьего войска.

В прошении казахами были перечислены условия, на основании выполнения которых они были готовы перейти в казачье сословие. Главным из них было требование о *«предоставлении им на правой стороне Иртыша ... на войсковой запасной земле ... и неподалеку от линейной дороги земельного участка ... с пользованием по Положению поземельным и лесным довольствием наравне в казачьими жителями»*. Кроме этого, для перехода на оседлый образ жизни и строительства стационарных жилищ они просили *«вырубить на каждую семью строительного соснового леса по 100 лесин»* и строительных материалов на сооружение мечети. Условия предполагали и налоговые послабления: освобождение от налогов на 1 год и льготы *«от несения служебных обязанностей»*.

На протяжении трех лет различные ведомства и региональные органы власти решали данный вопрос. Наконец, в 1882 г. казахам было отказано в зачислении их в состав Сибирского казачьего войска на тех условиях, которые они выдвинули первоначально. Войсковое хозяйственное правление просило Павлодарского уездного начальника уведомить казахов о том, что *«они не могут быть зачислены в казачье войско отдельным поселком между п. Пресным и Песчаным на том основании, что частое возведение поселков, в которых юртовые наделы будут смежны и неминуемы столкновения жителей одних поселков с другими в неправильном пользовании наделами, а также надзор за вновь образованным поселком будет обременительным»*. Казаки п. Пресный и Песчаный также отказались принять в свое сообщество новых казаков-казахов. В результате казахам было предложено попробовать приписываться отдельными семьями в другие казачьи поселки, но этим предложением кочевники так и не воспользовались.

Попытки казахов использовать приписку к составу Сибирского казачьего войска как ресурс для решения проблемы землеустройства не нашли поддержки со стороны региональных органов власти. Всего же, по данным на 1879 г. в составе Сибирского казачьего войска числилось казахов: в Павлодарском уезде – 58 чел., Атбасарском уезде – 88 чел., Кокчетавском уезде – 110 чел., Омском уезде – 650 чел, Каркаралинской станице – 216 чел. Большинство их принадле-

жало к категории «невойсковое сословие», т.е. было официально освобождено от несения воинской повинности.

7.3. Изменение юридического статуса «десятиверстной полосы» : проекты и решения

Наиболее же очевидной была необходимость определения юридического статуса десятиверстного пространства и его демаркации, поскольку выделение юртовых и офицерских участков порождало массу казахско-казачьих конфликтов в данном регионе. Увеличение количества жалоб со стороны казахского населения на земельные захваты казачеством пространств вне десятиверстной полосы, актуализировали данный вопрос. Значительное влияние оказало и начавшееся на рубеже XIX–XX вв. массовое крестьянское движение в Азиатскую часть Российской империи.

В 1885 г. генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковкий вынес на обсуждение вопрос о незаконности захвата сибирскими казаками территорий за пределами десятиверстной полосы. В представленной в 1895 г. в Министерство земледелия и государственных имуществ записке «О необходимости изъятия из пользования казаков Сибирского казачьего войска так называемой десятиверстной полосы для целей колонизации Степного края» он писал: *«Ввиду особой ценности земель названной полосы, ... в особенности по левому берегу Иртыша, которые дают самый верный, весьма значительный и неизменно постоянный доход от сдачи их в аренду киргизам, казаки, занимаясь хлебопашеством в очень ограниченных размерах, распространили свое пользование далеко за пределы десятиверстной полосы, отодвинув ее границы вглубь степи местами на 20 и 30 верст»*. По мнению Г.А. Колпаковского, никакой необходимости, оправдывающей такие земельные захваты *«в действительности никогда не существовало, т.к. даже в настоящее время войско имеет значительные излишки запасных земель далеко превышающее душевую норму станичных и поселковых наделов»*.

Представленный документ послужил поводом к началу дискуссии и, одновременно, жесткому противостоянию между Военным министерством и Министерством земледелия и государственных имуществ по вопросу ведомственной принадлежности левобережья Иртыша, продлившихся не один год.

Проводником интересов Министерства земледелия и государственных имуществ выступала региональная администрация в лице Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского и затем сменившего его на этом посту М.А. Таубе. Их позиция объяснялась знанием реальной социально-экономической ситуации, которая сложилась на территории Акмолинской и Семипалатинской областей к концу 80-х гг. XIX в. Принятие в 1889 г. закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» способствовало резкому увеличению миграционного движения русских крестьян в Степной край. Начавшееся строительство Сибирской железной дороги в 1896 г. еще более увеличило поток переселенцев. Сложившаяся ситуация крайне обострила земельный вопрос в регионе. Массовым порядком осуществлялась экспроприация пастбищных угодий у казахского населения в Переселенческий фонд для землеустройства русских крестьян.

Поэтому в 1896 г. М.А. Таубе выступил с инициативой об отмежевании части территории десятиверстной полосы из пользования Сибирского казачьего войска с последующей ее передачей Министерству земледелия и государственных имуществ. В записке, представленной им в МВД, было указано, что руководство войска *«придавало отводам земель для надобности казаков чрезмерно широкие размеры, без должного соображения с интересами казны»*. В результате, по мнению администратора, в состав войсковых земель поступили территории, выходящие за границы десятиверстного пространства, а размеры юртовых и офицерских наделов превосходили *«все допустимые нормы и отмежеваны с нарушением законодательства»*. Степной генерал-губернатор предлагал провести кадастровую перепись земель десятиверстной полосы, определить реальные размеры ее юртовых и офицерских участков и изъять излишки с после-

дующей их передачей в фонд Министерства земледелия и государственных имуществ для создания переселенческих участков.

Военное министерство встало на защиту интересов Сибирского казачества. По просьбе его руководства в марте 1898 г. Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска представило в Главное управление казачьих войск сводку цифровых данных о количестве и качестве земель войскового запаса. Из сводки следовало, что размер всех войсковых земель, в том числе десятиверстной полосы составлял 1397619 дес. «удобных» и «неудобных» земель; собственно в десятиверстном пространстве – 701716 дес. «удобной» и 125528 «неудобной» земли. В своем заключении Войсковое хозяйственное правление подчеркивало, что *«несмотря на кажущуюся громадность этой цифры свободных земель ... в войске не много. Из этого числа нужно исключить земли неудобные, затем территории, занимаемые войсковым лесом – 104186 дес., далее все отрезки юртовых наделов, состоящие из земель безводных, т.е. непригодные не для хлебопашества, не для выпаса скота. Таких земель 542434 дес. За вычетом из всей этой массы свободных земель только что указанных, остается действительно в запасе войсковых земель на прибыльное население 563576 дес.»*. Апеллируя к Положению о Сибирском казачьем войске 1869 г., определяющему размеры запаса войсковых земель и реальные земельные наделы юртовых и офицерских участков, войсковое хозяйственное правление пришло к выводу о том, что «в войске не хватает 158286 дес.».

На основании этих данных Военное министерство в октябре 1899 г. отвергло предложение Степного генерал-губернатора М.А. Таубе о передаче части войсковых запасных земель Сибирского казачьего войска в Переселенческий фонд и о «производстве проверки межевания юртовых и офицерских участков». Во избежание в будущем аналогичных попыток со стороны МВД и Министерства земледелия и государственных имуществ, военный министр А.Н. Куропаткин предложил *«земли десятиверстной полосы в тех размерах и границах, которые они были предоставлены во временное пользование войска,*

признать подлежащими включению в состав войска, на таких же основаниях, как и прочие земли этого войска».

Идею о передачи десятиверстного пространства Сибирскому казачеству поддержал и император Николай II. Данное обстоятельство должно было решить противостояние министерств в данном вопросе. Однако, окончательному принятию соответствующего закона препятствовало одно обстоятельство: дальнейшая судьба и интересы казахского населения, кочующего в пределах десятиверстной полосы.

Передавая проект закона об окончательном закреплении за Сибирским казачьим войском левобережной части Иртыша на рассмотрение Госсовета военный министр А.Н. Куропаткин в апреле 1900 г. подчеркивал, что *«действительно вопрос ... решался абсолютно без учета интересов киргизского населения».* Данное обстоятельство вызывало определенные опасения, связанные с возможностью организации протестных акций со стороны казахов-кочевников. В связи с этим он предложил отложить решение вопроса о закреплении десятиверстного пространства за Сибирским казачьим войском до *«подробного выяснения всех данных, обуславливающих необходимость принятия тех или других мер к землеустройству киргизского населения, кочующего в пределах означенной полосы».*

Собственно решение проблемы землеустройства казахов левобережья Иртыша военный министр видел в возможности их причисления к казачьему сословию. В связи с этим он обратился к Степному генерал-губернатору Н.Н. Сухотину с просьбой изучить ситуацию на месте и определить степень возможности и готовности казахов, кочующих в пределах десятиверстного пространства к переходу в казачье сословие с «привлечением их к отбыванию воинской повинности» и последующим землеустройством из войсковых запасов Сибирского казачьего войска. Предполагая, что далеко не все казахское население «выскажет желание быть зачисленными в состав сибирского казачества», А.Н. Куропаткин предлагал также выяснить возможные варианты землеустройства данной категории кочевников вне пространства десятиверстной полосы.

Для сбора этой информации военный министр командировал в 1902 г. в распоряжении генерал-губернатора Степного края Н.Н. Сухотина состоящего при Генштабе есаула Уральского казачьего войска Ливкина. Степной генерал-губернатор со своей стороны для реализации поставленной задачи рекомендовал кандидатуру Г.Е. Катанаева.

В своей работе по изучению ситуации на месте генерал-майор Г.Е. Катанаев и есаул Ливкин исходили из того, что *«ни историческое прошлое десятиверстной полосы, ни последующие распоряжения законодательные не дают киргизам никаких прав на земли десятиверстной полосы, и киргизы поэтому могут получить часть этих земель не по праву, а лишь на известных условиях, как особую милость, если бы того потребовало их безвыходное положение»*. Поэтому они изначально стояли на позиции защиты интересов сибирского казачества и считали целесообразным включение этой территории в состав войска.

По наблюдениям Г.Е. Катанаева и Ливкина экономическое положение казахских хозяйств, кочующих в районе десятиверстной полосы, было достаточно стабильным и благополучным. Главной причиной их прикочевки в этот район было не стремление занять богатые травостоем пастбища по левобережью Иртыша, а *«выгоды, которые много раз покрывают тот незначительный расход, какой они несут в пользу казаков за арендуемые у них земли»*. К числу таких выгод относились *«разного рода заработки возле оседлого населения и торгово-промышленной артерии, какой представляется р. Иртыш»*. Таким образом, возможность проживания в районе десятиверстной полосы позволяла казахам получать дополнительные источники доходов и улучшать материальное состояние.

Выводы Г.Е. Катанаева и Ливкина подтверждались статистическими данными специальной комиссии, исследовавшей экономическое положение казахских хозяйств десятиверстной полосы. В ходе ее работы выяснилось, что на одну кибитку приходилось 22 головы крупного рогатого скота, 30 голов мелкого

рогатого скота. В тоже время у казаков этого региона данные показатели составляли 14,9 и 7,2 соответственно.

Проведенный Г.Е. Катанаевым и Ливкиным опрос казахов, кочующих в районе десятиверстной полосы, показал, что основная их масса высказалась против перехода в казачье сословие с целью последующего землеустройства. Объяснялась эта ситуация экономическим фактором: государственные, земские, общественные повинности казахов за проживание в волостях Семипалатинской области и аренда десятиверстной полосы составляли в среднем 9,65 руб. с кибитки в год, тогда как повинности казачьей семьи – 62 руб. Исследователи делали вывод: *«Материальное положение киргизского населения в десятиверстной полоске, в связи с отбыванием ими повинности, настолько лучше положения соседей их казаков, что ожидать от киргиз желания променять хорошее на худшее было бы совершенно нелогичным».*

Зачислиться в состав Сибирского казачьего войска проявили желание только 10 казахов. Однако при этом они выдвинули собственные условия. В частности, они требовали сохранить за ними земельные участки в волостях, к которым они были причислены и арендованные земли десятиверстной полосы. Кроме этого они требовали «лес для построек домов, мечетей и школ», а также льготы в несении воинской службы для своих детей.

В январе 1902 г. наказной атаман Сибирского казачьего войска и одновременно Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин на основании отчета Г.Е. Катанаева и Ливкина и работы землемерочной партии представил свое заключение в Военное министерство. Следует подчеркнуть, что в отличие от своих предшественников Г.А. Копаковского и М.А. Таубе, Н.Н. Сухотин всецело поддерживал в вопросе судьбы десятиверстного пространства Военное министерство.

Поэтому из его заключения следовало, что на территории Павлодарского и Семипалатинского уездов Семипалатинской области выявлены значительные излишки земельных ресурсов – 4950972 дес. Этого, по мнению чиновника, было бы вполне достаточно для землеустройства казахов, переселенных не только

с десятиверстной полосы, но и с территории Алтайского горного округа и Тобольской губернии. Несложные математические расчеты Н.Н. Сухотина предполагали, что на отдельное казахское хозяйства, исходя из имеющихся земельных ресурсов, «придется по 313 дес., что выше средней нормы в 180 дес. на 133 дес.».

Эти обстоятельства позволили генерал-губернатору впервые в дискуссии о судьбе казахского населения десятиверстной полосы настаивать на их выселении из данного района. Неприемлемой в связи с этим Н.Н. Сухотин считал проект военного министра о причислении кочевников региона к казачьему сословию. Он считал, что предъявленные казахами «несообразные домогательства», «высокомерные и алчные условия» их вступления в сибирские казаки свидетельствуют об отсутствии гражданственности и чувства принадлежности к числу подданных Российской империи. На основании этого генерал-губернатор делал вывод о том, что казахи *«в настоящем положении по духовному капиталу, представляют малонадежный и очень слабый вклад в нашу вооруженную силу. По физическим качествам, если и годны, то только к службе в Степном крае, где их ненадежность как воинов и солдат усугубляется в своем значении, в виду того, что наш враг на этом театре – такой же киргиз, но только китайский, с которым он стоит в духовном и религиозном родстве, а часто и в физическом, и связан материально».*

В заключении Н.Н. Сухотин рекомендовал Военному министерству разрешить казахам десятиверстной полосы только частный переход в казачье сословие без всяких льгот. Сам переход осуществлять путем вступления в состав казачьих поселков и станиц, не разрешая образования отдельных казахских поселков и станиц, не допуская образования отдельных казахских сотен и вообще отдельных воинских частей из казахов.

Параллельно с Н.Н. Сухотиным результаты работы Г.Е. Катанаева и Ливкина тщательно изучал Министр земледелия и государственных имуществ. В апреле 1903 г. он представил в Госсовет собственное заключение по вопросу «об окончательном закреплении земель десятиверстной полосы за Сибирским

казахским войском». Позиция министерства оставалась неизменной: передача в собственность войска этой территории будет способствовать ухудшению положение казахов-арендаторов.

Позицию Министерства земледелия и государственных имуществ поддерживало МВД. По мнению его руководства, наличие в Павлодарском уезде Семипалатинской области 4950972 дес. свободной земли, заявленных Н.Н. Сухотиным не доказывало возможности землеустройства на них казахов десятиверстной полосы. Топографическое исследование по поручению МВД показало, что из данного количества только 80500 дес. представляли землю, пригодную для занятия земледелием и обустройства на ней в будущем крестьян-переселенцев. Землеустройство казахов-кочевников на этой территории, таким образом, представлялось нецелесообразным. В конечном итоге МВД настаивало на имеющихся земельных излишках войсковых земель Сибирского казачьего войска и возможности землеустройства на них казахов десятиверстного пространства.

Для согласования позиций противоборствующих министерств в марте 1903 г. была организована работа Особого совещания. В его состав вошли военные губернаторы Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края, генерал-губернатор Степного края, представители министерств и ведомств. В ходе работы детальному анализу подверглись аргументы Военного Министерства и руководства казачьими войсками с одной стороны, Министерства земледелия и государственных имуществ и МВД с другой.

В целом совещание признавало историческое право Сибирского казачьего войска за земли десятиверстной полосы. Однако при этом оно настаивало на наличии значительных земельных излишков у казаков и возможности, таким образом, землеустройства казахов-арендаторов в пределах десятиверстного пространства.

7.4. Вопросы землеустройства казахов на землях Сибирского казачьего войска во второй половине XIX – начале XX в.

На основании поступивших данных о численности проживающих в пределах десятиверстного пространства казахов – 30850 чел. (6170 кибиток) – были разработаны принципы их устройства в районе десятиверстного пространства. При определении норм землепользования для казахов члены Особого совещания принимали во внимание тот факт, что у большей их части имелись земельные участки в волостях Семипалатинской области, к которым они были приписаны.

Поэтому совещание посчитало рациональным не отводить казахам в пределах десятиверстного «такого количества земель, какое необходимо для полного обеспечения скотоводческого хозяйства». Достаточно, по его мнению, было предоставить казахам в пользование земельные наделы, на которых последние смогут обеспечить «прочное устройство в виде отвода земель собственно под зимовые стойбища (зимние жилища, сенокос и пашни)». Размер земельного участка для зимовок, по мнению Особого совещания, должен быть определен в 30 дес. на кибитку или около 10 дес. на м.д. По такому расчету потребовалось бы отнести из земель десятиверстной полосы казахам 185100 дес. или 13% всего ее пространства.

К практической реализации землеустройства казахов члены Особого совещания предлагали подойти дифференцированно. Они исходили из того, что здесь кочевало на юртовых землях 2150 чел. (430 кибиток), на офицерских участках 23500 чел. (4700 кибиток), на свободных войсковых землях 5200 чел. (1040 кибиток). Устройство той части казахов, которые проживали на землях войскового запаса, не могло встретить никаких особых затруднений. Их предлагалось просто закрепить за кочевниками. Устройство 430 кибиток, арендующих юртовые земли, «совещание нашло возможным» провести вне юртовых наделов по смежности с ними, с предоставлением казахам «или переселиться на эту землю или остаться в станицах на положении иногородних».

Более радикально Особое совещание предлагало землеустроить казахов, арендующих офицерские участки. Оно считало возможным провести частное изъятие земель у их владельцев на условиях выкупа с последующей передачей их кочевникам. Ту часть участков, которые офицеры успели перепродать в частные руки, совещание предлагало изъять у владельцев, заменив «эти участки или их части, занятые казахами, на другие из числа освободившихся земель».

Предложения Особого совещания вызвали очередную волну критики и межведомственного противостояния. Министр внутренних дел В.К. Плеве в январе 1904 г. присоединился к выводам большинства членов Особого совещания и поручил Военному министерству и Министерству земледелия и государственных имуществ разработать подробную инструкцию о порядке отвода казахам земель в районе десятиверстной полосы и внести ее на законодательное рассмотрение в Госсовет.

Главный представитель Управления казачьих войск генерал-лейтенант Королев и Военное министерство признали высказанные замечания и пожелания Особого совещания «не реальными» и продолжали настаивать на закреплении десятиверстного пространства за Сибирским казачеством. Военный министр генерал-адъютант В.В. Сахаров считал абсолютно невозможным землеустройство казахов и в районе десятиверстного пространства и считал целесообразным их выселение за пределы этой территории. Крайне категорично министр встал на защиту интересов офицерства, земельные наделы которых предлагалось перераспределить или выкупить. Он подчеркивал, что офицеры владели этими участками более 20 лет и «в силу такого давнего владения считают их уже своей собственностью». Многие из них помимо предоставления в аренду казахам части территории, «устроили на них различные хозяйственные, и даже, промышленные строения». Перераспределение офицерских участков, таким образом, по мнению В.В. Сахарова, приняло бы незаконный характер.

Важным аргументом в рассуждениях военного министра было и то, что перераспределение офицерских участков в пользу кочевников приведет к чересполосице. Это в свою очередь значительно осложнит межэтнические отноше-

ния, т.к. казахи постоянно будут нарушать границы участков, выпасая свой скот и осуществляя потраву посевов и покосов на офицерских участках. И наконец, прочное устройство казахов на землях десятиверстной полосы, по мнению министра, противоречило государственным интересам. Стратегией национальной политики в отношении кочевых инородцев Российской империи признавалось поэтапное приведение их к состоянию оседлости. Предоставление же казахам возможности землеустройства в районе десятиверстного пространства для ведения традиционного скотоводческого хозяйства и не создавало условий для массового оседания.

Свои рассуждения по вопросу о землеустройстве казахов, арендующих земли десятиверстной полосы, Военный министр В.В. Сахаров изложил в ходатайстве Госсовету. В нем он рекомендовал этот регион «в тех размерах и границах, в которых он был представлен во временное пользование войска, включить в состав земель Сибирского казачьего войска, на тех же основаниях, как и прочие земли этого войска». Проживающим в этой полосе казахам разрешить добровольно зачисляться в казачье сословие с причислением желающих без приемных приговоров к обществам существующих казачьих поселков и станиц. Зачисленных в казачье сословие наделять земельными наделами в установленном порядке из войскового запаса десятиверстной полосы. Казахов, не пожелавших зачисляться в казачье сословие, он предлагал выселить с левобережья Иртыша с последующим наделением их землей «из свободных пространств степных областей распоряжением соответствующих ведомств».

Завершающим аккордом в дискуссии региональных и центральных органов власти о судьбе десятиверстного пространства и землеустройстве казахов-арендаторов стало расширенное заседание Департаментов законов, гражданских и духовных дел, государственной экономики и промышленности, науки и торговли МВД. Важно отметить, что на окончательное решение данной проблемы оказал влияние император Николай II, которые считал необходимым «воздать сибирскому казачеству за особые заслуги перед государством».

Поэтому в ходе работы расширенного заседания Департаментов, в составе 48 человек, единогласно было высказано пожелание закрепить за казаками Сибирского казачьего войска земельные пространства десятиверстной полосы. По их мнению, государство, несомненно, должно сделать *«полное воздаяние за военную службу земельным обеспечением казаков, в том числе и сибирских», «сословие это неся в значительно большей мере, чем прочее население, тягости военной службы, дает государству образцовое и, при том, недорого стоящее казне войско».*

Аргументом в пользу невозможного земельного устройства казахов на десятиверстной полосе выступали сведения, представленные Г.Е. Катанаевым и другими исследователями истории сибирского казачества, согласно которым *«первоначально в пределах этой полосы им (казахам) вообще запрещалось кочевать».* Таким образом, исторически они не имели права претендовать на данную территорию.

Предлагаемый рядом министерств вариант землеустройства казахов посредством зачисления их в казачье сословие был категорически отвергнут на основании того, что *«вряд ли можно ожидать, что магометане-кочевники могут при настоящем уровне их развития перейти к условиям быта христианского оседлого населения».* В тоже время неприемлемым для членов расширенного заседания Департаментов представлялось и предлагаемое Военным министерством выселение казахов из десятиверстной полосы в пределы Степного генерал-губернаторства. Невозможность отвода казахам зимовок в десятиверстной полосе, по мнению участников заседания, не была подтверждена весомыми данными, т.к. *«имеющиеся по сему предмету сведения крайне противоречивы».* Равным образом оставалась не выясненной *«наличность в Степных областях достаточного количества свободных земель, пригодных для казахских зимовых стойбищ».* Учитывая позиции противоборствующих министерств по вопросу о наличии свободных земель в десятиверстной полосе, члены расширенного заседания признавали, что принудительное выселение казахов может быть допущено лишь в случае *«безусловной невозможности устроить их в пределах этой*

полосы, а также в доказанной наличности в распоряжении правительства таких свободных земель в Степных областях, где киргизы могли бы быть устроены без ущерба в их хозяйстве».

До выяснения ситуации и окончательного решения вопроса о возможных способах землеустройства казахов десятиверстной полосы, было предложено сохранить за ними арендуемые участки «на прежних основаниях». Иными словами, несмотря на юридическое закрепление за Сибирским казачьим войском земель десятиверстного пространства, Департаменты предлагали запретить казакам сгонять казахов с арендуемых участков и не увеличивать размеры арендной платы. Таким образом, власти стремились «оградить казахов от произвола казаков в этом вопросе». Министерству земледелия и государственных имуществ, МВД и Военному министерству было предложено разработать вопрос об окончательном устройстве казахов, кочующих в десятиверстной полосе.

Государственный совет 18 мая 1904 г. утвердил постановление объединенного собрания Департаментов. Земли левобережья Иртыша были переданы Сибирскому казачьему войску. Дополнительный пункт постановления запрещал казакам самовольно увеличивать размер арендной платы и не подвергать ее изменению «вплоть до окончательного решения вопроса о землеустройстве кочевников». Таким образом, Госсовет оказался неспособным принять на себя ответственность в вопросе окончательного решения судьбы казахов, арендующих земли десятиверстного пространства. Он лишь заключил, что «этот вопрос еще требует тщательной и всесторонней разработки, которая должна быть поручена МВД по соглашению с Военным Министерством и Министерством земледелия и государственных имуществ».

Для реализации постановлений Госсовета в конце 1904 г. Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин на базе Семипалатинского областного правления создал Особое совещание для разработки проекта землеустройства казахов десятиверстной полосы. Совещанию в очередной раз пришлось собирать достоверную информацию об общем количестве земель Сибирского казачьего войска в десятиверстной полосе и о количестве земли, необходимой для обеспечения

казаков полным наделом и запасами, о числе казахов десятиверстного пространства, нуждающихся в землеустройстве. Параллельно начались работы по организации работы межевых партий, призванных установить границу между владениями сибирского казачества с казахской степью на левобережье Иртыша.

Семипалатинское областное правление работало в этом направлении в достаточно напряженном режиме. Уже на мартовском заседании 1905 г. Г.Е. Катанаев сообщал о размерах земельных излишков Сибирского казачьего войска и, таким образом, делал акцент на возможности землеустройства казахов в этом регионе. В начале апреля этого же года на заседании обсуждалась программа регистрации казахов десятиверстной полосы и обследования их экономического положения. Специально разработанная для этого анкета-вопросник была достаточно объемной и состояла из 15 позиций. На этом же заседании началась разработка проекта земельного устройства казахов левобережья Иртыша.

Проектом предлагалось освободить от выплаты кибиточной подати тех прииртышских казахов, которые не пользуются казенными землями в волостях Степного края и «обложить половинным окладом тех, которые пользуются на упомянутых землях летовочными угодьями». Наиболее приемлемым механизмом землеустройства кочевников было признано считать арендные отношения. Условия аренды рекомендовалось регулировать в соответствии с категориями земельных участков: земель войскового запаса, юртовых и офицерских наделов.

Принципиальным в данном проекте было стремление оградить кочевников от произвола арендодателей посредством установления жесткого контроля со стороны государства и региональных органов власти за условиями аренды. Так, например, войсковые земли рекомендовалось сдавать казахам в долгосрочную аренду (в «потомственное пользование»), без проведения торгов с платой по ценам 1898–1899 гг. При этом предлагалось осуществлять передачу участков в аренду по приговорам волостных и аульных сходов с круговой порукою за исполнение условий аренды. Арендные деньги казахи должны вносить обществами в сроки, установленные в арендных договорах. По мнению

членов Семипалатинского областного правления, казахским обществам в рамках арендных договоров необходимо было предоставить право возводить жилые и хозяйственные помещения без какой-либо дополнительной платы, (но при условии сноса построек после окончания срока аренды), право бесплатно распахать пашни не более 2–3 дес. на кибитку (за каждую распаханную сверх – по 0,5 руб. в год). Все предлагаемые выше условия аренды земли рекомендовалось оформлять юридически подписанием договора, в котором были бы указаны все условия и требования. Принципы аренды юртовых и офицерских участков были аналогичными. Главное требование – юридическое оформление условий аренды.

Работа правления Семипалатинской области по решению вопроса о землеустройстве казахов левобережья Иртыша проходила в атмосфере мощного давления со стороны чиновников Военного министерства и руководства Сибирского казачьего войска. Предложенный проект землеустройства кочевников вызвал новую волну критики, основанную, прежде всего на том, что *«размеры арендуемых киргизами земель далеко не соответствуют потребности их в земле, а значительно превышают таковые и обуславливаются большим или меньшим достатком той или иной группы кибитковладельцев, их промышленным целям, а иногда и просто случайным причинам».*

Семипалатинское правление также обвиняли в сознательном затягивании окончательного решения данного вопроса. Как указывалось выше, цены на земли, арендуемые казахами, законом 31 мая 1904 г. было запрещено изменять и спустя 4–5 лет они оказались крайне низкими. Начальник межевого отряда коллежский советник Шубин в декабре 1908 г. подтверждал мнение Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска данными за текущий год о том, что казахи арендовали войсковых участков в десятиверстной полосе размером 134591 дес. за 5572 руб. в год. Таким образом, средняя цена за десятину в 1908 г. составила 0,45 руб., что приводило казаков к существенным убыткам. Дальнейшее искусственное удержание цены на аренду на прежнем уровне было, по его мнению, невозможно и *«разорительно для офицеров».*

Кроме этого казахи не освобождали арендованные участки и считали их «дарованными им высочайшей властью для ведения хозяйства». Фиксировались случаи, когда казахи, «неправильно понимая свои права», фактически отказывались платить за аренду, самовольно занимались вырубкой войскового леса и т.д.

Ситуация была накалена до предела. Руководство Сибирского казачьего войска забрасывало Военное министерство и Главное управление казачьими войсками протестными заявлениями. Реакцией на работу Семипалатинского областного правления стал альтернативный проект, исключавший возможность землеустройства казахов, арендующих казачьи земли, на левобережье Иртыша. Кочевникам предлагалось добровольно выселиться за пределы десятиверстного пространства и занять земли, которые им были отведены волостными обществами Семипалатинской области и к которым они были причислены. Проект определял сроки выселения: казахи должны были освободить территорию в течение трех лет с выплатой денежной компенсации за снос построенных на арендованных участках стационарных жилых строений.

Продвигать проект, предложенный Сибирским казачьим войском было поручено капитану Позднееву, который был командирован в Семипалатинское областное правление в 1909 г. Межведомственное противостояние в конечном итоге закончилось победой «военных»: члены областного правления приняли решение о выселении казахов с территории десятиверстного пространства. Окончательный проект землеустройства казахов был утвержден Семипалатинским областным правлением с учетом корректив генерал-губернатора Степного края Е.О. Шмидта. Последний предложил под землеустройством казахов десятиверстного пространства понимать процесс наделения земельным наделом только тех из них, которые пожелают перейти на оседлый образ жизни. При этом, размер земельного надела он предлагал определять по переселенческим нормам Кокчетавского уезда (15 дес. на одну м.д.).

Казахам, отказавшимся получить постоянные наделы по указанному проекту, предоставлялся 3-х летний срок на перенос своих зимовок на земли воло-

стей, к которым они были причислены или туда, где они самостоятельно причисляются по приемным договорам. По истечении трех лет заканчивался льготный период аренды «по пользованию казачьими землями десятиверстной полосы и по производству наемной платы за эти земли», установленный законом 1904 г. Владелец прииртышских земель – сибирское казачество вступало в свои законные права и имело право поступать с земельными ресурсами этого района по своему усмотрению.

С учетом поправок Степного генерал-губернатора Е.О. Шмидта в феврале 1910 г. Семипалатинское областное правление возбудило ходатайство перед Госсоветом об издании закона о землеустройстве казахов десятиверстного пространства. Однако вплоть до 1917 г. Госсоветом так и не был утвержден предложенный проект. Региональные власти ограничивались в этом вопросе лишь локальными актами и постановлениями.

Архивные документы свидетельствуют о том, что межведомственная борьба за статус десятиверстного пространства и судьбу казахов-арендаторов земель Сибирского казачьего войска, развернувшаяся в конце XIX – начале XX в. фактически не затронула последних. По данным регистрации казахов в 1906 г. в данном районе кочевало 6420 кибиток или около 38 тыс. чел. В 1909 г. число кибиток возросло до 8150, а количество человек до 50365. Зимовки на десятиверстном пространстве имели около 48000 кибиток из общей их численности, т.е. абсолютное большинство.

Таким образом, очевидно, что казахи достаточно активно переселялись на протяжении первого десятилетия XX в. на прииртышские территории, даже в условиях подготовки проекта об их выселении. Несмотря на принятые Степным генерал-губернатором или Войсковым хозяйственным правлением Сибирского казачьего войска локальные акты о выдворении казахов с территории десятиверстной полосы, последние продолжали проживать на них или без арендных договоров самовольно занимали отдельные участки.

Во многих районах десятиверстного пространства казахи продолжали сдавать юртовых участки казахам Семипалатинской области, не смотря на под-

готовленный проект о выселении их из региона. Например в станице Убинской 15 кибиководельцев Арчалинской волости арендовали с 1 апреля 1912 г. на один год 8155 дес. за 105 руб. А казах Кызылдаровской волости Каркаралинского уезда, проживающий в п. Старо-Семипалатинском Мукаш Умытпаев купил у бывшего лесного объездчика войсковой подгорной лесной дачи Долонского лесничества Шушпанова «огорожку около построек, возведенных последним в бытность свою на службе и, самовольно поселился в лесной даче на месте построек, без всякого разрешения со стороны лесного надзора». На предложение выселиться он «упорно этому не подчинялся», предполагая на этом месте открыть харчевню, так как «мимо пролегала дорога в г. Семипалатинск из окрестных селений».

Безрезультатным осталось ходатайство 1912–1913 гг. поселковых обществ Чернорецкого, Черноярского, Песчановского, Григорьевского, Семиярского и Чернавского о выдворении с их юртовых наделов казахов. Претензии казаков сводились к тому, что казахи «самовольно и тайно истребляли леса, делали потравы сенокосных мест, хлебов, сена, производили кражи сена, уклонялись от уплаты в доход обществ денег за подножный корм скота, и места, занятые зимними стойбищами, отказывались входить в сношение с поселковыми обществами об арендных условиях, считая себя как бы полноправными хозяйствами той местности, на которой проживали, ссылаясь на закон от 31 мая 1904 г.». Губернатор Семипалатинской области А.Н. Тройницкий отвечал, что казахи, устроенные на этих землях до закона 31 мая 1904 г., действительно не могут быть выселены с арендованных территорий до полного их земельного устройства. Казахи, поселившиеся здесь после закона могут быть выдворены, но только в судебном порядке.

Численность казахов, продолжавших проживать в районе десятиверстной полосы накануне Первой мировой войны установить не удалось. Всего же к 1915–1916 гг. в станицах и поселках Сибирского казачьего войска, а также на войсковых и офицерских участках проживало 72882 казахов. Эта цифра распределялась следующим образом. В первом военном отделе Сибирского каза-

чьего войска в ст. Кокчетавской и Аиртавской числилось всего 1996 казахов. На территории второго военного отдела проживало в ст. Новореченкой – 226, ст. Становкой – 239, ст. Вознесенской – 79, ст. Архангельской – 50, ст. Конюховской – 31, ст. Петропавловкой – 653, ст. Медвежинской – 313, ст. Николаевской – 196, ст. Мельничной – 36, ст. Атаманской – 55 казахов. Всего 1878 человек.

Наибольшее число казахов проживало на территории третьего военного отдела войска, составляя в большинстве станиц абсолютное большинство их населения. В ст. Каркалинской – 1830, ст. Баян-Аульской – 345, ст. Урлютюнской – 6739, ст. Песчанской – 14732, ст. Павлодарской – 24741 (казахов при этом 2685 чел.), ст. Семиярской – 10926 (казахов всего 3113 чел.), ст. Долонской – 4999, ст. Семипалатинской – 3100, ст. Убинской – 934, ст. Усть-Каменогорской – 442, ст. Батинской – 104, ст. Кокпектинской – 116. В станицах Бийской укрепленной линии Верх-Алейской, Секисовской, Верхубинской и Чарышской в 1915–1916 гг. казахи не числились.

Таким образом, в 70-е гг. XIX в. эволюция модели экономического развития Сибирского казачьего войска привела к дифференциации земельных наделов и необходимости развития арендных отношений при эксплуатации земельных ресурсов. Фактор взаимной заинтересованности в их освоении левобережья Иртыша объективно способствовал расширению казахско-казачьего диалога. Рубеж XIX–XX в. стал периодом развития достаточно вариативной системы арендных отношений между ними, характеризующейся различными формами аренды, оплаты и эксплуатации природных ресурсов.

В тоже время политика Войскового хозяйственного правления связанная с наделением земельными участками офицеров, казачьих общин и других категорий Сибирского казачьего войска в размерах, значительно превышающих установленные законодательством, привела к практике наделения за пределами десятиверстного пространства и сопровождалась, таким образом, земельной экспроприацией у казахского населения. Это обстоятельство порождало массу конфликтных ситуаций и вынуждало казахское население вырабатывать новые модели адаптационного поведения, направленного на решение проблемы мало-

земелья. Одной из них становилось обращение непосредственно в региональные и центральные органы власти с ходатайствами о пересмотре границ юртовых и офицерских участков десятиверстной полосы. Второй моделью казахов с целью решения проблемы землеустройства, стали попытки интеграции в войсковое казачье сословие, оказавшиеся как свидетельствуют архивные данные малоуспешными.

Рост межэтнической напряженности в регионе вынудил российские власти принять решительные меры, направленные на определение юридического статуса земель, занимаемых сибирским казачеством на левобережье Иртыша. Судьба десятиверстной полосы и казахского населения, арендующего ее земли, решалась на протяжении двух десятилетий в условиях жесткого противостояния Военного министерства и Министерства земледелия и государственных имуществ. Центральной проблемой являлась проблема, связанная с решением землеустройства казахов-кочевников. В процессе ее обсуждения предлагались различные варианты решения, начиная от землеустройства кочевников в районе десятиверстной полосы, завершая выселением из региона в административном порядке. И даже не смотря на победу «военных» и передачу региона во владение Сибирского казачьего войска данная проблема землеустройства казахов так и не была решена вплоть до падения дома Романовых. Инертность властей в данном вопросе по всей вероятности была связана с опасениями вызвать широкое протестное движение казахского населения в случае реализации проекта, предполагавшего их выселение с территории левобережья Иртыша.

Тем не менее, не смотря на все проблемы и противоречия в решении вопроса статуса десятиверстного пространства и землеустройства казахов, в данном регионе происходил процесс дальнейшего углубления казахско-казачьего диалога. Проекты по выдворению кочевников с данной территории объективно создавали угрозу естественному процессу развития межэтнических отношений. Однако их экономическая основа была настолько устойчивой и взаимовыгодной, что, не смотря на все внешние обстоятельства, они продолжали развиваться, порождая различные практики межэтнической коммуникации.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Определите значение принятого 9 июля 1877 г. «Положения о Сибирском казачьем войске».
2. Назовите причины обострения земельных отношений в районе Сибирского казачьего войска в конце XIX – начале XX в.
3. Почему на рубеже XIX–XX вв. возникла необходимость определения юридического статуса десятиверстного пространства и его демаркации? Какие проекты решения проблемы были предложены?
4. Определите основные результаты землеустройства казахов на землях Сибирского казачьего войска в конце XIX – начале XX в.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первой половине XIX в.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.
2. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1981. – 111 с.
3. Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана. XVIII–XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2009. – 130 с.
4. Андреев С.М. Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития: 1808–1917 гг. // Автореф. дисс. ...д.и.н. Кемерово, 2007. – 42 с.
5. Катанаев Г.Е. «Киргизский вопрос» в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.
6. Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX века (1850–1900 гг.): социально-экономическое развитие // Автореф. дисс. ...д.и.н. Иркутск, 2011. – 33 с.
7. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Санкт-Петербург : Глав. упр. иррегулярных войск, 1879. – 284, 51, V с.

Тема 8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КАЗАХСКО-КАЗАЧЬЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРИИРТЫШСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

8.1. Казахско-казачье межэтническое взаимодействие в социально-экономической сфере: процессы аккультурации и адаптации

Развитие Сибирского казачьего войска как автономной социально-экономической структуры на протяжении XIX – начала XX вв. связанного с развитием арендных отношений в системе землепользования, торговли и товарно-денежных отношений, способствовала расширению межэтнических контактов казахско-казачьего населения Прииртышья и Южного Алтая. Безусловно, каждый из этносов, вступавших во взаимодействие, переживал процессы трансформации традиционной системы жизнеобеспечения, аккультурации со стороны другого этноса и выработывал новые практики адаптации к социально-экономическим реалиям жизни.

В результате аграрной политики государства и Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска на территории левобережья Иртыша сформировалась особая контактная зона, в границах которой осуществлялось культурное взаимодействие двух этносов – русского и казахского.

Наиболее мощные контакты двух этносов осуществлялись в экономической сфере и определялись взаимной заинтересованностью в эксплуатации земельных ресурсов региона. Получив в индивидуальное владение значительные по площади земельные участки, казачество, занятое на военной службе, не имело возможности единоличного их использования. Предоставление этих участков в аренду казахскому населению, стремившемуся приобрести богатые сенокосными и пастбищными угодьями долины Иртыша, представляло наиболее оптимальную и продуктивную практику межэтнического сотрудничества.

Контакты двух этносов в экономическом кластере, безусловно, сопровождалось взаимным обменом в социальной и культурной сфере. В казахских

пастбищно-кочевых общинах, кочевавших в Прииртышье, с начала XIX в. стали фиксироваться процессы трансформации традиционной системы жизнедеятельности и социальной структуры. Данные тенденции выразились, прежде всего, в появлении новых категорий казахского населения, переходу некоторой его части к полуоседлому образу жизни и появлению новых форм экономической деятельности.

Экономическая ситуация в Прииртышье и особенно в десятиверстной полосе, сформировавшаяся в результате наделения отдельных категорий казачества земельными участками и казачьих общин юртовыми наделами, вызвала потребность в наемном труде и создала условия для формирования рынка рабочей силы в регионе. Главным источником ее формирования выступила маргинальная часть казахского общества – джатаки.

Джатачество как социальное явление казахского общества стало формироваться в начале XIX в. Его появление объяснялось целым рядом обстоятельств: углублением процессов социальной и имущественной дифференциации, зависимостью хозяйственной деятельности кочевников от природных катаклизмов, политикой Российской империи, связанной с процессом экспроприации пастбищных угодий. Разорившаяся и лишенная, таким образом, возможности вести традиционный образ жизни данная часть казахского общества переходила в социальную категорию джатаков и вынуждена была искать дополнительные источники существования. Одним из них стал переход в поселки и станции Сибирского линейного войска с целью найма на работу в хозяйства зажиточных казаков. Путешествующий в 20-х гг. XIX в. по Алтайским горам и «джунгарской казахской степи», преподаватель Дерптского университета К.Ф. Ледебург отмечал: *«На пути из Шемонаихи к Лосихе встретили на берегу Убы большое число поселившихся киргиз, живущих в юртах. Эти киргизы земледелием не занимаются и скота у них мало; живут они главным образом тем, что нанимаются к крестьянам или, чаще всего, к казакам пасти скот».*

По свидетельству Г.Е. Катанаева джатаки составляли значительную часть казахского населения десятиверстной полосы. В начале XX в. из 33 тыс. каза-

хов, занимающих юртовые казачьи участки около 5,5 тыс. являлись джатаками и проживали в станицах и поселках круглогодично. Наибольшее их количество концентрировалось в Павлодарском и Семипалатинском уездах Семипалатинской области, причем многие из них были выходцами из более отдаленных от Прииртышья регионов: Баян-Аула, Каркаралинска, Акмолинска. На Бийской линии численность джатаков составляла 250 человек, в Семипалатинской области – 2936 человек, и в Акмолинской – 2403 чел. Г.Е. Катанаев подчеркивал, что практически в каждом зажиточном казачьем хозяйстве находил применение труд джатаков. При этом, джатаки оставались на постоянное жительство при тех же казачьих станицах, крестьянских селениях и городах, в качестве «годовых» работников и разночинцев, выполняя работы ямщиков, денщиков, извозчиков, приказчиков, посыльных, мелких менял и торговцев–алыпсатаров и т.д.

Условия найма джатаков были весьма разнообразными, оплата первоначально производилась только натурой, т.е. скотом. К концу XIX в. она стала носить дифференцированный характер, но преобладали денежные выплаты. Казачество приглашало в свои хозяйства джатаков в качестве батраков на земельные работы, пастьбу скота, помощь в домоводстве. С середины XIX в. джатаки начали заниматься перевозкой соли и другими промыслами.

Помимо разорившихся джатаков в систему производственных отношений на землях Сибирского казачьего войска активно вступали и собственно кочевники-скотоводы, арендовавшие угодья у казачества и «зимующие на этих землях», т.е. проживающие круглогодично в этом регионе. В 90–е гг. XIX в. их насчитывалось около 27 тыс. человек обоего пола. Наиболее компактно они проживали в станицах Павлодарского и Семипалатинского уездов, численно превосходя казаков станиц этих административных единиц. Например, в станице Долонской на 2500 казаков приходилось 2638 казахов, в Семиярской: 2335 и 3344; в Урлютюпинской 3022 и 4365, в Песчановской 3177 и 5057 соответственно.

Большинство казахских хозяйств по статистическим данным, представленным в исследовании Г.Е. Катанаева, имели достаточно прочную материаль-

ную позицию. Их приток в район десятиверстной полосы, а также на правобережье Иртыша на территорию Алтайского горного округа и Томской губернии не был связан исключительно со стремлением занять богатые травостоем пойменные луга Иртыша. Главным мотивом массовой миграции казахов в этот регион являлась возможность заниматься «промыслами и заработками в русских селениях» и получать дополнительные источники доходов.

Одним из основных источников дополнительных доходов казахоскотоподов являлся найм в казачьи хозяйства на заготовку сена. Причину столь распространенного явления Г.Е. Катанаев видел в отсутствие у казачества Павлодарского и Семипалатинского уездов земли, удобной для занятия хлебопашеством. Поэтому казаки вынуждены были переориентировать свои хозяйства на развитие скотоводства и огородничества. Значительные масштабы разведения скота и площади юртовых наделов не давали им возможности самостоятельно заготавливать сено. Поэтому «луга по обыкновению предоставлялось косить киргизам». Причем зарплата выплачивалась либо деньгами, либо натурой: казахи косили казакам только за ту часть сена, которую требовало хозяйство последнего. Остальная часть покоса принадлежала казахам и они распоряжались сеном по своему усмотрению.

Распространенным явлением был найм казахов в батраки к казакам, крестьянам, горожанам и разночинцам, проживающих в казачьих поселках и городах на «годовые работы». Такая категория казахов-батраков, нанималась на сельскохозяйственные работы, уборку хлеба, уход за скотом в хозяйствах казаков. При этом они получали зарплату до 60 руб. в год, питание и «лапоть», т.е. одежду на каждый из календарных циклов. Уходя от работодателя, казах забирал с собой и одежду.

Доходным занятием казахов десятиверстной полосы стал гужевой и легкой извозный промысел. Его развитие было связано с тем, что по территории десятиверстной полосы пролегал единственный сухопутный торговый и почтовый маршрут, соединяющий стоящий на Сибирской железнодорожной магистрали Омск с Павлодаром, Семипалатинском, Усть-Каменогорском, Зайсаном

и всем Семиречьем. По этому же маршруту осуществлялось перемещение всех товаров из европейской части страны в Степной и Семиреченский край. Почтовый и легковой извоз принадлежал сибирскому казачеству с наймом в качестве ямщиков-извозчиков казахов. Гужевой же извоз с разгрузкой и погрузкой товаров, принадлежал исключительно казахам и татарам. По свидетельству Г.Е. Катанаева в Павлодарском уезде имелись аулы, занимающие главным образом, гужевым извозным промыслом. Размер доходов данного вида деятельности казахов установить достаточно сложно. Данные по тарифам были следующие: доставка одного пуда груза от Павлодара до Семипалатинска стоила 0,2–0,3 руб.; от Павлодара до Омска от 0,2 до 0,4 руб. Доставка от Коряковского озера до станции Черноярской одного пуда соли обходился в 0,2–0,3 руб.

Казахи Семиярской и Долонской станиц десятиверстной полосы являлись главными рубщиками на войсковых и казанных дачах леса и дров, сплаваемых по Иртышу в Омск и Павлодар. Они же выполняли функции и сплавщиков. По данным на 1899–1900 г. казахи только на лесозаготовках в Долонском бору заработали 71500 руб. Активно развивался найм казахов на Бухтарминскую войсковую рыбалку.

8.2. Трансформация традиционного хозяйственно-культурного типа казахских переселенцев

Наряду с социальной дифференциацией и переходом кочевников-казахов левобережья Иртыша к нетрадиционным видам экономической деятельности, значительные трансформации на рубеже XIX–XX в. фиксировались в их хозяйственно-культурном типе. Главной причиной выступила та особая экономическая ситуация, которая сформировалась в десятиверстном пространстве и позволила казахам на протяжении многих десятилетий занимать одни и те же районы кочевания, побуждая их сооружать стационарные жилые и хозяйственные постройки и вести полукочевой образ жизни. Установление арендных земельных отношений еще более углубило эти процессы.

Анализ данных по выплате ремонтной пошлины казахами за переход на правобережье Иртыша позволят определить видовой состав скота, который они имели в первой половине XIX в. Они свидетельствуют, что в указанный период в составе стада казахов-кочевников численно преобладали овцы. Однако при этом наблюдалась тенденция к их сокращению. Так, количество баранов уменьшается в период с 1822 по 1835 г. практически в 10 раз.

Во второй половине XIX в. скотоводство традиционно продолжало играть главенствующую роль в экономике казахов десятиверстной полосы. Но при этом, качественное превосходство иртышских земель, особенно богатых сенокосных лугами привело в конечном итоге к качественным изменениям в способе ведения скотоводческого хозяйства. Обилие луговых сенокосов давало возможность казахам увеличить стойловое содержание скота. В то время как в южных степных волостях на 100 голов скота приходилось только 16 коров и 64 овцы, у прииртышских казахов на 100 голов 32 овцы и 39 голов крупного рогатого скота. Еще более отличалось питание казахов и использование продуктов скотоводческого хозяйства. Степные казахи традиционно использовали продукцию овцеводства: овечье молоко, овчину, овечью шерсть, прииртышские казахи – коровье молоко и шкуры крупного рогатого скота. Кроме этого они использовали продукцию аграрного производства и домоводства.

Изменения в видовом составе стада казахов десятиверстной полосы существенно трансформировали способы и методы ведения хозяйства. Разведение крупного рогатого скота имело решающее значение в развитии сенокосения и в переходе к стойловому скотоводству. Н.Г. Аполлова относит появление сенокосения в Прииртышье к середине XVIII в. Однако данная ситуация имела место исключительно на правобережной части реки, заливные луга которой казахи осваивали на протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. В районе десятиверстной полосы сенокосение как форма экономической деятельности казахов-кочевников распространялось с первой половины девятнадцатого столетия, достигнув «расцвета» ближе к его концу. Переход казахов к сенокосе-

нию сопровождался заимствованиями у русского населения новых видов орудия труда (косы, серпы, плуги, бороны) и т.п.

Земледелие занимало незначительное место в хозяйстве казахов десятиверстной полосы. Сопоставление уровня развития земледелия, сенокосения и скотоводства в районе десятиверстной полосы позволяет нам говорить о формировании здесь комплексного хозяйства и его успешном развитии. Более позднее хозяйственное освоение десятиверстной полосы, по сравнению с другими регионами Прииртышья, не отразилось на темпах и направлениях развития казахских хозяйств. По отношению к правобережным и степным волостям казахские хозяйства полосы находились в более выгодном положении, связанном с наличием богатых пастбищ. По этой причине десятиверстная полоса демонстрирует более высокие темпы развития, как скотоводства, так и других видов деятельности.

Тем не менее, не смотря на революционные изменения в формах и методах хозяйственной деятельности казахского населения Прииртышья, связанные со стойловым содержанием скота и заготовкой кормов на зиму, нельзя говорить о массовом его оседании и заимствовании системы жизнеобеспечения русских казаков и крестьян-переселенцев.

О степени незначительной русификации казахов десятиверстного пространства позволяют судить, прежде всего, данные об особенностях строительства ими стационарных жилых построек. Так, например, казахи Павлодарского уезда сооружали временные непрочные по своим конструктивным особенностям жилища из подручного материала. Как правило, это были полуземлянки из самана или дерна. Строились они в центре арендованных участков на территории заливной поймы Иртыша и во время весеннего паводка, как правило, сносились водой. Жилища казахов, арендующих участки в районе Долонского леса, были более прочными, т.к. сооружались из дерева, но по своему внешнему виду мало походили на крестьянские дома. Они представляли собой однокомнатные, «без крыши», в высоту человеческого роста строения. Хозяйственные постройки также сооружались из дерева, «однако трудно в них различить, где

начинается изба, где скотный двор, где крытая и открытая ограда». Планировки в строительстве жилищ отсутствовала: «Чего либо похожего на улицы нет. Все стойбище состоит обыкновенно из трех, пяти, много – десяти избушек».

Важным показателем процесса русификации выступает заимствование языка. Однако, как свидетельствуют источники, русским языком владело исключительно, джатачество, т.е. та часть казахского сообщества Прииртышья, которая на протяжении многих лет проживала на территории поселков и станиц сибирского казачества. Основная масса кочевников десятиверстного пространства общалась с представителями региональных органов власти через переводчиков. Дети из казахских семей региона фактически не были интегрированы в систему российского образования.

Отношение сибирского казачества к казахскому населению выстраивалось в контексте его ментальных установок. Исторически в отношении с окружающим миром сибирские казаки идентифицировали себя привилегированным сословием, имевшим собственную модель миропонимания и миропорядка, достаточно яркую и самобытную систему ценностных ориентиров, культурных и религиозных традиций. Вполне естественно, что занимая весьма специфическую нишу в социальной структуре российского социума, наделенную значительными правами и привилегиями, сибирское казачество выстраивало собственную социальную иерархию, отводя себе в ней достаточно высокое место. В среде казачества четко прослеживалось социальное противостояние по принципу: свой-чужой, мы-они, заметно усиливавшееся в связи с появлением на территории казачьих станиц и поселков лиц невойскового происхождения. Таким образом, как отмечают современные исследователи территория «казачьего фронта» на русской окраине, помимо военных действий и организации управления, включала конструктивные аспекты российской колонизации: «...рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры».

Тем не менее, несмотря на корпоративность и четкое противопоставление себя другим социальным, в том числе религиозным и этническим, общностям,

сибирское казачество являло собой достаточно открытый социальный организм. В литературе данное обстоятельство объясняется историческими условиями формирования сибирского казачества. В условиях нехватки «служилого населения» на центрально-азиатских границах Российской империи, использовалась любая возможность, направленная на его количественное увеличение. Так, в 1770 г. в сибирские казаки были зачислены участники крестьянской войны с Правобережной Украиной, в 1849 г. – украинские казаки-черкесы Полтавской губернии в составе 4000 человек. В структуре сибирского казачества большую роль играли нерусские народности: татары, башкиры, казахи, осетины, мешеряки, калмыки и др. Для первой половины XIX в. было характерно включение в состав казачьих войск в Азиатской России «инородцев» и создание из них особых казачьих частей.

Следует принимать во внимание и тот факт, что становление Сибирского казачьего войска и его развитие проходили в регионе, представлявшем собой достаточно пеструю в этническом плане картину. Здесь проживали различные по своим цивилизационным установкам и системам жизнеобеспечения народы, с которыми казачество было вынуждено активно контактировать для выработки собственной, оптимальной для местной природно-климатической среды, экономической модели. Попытки развития казаками очагов земледелия в условиях резкой континентальности азиатских окраин не дали положительных результатов. Предоставление им казенных хлебных пайков «обеспечивало первые потребности жизни на первых порах, но, в то же время, будучи, так сказать, даровым и обязательным, исключало настойчивость и энергию в труде, поддерживая этим отрицательные стороны характера». Поэтому большинство дореволюционных авторов признавали низкую эффективность сибирского казачества как земледельцев. В начале XIX в. хлебопашеством в войске занималось небольшое количество освобожденных от службы стариков, а 1846 г. для решения продовольственного обеспечения войска и развития зернового хозяйства в состав Сибирского казачьего войска были зачислены крестьяне, жившие на войсковых землях.

Альтернативой земледелию становились различные виды промыслов, которые казаки заимствовали у аборигенного населения. Результатом межэтнического взаимодействия в этой сфере стало обращение сибирского казачества к занятию рыболовством, в большей степени скотоводством. Но наиболее доходным видом деятельности стала торговля, которая порой принимала формы открытого грабежа казахского населения.

Следствием мощных межэтнических контактов сибирского казачества с местными народами стало формирование в его среде толерантных установок и в религиозной сфере. Являясь носителями православной традиции, казаки терпимо относились к службе в их рядах представителей других конфессий. Религиозные различия никогда не препятствовали интеграции инородцев в войсковое сословие. Как отмечает в связи с этим Д.В. Колупаев, *«внутри казачьего социума шло четкое разделение: казаки по корню, казаки по службе, казаки приписные»*. В станицах имелись архивы, по которым прослеживалась родословная казаков и через два или три поколения новоприбывший казак считался не «пришлым», а «свояком». Все вышеперечисленные факторы, в комплексе, позволяют исследователям считать сибирское казачество субэтносом, для которого были характерны толерантность, открытость и готовность к заимствованию и сотрудничеству с другим социальным общностями, в том числе этноконфессиональными.

На протяжении XIX в. сибирское казачество, позиционируя себя как единый социальный организм, продолжало демонстрировать качества субэтноса, готового к межэтническому взаимодействию. Этому во многом способствовали объективные процессы, связанные с постепенной трансформацией его военно-оборонительных функций и роли как военной силы по охране сибирского пограничья.

Развитие товарно-денежных отношений и зарождение основ капиталистического уклада в экономике Российской империи стимулировали в казачьей среде развитие предпринимательской инициативы. Вторая половина XIX в. стала периодом больших качественных и количественных изменений в истори-

ческой судьбе сибирского казачества. Благодаря этому к концу XIX столетия в социально – экономическом плане оно представляло достаточно независимую от государства категорию населения.

Этому в немалой степени способствовали не только тенденции пореформенного периода, но и экономическая политика Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. Она была направлена на «пропаганду и поощрение прогрессивных форм хозяйствования в среде сибирского казачества». Как подчеркивает Д.В. Колупаев, военное руководство благосклонно относилось к созданию на казачьих землях заводских предприятий лицами невойскового сословия, «иногородними», предоставляя им различные льготы.

Формированию многоукладности в экономике казачьего станичного хозяйства способствовала и политика в области земельного обеспечения казахов Сибирского казачьего войска. Уже к середине XIX в. официальные власти признавали, что сибирское казачество оказалось не в состоянии выполнить задачи аграрной колонизации южносибирского региона. Ф. Усов объяснял сложившуюся ситуацию с точки зрения условий, в которые было поставлено сибирское казачество. *«В прямой зависимости от военнослужебной повинности, – писал исследователь, – вынуждающей казака вести полуоседлый образ жизни, хлебопашество, требующее продолжительных усилий и систематического труда, не получило преобладающей роли в экономике казачьей семьи. ...Тот, кто имеет возможность, всячески избегает возиться с сохой и плугом, пользуясь рабочей силой киргиз».* Но, даже не смотря, на использование дешевой рабочей силы, по данным А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой к этому периоду, у казаков обрабатывалось лишь 5% земли, находящейся в пользовании.

Как альтернатива развитию собственному земледельческому хозяйству и более продуктивной эксплуатации огромных земельных ресурсов, закрепленных за Сибирским казачеством, оно активно развивало арендные отношения, привлекая в качестве арендаторов лиц не казачьего сословия, в том числе казахов. Данное обстоятельство открывало достаточно широкие возможности для межэтнической коммуникации народов региона. В условиях же численного

превосходства казахов в некоторых станицах Семипалатинской области казаки подвергались процессам аккультурации со стороны первых. Например, Н.М. Пржевальский писал, что «ассимилирование» происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих соседей, *«дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников»*. Своего рода этнографическим символом «объинородничанья» казака стал халат. В.В. Радлов в 1862 г. отметил в своем дневнике, что это – весьма распространенное явление, и что казаки в казахской степи не только носят дома халаты, но и могут явиться в нем и на службу. Уральские же казаки всерьез обсуждали вопрос о введении особой военной формы для степных казачьих войск, наподобие того, как это было сделано на Кавказе.

В рационе питания сибирского казачества преобладала баранина, в то время как злаковые каши становились редкостью. Фиксировался и религиозный индифферентизм казаков, выражавшихся в редких посещениях церкви и отрицании молитвы как средства утешения. Достаточно много дореволюционные исследователи писали и о формировании особого антропологического типа казака-старожила, во внешнем облике которого, не смотря на то, что неславянский элемент не был значительным, все же отмечали «уклонения от русского типа к монгольскому». Объясняя данную ситуацию Ф. Усов писал, что на пограничных сибирских линиях повсеместно получили распространение межэтнические браки.

Н.М. Ядринцев, неоднократно отмечавший в своих работах факты взаимовлияния русских и инородцев отмечал, что в Западной Сибири на границе с «Киргизской степью», казаки перешли местами к скотоводству, заимствовали у казахов не только элементы материальной культуры, но и обычаи и язык. На дворе казака можно было часто встретить юрту, в которой он проживал со своим семейством в летнее время. Казахская армячина из верблюжьей шерсти применялась повсеместно для пошива верхней мужской одежды. Как и в казахских хозяйствах, казаки практиковали табунное содержание скота на поднож-

ном корму. В летнее время у них оставалось в хозяйствах небольшое количество рабочего скота. Отары овец и лошадей отгонялись от станиц на летние пастбища. «Сибирская газета» в 1881 г. констатировала: *«У казаков строятся для скота киргизские загоны, ...коровы доятся по-киргизски – с подпуском теллят, табун лошадей, если он есть, плодится и множится по воле божьей в степи, по-киргизски. Только сам казак не кочует, живет в хате. Вот и вся разница».*

Кража баранов из казахских аулов во время несения военной службы и пикетов не считалась у казаков преступлением. Эту традицию они переняли у самих казахов, и она свидетельствовала «о молодечестве как у тех, так и у других». По словам Н.М. Ядринцева, в этих делах казаки нередко действовали совместно с казахами, что считалось теми и другими особым удальством.

В социальной и религиозной сферах процесс утраты русскими православных черт был менее заметен, чем в хозяйственных практиках, бытовых заимствованиях и лингвистическом словаре казаков. Большинство дореволюционных исследователей писали о достаточном распространении среди казачества Сибири казахского языка. При характеристике положения джатаков в хозяйстве казахов Г.Е. Катанаева отмечал, что почти каждый казак знает казахский язык, что облегчает разговор с наемными рабочими. Г.Н. Потанин в связи с этим констатировал, что казахский язык не только не пренебрегается казаками, но считается разговорным.

В отчете Семипалатинского губернатора за 1893 г. отмечалось: *«Казаки, живя с киргизами, совершенно окиргизились, и говорят не только с киргизами, что было бы вполне понятно, но и между собой по-киргизски, считая этот язык более легким для себя. Маленькие дети казаков – и те говорят по-киргизски».*

Исходя из имеющихся данных о процессах аккультурации казачества, российская общественность на рубеже XIX–XX вв. констатировала, что *«казаки, ничего полезного не передали из своей жизни кочевнику. В земледелии киргизы превзошли их, так как по статистическим числовым данным степень*

урожая на пашнях, обрабатываемых киргизами, хлеб родится несравненно лучше, в особенности в тех местностях, где возможно искусственное орошение полей; в разведении скота оседлое население не могло дать никаких новых приемов, как для улучшения породы, так и в уходе за животными. За отсутствием заводской промышленности у казаков, кочевники и в этом случае ничем не могли от них позаимствоваться. Наконец, самый способ ведения земледелия, с переложным хозяйством, принес кочевникам больше вреда, чем пользы, так как устранить этот метод хлебопашества составит не мало забот для Правительства. Что же касается до образа жизни, то в этом случае склонности казаков к лености и беспечности, в отношении даже своих личных интересов, только лишь благодаря особенным местным условиям, к счастью, не привились к кочевникам. Вот почему остается только желать, чтобы дело заселения киргизов на своих зимних стойбищах... совершилось без всякого участия со стороны казаков, в смысле совместного жительствова, и вполне было бы изолированно от этого оседлого населения».

В тоже время, не смотря на усвоение многих бытовых черт и хорошее знание казахского языка, сибирские казаки, по свидетельству современников, сохраняли чувство своего превосходства над инородцами. Публицисты и ученые не раз сообщали о фактах прямого грабежа казахов и даже их убийствах. С некоторым цинизмом казаки рассуждали, что «*киргиз на то он и киргиз, чтоб в работниках служить*».

Действительно, для казаков, имеющих большие земельные наделы, казахская беднота была дешевой и доступной рабочей силой. «*Укоренившееся дурное мнение о нравственности казаков, – писал Г.Н. Потанин, – может быть, также имеет справедливое основание, но и его следует извинить. Весьма интересны отношения казаков к киргизам, в которых они не признают прав ни личности, ни собственности, пользуясь перед ним правом сильного с полным и искренним простодушием*».

Таким образом, не смотря на бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались «в рамках русской народной культуры». Элементы заимство-

вания у казахов были детерминированы не только достаточно плотными межэтническими контактами, но физико-географическим фактором. Степные пространства Прииртышья способствовали широкому развитию скотоводства в его примитивных пастбищных формах. Данный процесс сопровождался адаптацией казачества к новым формам и методам ведения хозяйства и, как следствие, преобладанием в рационе питания мясо-молочных продуктов и появлением новой одежды, более отвечающей условиям степной жизни.

В конечном итоге сибирское казачество обвиняли не столько в утрате «русскости», сколько упрекали в культуртрегерской слабости и недостаточном «русском» влиянии на инородческое окружение. Смена с середины XIX в. колониционных приоритетов и трансформация функций казачества как военно-пограничной силы, призванной защищать центрально-азиатские рубежи Российской империи в функции полицейского надзора и контроля за казахским населением во многом мотивировалась правящими кругами тем, что «проживая с детства в постоянном общении с ближайшими соседями родных своих станиц и хуторов киргизами, хорошо знают киргизский быт и внутреннюю жизнь кочевников, а также прекрасно владеют киргизской разговорной речью» и могут служить связующим элементом *«между уездною администрациею и киргизским народом, узнавая при своей ловкости и знания языка и народной жизни затаенные намерения и стремления мусульманской среды»*.

Подводя итоги, отметим, что исторические события XVIII – начала XIX в., связанные с военно-экономическим укреплением России в южносибирском регионе, способствовали налаживанию контактов двух этносов региона: русских-казаков и казахов. Крайне противоречивая политика региональных и центральных органов власти в вопросах миграции кочевников в район Прииртышья привела к формированию, в конечном итоге, особой контактной зоны – десятиверстного пространства, в границах которого осуществлялось мощное культурное и экономическое взаимодействие двух этносов.

Десятиверстная полоса становится объектом постоянной борьбы между казаками и казаками, поскольку ее правовой статус был долгое время не опре-

делен. В конце XVIII в., когда эта полоса стала терять значение пограничной зоны, казахам разрешили временно-сезонный переход через нее, с выплатой ремонтной пошлины. Тем не менее, ограничения миграционных потоков кочевников, как на правобережье, так и левобережье Иртыша выступали дополнительным дестабилизирующим фактором в регионе и значительно усложняли процесс взаимовыгодного сотрудничества казаков и казахов в экономической сфере.

Формирование системы индивидуального и общинного землепользования в Сибирском казачьем войске в 70-х гг. XIX в. значительно обострило территориальную проблему в районе Иртышской десятиверстной полосы. Длительное время ее юридический статус не был определен, как не были определены ее границы и ведомственная принадлежность. В конце XIX в. эти проблемы вышли за рамки казахско-казачьих споров и стали предметом активного обсуждения как центральных, так и местных властей. Вопрос решился в начале XX в. в пользу Сибирского казачьего войска, однако к этому времени экономические отношения двух этносов вышли на новый уровень: дополнительным стимулом их развития стала аренда в вопросах землепользования.

Район десятиверстного пространства, как контактной зоны двух этносов, характеризовался развитием достаточно сложных социально-экономических процессов. Они были связаны с одной стороны с модернизацией традиционного быта кочевников и выработкой ими методов и форм ведения хозяйства, направленных на адаптацию к новым реалиям жизни. Казахское хозяйство приобрело в этом регионе черты комплексности, сочетания скотоводства, сенокосения, земледелия. Достаточно ярко модернизационные процессы проявились в социальной структуре казахского общества и были связаны с участием кочевников в нетрадиционных видах деятельности: найме на работу в хозяйства казачества, промыслы, создании индивидуальных предприятий.

С другой стороны аналогичные процессы переживало сибирское казачество десятиверстного пространства. В силу целого ряда обстоятельств оно не получило возможности успешно развивать пашенное хозяйство. Поэтому его

экономическая основа так же базировалась на комплексном подходе. При этом многие элементы ведения скотоводческого хозяйства казаки заимствовали у своих соседей-казахов.

Экономические аспекты межэтнического взаимодействия объективно способствовали обмену двух этносов в культурно-бытовой сфере. Казачье население заимствовало одежду, элементы быта, широко использовало казахский язык. В свою очередь, казахам русская колонизация несла культуру потребления хлеба, новые типы жилища и т.д. Тем не менее, нельзя говорить о глубокой трансформации традиционного этнического самосознания, как казачества, так и казахов. Каждый из контактирующих этносов переживая мощные процессы аккультурации, сохранял собственную этничность и представления о превосходстве собственной культуры.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Определите роль и место джатаков в процессе формирования рынка рабочей силы в регионе.
2. В чем проявлялись процессы трансформации традиционной системы жизнедеятельности и социальной структуры казахской кочевой общины Прииртышья?
3. Назовите основные причины и результаты трансформации хозяйственного культурного типа казахов Прииртышья.
4. Определите степень русификации казахов десятиверстного пространства. Приведите развернутую аргументацию ответа.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2009. – 130 с.
2. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. – 371 с.

3. Бабков И.Ф. Общий взгляд на устройство русских поселений в северо-восточной части Киргизской степи // Известия ИРГО. 1869.
4. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.
5. Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX века (1850–1900 гг.): социально-экономическое развитие // Автореф. дисс. ...д.и.н. Иркутск, 2011. – 33 с.
6. Ледебург К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск : Наука : Сиб. изд. фирма, 1993. – 414 с.
7. Потанин Г.Н. Исследования и материалы // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2006. Т. VII.
8. Радлов В.В. Из Сибири: страницы из дневника. М. : Наука, 1989. – 749 с.
9. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. На фронтах империи. Казачество в колониционных процессах конца XIX – начала XX в. // Режим доступа: <http://www.tartaria-magna.ru/archive/nomer-1-2011>
10. Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край).
11. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Санкт-Петербург : Глав. упр. иррегулярных войск, 1879. – 284, 51, V с.

ТЕМА 9. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РУССКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА АЛТАЕ

9.1. Исторические обстоятельства культурно-религиозного взаимодействия русского и казахского этносов на Алтае в XIX в.

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. территорию Алтайского горного округа активно осваивали два этноса, значительно отличающиеся друг от друга цивилизационным установками: русские и казахи. Процесс их территориального сближения, безусловно, сопровождался определением сфер взаимного притяжения и взаимных интересов. Выше уже говорилось о том, что наиболее активно выработка разнообразных стратегий межэтнического русско-казахского взаимодействия была связана с экономической сферой, которая способствовала развитию разнообразных практик межэтнической коммуникации, главной из которых являлась взаимная аккультурация. В начале XIX в. в межкультурном взаимодействии русского и казахского этносов стала проявляться еще одна ниша, возникшая на религиозной сфере.

Известно, что казахи, в том числе населяющие территорию Алтайского горного округа выступали носителями исламской религиозной традиции. При этом следует подчеркнуть, что закрепление монотеизма в форме ислама у казахов-кочевников произошло при административном нажиме российских властей. В конце XVIII – первой половине XIX вв. государство посредством организации исламского миссионерства, строительство культовых религиозных учреждений и отправки «татарских мулл» в Младший и Средний жузы способствовало закреплению позиций ислама среди населения степи.

Результатом стало формирование в кочевой среде так называемого «бытового ислама», представляющего синтез языческих представлений кочевников и ислама. Он характеризовался неглубоким знанием казахами теоретических основ ислама, господством адата, а не шариата, своеобразием культовой практики: несоблюдением мусульманские постов, намаза и сохранением языческих

обрядов в семейно-брачных отношениях и праздниках календарного цикла. Слабо была представлена на территории локализации казахов Алтайского горного округа и прилегающих районов Среднего жуза сеть исламских культовых учреждений. В середине XIX в. по одной мечети имелось лишь в Петропавловске и Усть-Каменогорске и пять мечетей – в Семипалатинске. Однако все они были построены на средства татарских мусульманских общин и принадлежали им.

Православие исповедовало русскоязычное население Алтайского горного округа. Причем на начальном этапе колонизации региона в XVII–XVIII в. здесь преобладали староверцы. И лишь на протяжении XIX в. в регионе происходило развитие институциональной системы Русской православной церкви: епархиального, церковно-приходского и церковно-школьного, миссионерского строительства. Население православных приходов Алтайского горного округа на протяжении XIX столетия входило в компетенцию Томской епархии. В 1895 г. часть ее приходов в Верхнем Прииртышье была передана образованной Омской епархии.

Объективные процессы социально-экономического взаимодействия русского и казахского этносов в контактной зоне на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. способствовали взаимной религиозно-культурной ассимиляции. Главной причиной принятия православия некоторой частью кочевников выступал экономический фактор: зависимость кочевого способа производства от природы, частый падеж скота, а также процесс экспроприации пастбищ у казахов Среднего жуза и передача их в пользование Сибирскому казачьему войску, способствовали кризису кочевого хозяйства, сопровождавшемуся массовым разорением кочевников. Новые реалии жизни казахов диктовали необходимость выработки адаптационных поведенческих моделей, направленных на поиск новых форм экономической деятельности. Одной из них становился наем казахов в хозяйства крестьян или казаков Иртышской и Бийской укрепленных линий.

Казаки нанимали казахов для ухода за скотом, на земледельческие работы, заготовку сена и дров, женщины предлагали услуги по ведению домашнего хозяйства. Длительность проживания отдельных казахских семей в казачьих поселках и крестьянских селениях достигала 35 лет, что давало основание чиновникам Алтайского горного округа в делопроизводственных документах называть их «старожилами киргизами». Безусловно, переход этой магринальной части казахского общества в православие необходимо рассматривать как дополнительный фактор более успешной и безболезненной социальной адаптации. Они могли получать после крещения покровительство своего православного работодателя, получать дополнительные социальные гарантии: возможность приписываться к сельским обществам, большую оплату труда, отдых в православные праздники и т.д.

Данные о численности казахов Верхнего Прииртышья, принявших православие в первой половине XIX в., крайне противоречивы. По мнению казахского востоковеда середины XIX в. Ч.Ч. Валиханова, *«число это было не значительным. В некоторых казачьих станицах почти половина населения состоит из крещеных киргиз, например: в Ямышевской, Чистой и в некоторых других»*. По данным современного исследователя О.Ю. Курныкина, случаи перехода казахов в православие в этот период были единичными. В подтверждение автор приводит статистические сведения по Тобольской епархии, согласно которым *«в 1860 г. в Омском и Петропавловском округах крещение приняли 28 чел., в 1861 г. – 17 чел., в 1863 г. – 36 чел., в 1864 г. – 6 чел.»*. При этом, православие принимали в основном бедные казахи, стремившиеся поправить, таким образом, свое материальное положение.

В Алтайском горном округе, не смотря на активное противодействие местной администрации указу Сената от 23 мая 1808 г., предписывающему Томскому и Оренбургскому генерал-губернаторам принимать казахов в казенные селения, в начале XIX в. активизировался процесс продвижения кочевников в зону земледельческого пояса. В этот период вдоль казачьих линий, в

предгорных районах Алтая шел процесс формирования контактной зоны кочевой и земледельческой культур.

Центром данной контактной зоны стала образованная в 1835 г. линия инородческих управ: Сарасинская, Быстрианская и Кокшинская. Заметную роль в формировании полиэтничного населения Сарасинской управы сыграли казахи, выходцы подразделения копек рода найман, входящего в этноструктуру Среднего жуза и кочевавшего на левом берегу Иртыша. К концу XIX вв. из 20 деревень и сел управы, казахи наиболее компактно освоили селения Чемал, Едиган, Большая Черга, Абай и др. А по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. из 257 хозяйств с. Сарасинского 66 принадлежали казахам.

По сообщению И.В. Октябрьской, казахи Сарасинской инородческой управы, проживая в иноэтнической среде с преобладанием русского этноса, переживали процессы аккультурации. Они ориентировались на земледельческую комплексную экономику. Активный процесс их перехода в православие сопровождался принятием ими русским имен и фамилий, таких как Ивановы, Бухарины, Романовы, Старковы и т.д. Таким образом, казахи Сарасинской управы переживали процесс нивелировки этнической идентичности, что привело в конечном итоге к середине XIX в. к их растворению в русскоязычной среде, но при сохранении самосознания, выраженного в самоназвании и подтвержденное особым статусом приписных оседлых инородцев.

С середины XIX в. в горах северо-западного Алтая начался процесс формирования еще одного района кочевания казахов, в долинах рек Черге и Тураты, впадающим в р. Ануй. Казахи этого района являлись выходцами из Сарасинской управы. Однако в процессе формирования этноструктуры казахов Черного Ануя определяющую роль сыграли вынужденные миграции казахов Кокпектинского внешнего округа, образованного в 1838 г. Его открытие было связано с проведением в Среднем жузе первых административно-территориальных реформ, сопровождавшихся попытками ограничения свободного перемещения казахов-кочевников и изъятия у них пастбищных угодий под разработку золотых приисков в границах Кокпектинского округа.

Развитие казахского сообщества в пределах Черного Ануя проходило также как и у Сарасуйских казахов, в полиэтничной среде. Здесь они попали в сферу повышенного внимания к ним миссионеров Алтайской духовной миссии. В литературе хорошо известно, что казахи этого района, принявшие православие, оседали в Черно-Ануйском стане Алтайской духовной миссии, основанном еще в 1844–1848 гг. По сведениям И.В. Октябрьской первые сведения о крещении казахов в Черно-Ануйском стане относятся к 1850–1870 гг., в 1872 г. зафиксировано 32 крещения и 8 случаев венчания, 12 отпевания среди казахов.

Переход в православие являлся главной составляющей адаптационной стратегии казахов Северо-Западного Алтая, направленной на самосохранение этнической культуры в инокультурной среде. Свидетельством является тот факт, что проживая в рамках православно-крестьянской культурной традиции, казахи Черного Ануя фактически не занимались земледелием, в *«их руках находился извозный промысел Уймонского тракта, проходившего от Бийска через село Черный Ануй в сторону сел Усть-Кан и Теньга»*. Скотоводство продолжало играть ведущую роль в системе жизнеобеспечения ануйских казахов, являясь *«основой самосохранения и экономического благополучия этноса»*.

Православное население также испытывало культурно-религиозное воздействие со стороны казахов-кочевников Алтайского горного округа. На билингвизм сибирских линейных казаков и их прекрасное знание казахских обычаев указывали большинство представителей местной администрации, исследователи региона и путешественники. В условиях нехватки женского населения на сибирских линиях смешанные русско-казахские браки были довольно распространенным явлением. Фиксировались и единичные случаи перехода православных жителей, особенно женского населения, в ислам после выхода замуж за представителей казахского этноса.

Таким образом, объективные процессы сближения мусульманского казахского и православного русского населения Алтайского горного округа на протяжении XIX в. способствовали взаимной аккультурации на религиозной основе. Безусловно, ее масштабы не были значительными, в ней преобладали

процессы перехода казахов в лоно православия. Но в целом эти процессы происходили объективно и отражали наличие взаимного тяготения двух этносов друг к другу.

9.2. Государственное регулирование межэтнического русско-казахского диалога в религиозной сфере

В 70-х гг. XIX в. в достаточно автономный процесс межэтнического русско-казахского диалога в религиозной сфере вмешалось государство. В этот период завершившийся процесс формирования границ полиэтничной империи и включение в ее состав территорий Кавказа, Казахстана и Средней Азии, населенных исключительно мусульманским населением, поставил перед правящими кругами России вопрос о необходимости выработки новой стратегии имперской национальной политики, призванной обеспечить территориальную целостность империи.

Главным содержанием нового правительственного курса в отношении национальных окраин провозглашалась их интеграция в политико-правовое и социально-культурное пространство империи. При этом следует подчеркнуть, что России удалось выработать такой тип национальных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций.

Не смотря на вариативность реализации национальной политики в отношении отдельных этнорегионов, в целом для нее был характерен набор общих тенденций. Среди них исследователи называют лояльность к этноэлитам, сохранение на инкорпорированных территориях автономии и широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами. Важной составляющие данного правительственного курса, по мнению Б.Н. Миронова, являлся также принцип равенства этносов, отсутствие связи между национальным и социальным статусом, что нашло отражение в интернациональности политиче-

ской, культурной, военной, научной элиты Российской империи. Более того, исследователь убежден, что для поддержания данного принципа государство пошло на создание некоторых преимуществ в правовом положении инородцев империи по сравнению с русскими (отмена для них воинской повинности, льготное налогообложение, свободная вертикальная социальная мобильность) и активное инвестирование местных национальных экономик и инфраструктур.

Начавшаяся в этот же период модернизация политической и социально-экономической системы предполагала необходимость *«унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-региональные границы независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности»*.

Решить столь грандиозную задачу в условиях поликультурности российского общества, возможно было только посредством проведения политики русификации, которая означала систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию. Таким образом, политика русификации являлась не целью национальной политики, а средством, методом реализации интегральных устремлений государства, она должна была, безусловно, способствовать увеличению социальной мобильности населения этно-регионов, русский язык должен был выступить в роли «языка модернизации».

Политика русификации предполагала расширение границ православного мира и увеличение численности православного населения посредством организации миссионерской работы среди инородческого населения Российской империи. В геополитических стратегиях России православие и связанное с ним институциональное закрепление Русской православной церкви на азиатских пространствах на протяжении XVI–XVIII в. всегда рассматривались как важнейший компонент политики государства. Православная пропаганда являлась частью колониальной стратегии и выступала «механизмом формирования общества, единого в ценностных ориентациях и лояльного к государству».

В контексте новой национальной стратегии Российской империи государство вмешалось в сферу русско-казахского межкультурного диалога. Заимствование элементов казахского языка и культуры православным населением Алтая стало рассматриваться как нежелательное следствие межкультурного взаимодействия двух этносов, а переход в православие казахов-мусульман – как позитивный факт. Накопленные в этом смысле потенциал межэтнического сотрудничества двух этносов было предложено использовать в процессе организации православной миссионерской деятельности среди казахского населения.

Именно поэтому в 80-е гг. XIX в. на территории Алтайского горного округа начала работу Киргизская православная миссия. В учредительных документах она получила название «противомусульманской», что определяло ее основную цель деятельности: создание системы мер, направленных на сдерживание дальнейшего проникновения ислама в кочевую среду казахов и привлечение их в лоно Русской православной церкви.

9.3. Деятельность Алтайской и Киргизской православных миссий: основные направления и механизмы реализации

В 1881 г. Томскими епархиальными властями и Святейшим Синодом было принято решение об организации «противомусульманского отделения» Алтайской духовной миссии. Таким образом, на этапе своего становления Киргизская миссия входила в состав Алтайской духовной миссии, центр которой находился в г. Бийске. Первым ее станом стал Буконьский (Усть-Каменогорский) стан, возглавляемый с 1881 по 1892 гг. священником Ф.А. Синьковским. Выбор его кандидатуры не был случайным, поскольку до своего назначения в Киргизскую миссию последний с 1875 г. возглавлял Черно-Ануйский стан Алтайской миссии, на территории которого в большом количестве проживали крещенные казахи. Таким образом, Ф. Синьковский имел богатый опыт миссионерской работы среди казахского населения. В 1887 г. был открыт Долонской стан Киргизской миссии, несколько лет спустя в мае 1894 г. с

разрешения начальника Алтайской миссии Преподобного Мефодия было образовано Бельгагачское отделение Долонского стана, а местом пребывания миссионера стал г. Семипалатинск.

В 1890 г. последовало открытие Большенарымского, а в 1892 г. – Шульбинского стана Киргизской миссии. Таким образом, постепенно деятельность Киргизской миссии переместилась с территории Бийского уезда в южные предгорья Алтая, Верхнее Прииртышье и стала охватывать Усть-Каменогорский, Зайсанский, Семипалатинский уезды Змеиногорского округа, территории Петропавловского уезда Омской области, а также степи Семипалатинской области Степного генерал-губернаторства. К моменту отделения Киргизской миссии от Алтайской и приобретения ею статуса самостоятельной в 1895 г., в ее состав входило четыре стана и одно отделение при 1 иеромонахе, 2 священниках, 3 псаломщиках, 4 толмачах и 1 учителе. С 1895 г. центром Киргизской духовной миссии, переданной в ведомство вновь образованной Омской епархии, стал г. Семипалатинск.

С этого периода происходило территориальное расширение сферы влияния Киргизской миссии. К началу XX в. численность ее станов увеличилась до девяти. В основе деятельности миссии, по аналогии с Алтайской миссией, был заложен принцип организации работы станов. Последние являлись административно-территориальными единицами миссии, в каждый из которых назначались миссионер-священник, псаломщик, учитель для организации работы миссионерской школы и переводчик. Особое внимание миссионеры были обязаны уделять религиозно-нравственному воспитанию новокрещеных казахов: селить их в станах миссии, организовывать их быт, приобщать к земледелию, контролировать соблюдение крещеными обрядов православной церкви, постов, способствовать их хозяйственной адаптации и т.д.

Существенная роль в укреплении русско-казахского культурного диалога в рамках православного прозелитизма отводилась русскому языку и развитию миссионерского школьного образования среди казахского населения. В процессе реализации данных задач Киргизская миссия столкнулась с объективными

препятствиями: языковой барьер, отсутствие профессиональных кадров, владеющих методикой работы среди мусульманского населения, сложности с переводом богословской литературы на казахский письменный язык и т.д.

Их решение проходило поэтапно с привлечением дополнительным государственных средств и добровольных пожертвований. При открытии школ, например, учитывалось три важных обстоятельства: во-первых, экономическая и финансовая несостоятельность большинства новокрещенных. Поэтому обучение для детей было бесплатным. В Центральном, Большенарымском, Буконьском станах миссионерские школы содержались на средства миссии, а остальные – на средства Сибирского казачьего войска. Во-вторых, в силу того, что многие новокрещенные были вынуждены искать работу в отдаленных от станов миссии районах, для их детей создавались приюты при школах, в которых обучались, в том числе, и осиротевшие дети. Например, в 1902 г. такие приюты действовали в Буконьском, Центральном станах и проживало в них до 50 детей новокрещенных. И, в третьих, для более успешного изучения русского языка детьми крещеных казахов и развития, таким образом, межкультурного диалога ставка была сделана на совместное обучение в миссионерских школах русских и казахских детей.

Программа обучения в учебных заведениях данного типа выстраивалась в соответствии с программами одно-, двух- или трехклассных церковно-приходских школ. Посетивший миссионерскую школу п. Преображенского в 1897 г. семипалатинский краевед Н.Я. Коншин так описывал процесс обучения: *«Мальчики и девочки обучаются в устроенной в поселке трехклассной школе. Преподаются Закон Божий, арифметика, русский и киргизский языки, причем в первом, и отчасти, во втором классе преподавание происходит на киргизском языке, в 3-м – на русском. Киргизские книги употребляются исключительно с русским алфавитом и без всякой, по возможности, примеси татарских и арабских слов. Учитель в школе – крещенный татарин, окончивший курс в Казанской миссионерской школе Братства Святого Гурия. Из школьни-*

ков составлен хор, который в церковные праздники поет на русском и киргизском языках».

Выпускники школ миссии имели возможность продолжить религиозное образование в Казани, но наиболее «популярным» было Бийское (г. Бийск) катехизаторское училище, подчинявшееся Алтайской миссии и занимавшееся подготовкой кадров для миссионерского дела. Например, в 1895 г. здесь обучалось 5 казахов. В 1902 г. Киргизская миссия ходатайствовала перед Омскими епархиальными властями об открытии своего катехизаторского училища, но идея так и не была воплощена в жизнь из-за проблемы финансирования.

Воспитанники миссии оставались работать в ней в качестве переводчиков, помощников учителей, псаломщиков. Так, помощником учителя в школе Центрального стана являлся новокрещенный казах В. Петров, который в 1900 г. был направлен для продолжения образования в Казанскую инородческую семинарию. Переводчик при Центральном стане миссии новокрещенный казах Петр Никандрович Отчагаров, закончивший Бийское катехизаторское училище, в 1900 г. был направлен в Томскую ветеринарно-фельдшерскую школу. Должность переводчика и диакона Шульбинского стана на рубеже XIX–XX в. выполнял новокрещенный казах В. Багайнаков. В шести из девяти станов Киргизской миссии в 1900 г. переводчиками работали новокрещенные казахи.

Миссионерские школы, безусловно, имели положительное значение для социокультурной адаптации новообращенных казахов и развития межэтнического русско-казахского диалога. И даже когда с 1905 г. обозначилась тенденция к закрытию некоторых станов Киргизской миссии по причине их низкой эффективности и сокращения бюджета миссии, данный процесс не затронул школьную систему – количество школ продолжало расти.

Оценивая работу Киргизской миссии по обращению в православие казахов Алтая в целом как успешную, ее служащие все же вынуждены были признавать, что значительная часть новокрещенных продолжала следовать традиционным религиозным воззрениям, которые они исповедовали до крещения. Так, например, миссионер Черно-Ануйского стана Алтайской миссии П. Соро-

кин в 1905 г. сообщал: *«Состояние новокрещеных из киргиз (казахов) представляет довольно безотрадную картину. Это не православные христиане и не мусульмане. От одного берега отстали, к другому не престоли. Свои обычаи не бросают и христианских узаконений не забывают. Едят конину, устраивают байгу, в тоже время и требы отправляют. Богослужение мало посещают, на народных собеседованиях также редко бывают».*

Миссионер этого же стана священник Стефан Борисов в 1909 г. писал в «отчете о деятельности»: *«Некоторые из новокрещеных киргизов выказывают сильное расположение к мусульманству, соблюдают, например, посты мусульманские и празднуют праздники, устраивают поминки, молятся на них по мусульмански... Вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные».*

Достаточно часто в документах Киргизской миссий встречается информация о религиозном синкретизме новокрещеных казахов: описание обрядов, сочетающих элементы православия, ислама и патриархальных пережитков. К их числу миссионеры относили поминки и связанные с ними конноспортивные скачки. *«На поминки эти сходятся и съезжаются не только близкие и дальние родственники, но и знакомые, крещенные и некрещеные. Все они обедаются кониной до отвала и опиваются до безобразия... К концу «поминок» подоспело время еще другого разгульного праздника – байги... Хотя байга имеет характер религиозный, но киргизы (крещеные т.е.) с ней охотно расстались бы, если бы не обуславливалась она лошадиным бегом, до которого киргизы страстные охотники».*

Оценивая в целом масштабы деятельности Русской православной церкви по обращению казахов Алтайского округа в православие необходимо привести данные переписи 1897 г. Среди казахов Томской губернии в 1897 г. последователями ислама являлись 94,88% от общей численности этноса, православными

считали себя 4,34% и старообрядцами – 0,78 %. В Змеиногорском уезде, на территории которого проживало 56,17% (13808 чел.) от общей численности казахов Томской губернии ислам исповедовало 98% казахов, православие – 1,1%, приверженцами старообрядчества считали – 0,6%.

Таким образом, в целом можно констатировать, что масштабы обращения в православие казахского населения Алтайского округа были крайне низкими. Причины низкой эффективности определяются этнопсихологическими и ментальными установками казахов, детерминированных физико-географическим фактором и особенностями хозяйственно-культурного типа.

9.4. Роль ислама в традиционной религиозной системе казахского общества во второй половине XIX в.

Как известно, основу менталитета казахов составляли родовое сознание и политеизм. Центральным культом являлся культ предков, знание своего родового древа до седьмого колена считалось обязательным для каждого члена пастбищно-кочевой общины. В средневековый период благодаря своеобразному историко-культурному развитию региона, начался процесс исламизации казахского общества. При этом огромное влияние на закрепление позиций ислама и трансформацию языческого сознания оказали два исламских центра – среднеазиатский и южно-сибирский.

Казахи Младшего и Среднего жузов попали в зону развития «южно-сибирского» ислама, носителями которого выступали тоболо-иртышские, барабинские и томские татары, татары и башкиры Волго-Уральского региона. Данный региональный исламский вариант формировался на базе местных архаических верований, а в процессе эволюции испытал огромное влияние культуры номадизма, с носителями которой – тюркским миром – граничил на южных рубежах, а так же пришедшего из Средней Азии суннизма с его суннитскими братствами и орденами. В конечном итоге, в Сибири был сформирован мусульманский языческий синкретизм или «народный, умеренный традиционный

ислам, который являлся «составным элементом мегасистемы – «Исламского мира»».

На юге Казахстана, на религиозное сознание казахов Старшего жуза огромное влияние оказывал другой исламский центр – среднеазиатский. Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства, расположенные в регионе, являлись классическими примерами мусульманской государственности центрально-азиатского типа. Для нее были характерны иерархия священнослужителей, во главе которой находился шейх-уль-ислам, основа судебной системы на принципах шариата, покровительственная исламу политика, запрет открыто исповедовать любую другую веру, кроме ислама. Развитая исламская культура была представлена здесь многочисленными соборными и квартальными мечетями, медресе, мектебами. Среднеазиатский регион был одним из признанных центров мусульманского мира благодаря существованию здесь крупных богословско-правовых школ, развитой системы образования, архитектуры и т.д.

В тоже время, не смотря на влияние региональных исламских центров, процесс исламизации казахского населения принял специфические черты развития по ряду объективных и субъективных факторов. Во-первых, как отмечает Г.В. Милославский, кочевники никогда не входили в ареал мусульманской цивилизации, сопровождавшейся ломкой местных общественных структур (прежде всего, хозяйственно-культурных типов). Во-вторых, кочевники не вступали в тесные контакты – политические, экономические, культурные – с региональными центрами ислама. В-третьих, существовал языковой барьер между мусульманским центром и периферией. В-четвертых, на момент начала исламизации отсутствовали прочные связи между кочевниками Центральной Азии и региональными религиозными центрами. И, наконец, процесс исламизации в среде кочевников носил вторичный характер, проповедниками ислама выступали не арабы, а принявшие ислам персы.

В результате у казахов сложился собственный вариант регионального (бытового/народного) ислама, который в процессе формирования аккумулировал многие этнические традиции, архаические (языческие) культы и создал

цельную и оригинальную систему, легко приспособляемую к природно-климатическим условиям региона. В результате доктринальные, догматические элементы ислама, трансформируясь и приспособляясь к местным представлениям и религиозным практикам, буквально вплелись в ткань традиционного мировоззрения и культурную среду, создавая цельный и нерасчлененный в сознании людей религиозный комплекс.

Важной особенностью «казахского ислама» являлась популярность суфийской проповеди, что объясняется большинством исследователей психологическими особенностями тюркских народов (природная склонность к созерцательности, аскетизм).

Одной из важных причин, способствовавших успеху дервишской проповеди в степи, была ее доступность для понимания кочевника, необязательность исполнения всех предписаний ислама. Укреплению дервишизма способствовало подвижничество, позволявшее забредать в отдаленные кочевья, проповеди, лишённые обычных арабизмов, часто встречающихся у мусульманских проповедников и непонятных для безграмотных масс, поэтическое изложение религиозно-нравственных принципов на родном языке.

Однако главной причиной близости суфизма мировоззрению казах-кочевника объясняется тем обстоятельством, что формирование и эволюция этого религиозного течения проходили под огромным влиянием языческих традиций тюркских племен. Например, в суннитском исламе нет списков «святых», официальных теологических текстов и дней почитания, ритуалов поминовения и прославления. Это стало возможным благодаря заимствованию из тенгрианства – тюркского языческого культа поклонения Небу – некоторых его мировоззренческих установок. Тенгрианство проявлялось в сакрализации власти хана, культа неба и предков, соответственно «перекочевав и в миропонимание мусульман, а «Тенгри» стало употребляться как равноправный синоним слова «Аллах».

Формирование своеобразной системы культа «святых» в суфизме также связано с тенгрианством. К «святым» в суфизме относятся родственники про-

рока Мухаммеда – сейиды и ходжи, потомки шейхов, которых в Центральной Азии вместе с потомками арабских завоевателей и потомками Чингиз-хана, прежней домусульманской элиты относили в ак-суйёк – белой кости. Мусульмане-казахи почитали пришлое сословие «святых» – проповедников ислама, и у их могил – астана – в отсутствии мечетей совершали обряды поклонения. Этот комплекс явлений определил особенности культа «святых» в Казахстане, который в принципе не противоречит сложившейся в исламоведении позиции, согласно которой «культы «святых» расцветают там, где официальный ислам присутствует в минимальной степени, прежде всего, в кочевой среде и на аграрной периферии».

Высказывается предположение и о том, что в суфийских традициях поклонения проявляются реликты и зороастризма, выражающиеся в первую очередь в поклонении могилам «святых», что трактуется как отход от истинного ислама. Истоки этих представлений восходят к средневековью, когда, например, Тамерлан приказав в XV в. соорудить мавзолей Ходжа Ахмета Ясави, способствовал возведению его культа в ранг «святых, да и сама могила Тамерлана стала почитаемой казахами и мусульманами-сибиряками».

В связи со своеобразной системой «святых» и поклонения им (астана) необходимо упомянуть о силсила – эзотерической системе преемственности, наставничества старцев (шейхов, пиров) и послушничества учеников, распространенной в суфизме Накшбандийского братства, ставшего одной из основ формирования институтов народного ислама в Казахстане. Именно суфизм смог приспособить, адаптировать ислам к традиционным представлениям казахов-кочевников. Его идеи равенства и братства, отвергающие показную набожность, лучше воспринимались языческим мировоззрением населения. Свойственные суфизму харизма и чудотворство праведников и дервишей (суфиев), мистические практики, легко соединялись с культом шаманизма, а *«представители ... суфийского движения постепенно разработали всеобъемлющие свод правил поведения, который поощрял покаяние, воздержание от мирских удовольствий, умеренность и добровольную бедность»*.

Обрядовая практика суфизма, включающая культ «святых» и священных захоронений, чудодейственных реликвий и символов, была близка традициям шаманизма и переплеталась с древними обрядами инициаций. Таким образом, сам принцип кочевого быта и бытия (постоянные перекочевки, прямая зависимость от природы) повлиял на формирования у казахов особенностей отношения к исламским нормам, сформировав специфическую картину мира, характеризующуюся термином «народного ислама».

9.5. Результаты русско-казахского межэтнического взаимодействия в культурно-религиозной сфере

Становится очевидным, что идеология христианства и его культовая практика совершенно не вписывались в мировоззренческую систему казахов-кочевников. В первую очередь нужно иметь в виду, что принявшие православие казахи лишались возможности ведения традиционного образа жизни. Интеграционные начала политики русификации были рассчитаны на необходимость заимствования новокрещенными казахами норм и правил общежития русских православных крестьян. Поэтому важным условием закрепления крещеных казахов в православной вере было изъятие их из сферы влияния родового коллектива и перевод в состояние оседлости. Именно поэтому они селились либо на территории казачьих станиц и крестьянских сел, либо в специальных поселках для новокрещенных, где им выдавался земельный участок и ссуда на постройку стационарного жилища. Обязанностью миссионера было оказание им помощи в приобщении к земледельческому труду. Однако, как отмечали служащие Киргизских миссий, казахи «с неохотою» переходили к оседлости.

По наблюдениям миссионеров новокрещенные казахи крайне тяжело переносили христианский пост, предписывающий питаться исключительно пищей растительного происхождения, поскольку основу рациона их питания традиционно составляла мясо-молочная продукция. В связи с этим миссионеры отмечали, что мусульманский пост выглядит более приемлемым для казаха.

Традиционный кочевой образ жизни способствовал формированию определенного набора черт этнического характера казахов, которые представляли, по мнению миссионеров, «малопригодную почву для сеяния слова Божьего». Среди них миссионеры называли отсутствие любви к ближнему и готовности прощать обиды, мстительность, неспособность к состраданию, сопереживанию, лень, склонность к накопительству материальных богатств. Стремление к улучшению своего материального положения и порожденное этим отсутствие благотворительности среди казахов шли в разрез, по мнению миссионеров, с христианской идеологией.

Различный «цивилизационный код» отрицательно сказывался на адаптации казахских детей в миссионерских учебных заведениях. Не смотря на отмечаемые миссионерами способности к обучению и любознательность, в целом казахские дети очень тяжело переносили физическую нагрузку. Учителя школ отмечали, что учащиеся буквально оживлялись во время летних работ, проявляли себя с большим успехом «после зимнего заключения в четырех стенах».

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что любая даже самая активная и хорошо профинансированная миссионерская деятельность Русской православной церкви среди казахов была обречена на неудачу в силу своеобразия менталитета и религиозного сознания кочевников. Вполне закономерными, поэтому, представляются сообщения служащих Киргизской миссии о поверхностном восприятии идей христианства и знакомстве с его обрядовой стороной новокрещенными казаками.

По их наблюдениям, новокрещенные гораздо охотнее заимствовали внешнюю сторону жизни русского крестьянина или казака: практику строительства домов, обстановку дома, элементы быта, одежду и т.д. Служащий Киргизской миссии Ф. Синьковский в 1887 г. отмечал, что у крестившегося казаха *«является естественное желание жить, как русские живут, самостоятельно. Но для этого надо многого, а у него нет и малого. Признавая себя русским, новокрещенный стремится во всем подражать русским. ...Принявший крещение здешний киргиз сразу бросает все, что только напоминает ему кир-*

гизское; он охотно готов, так сказать, облечься во всего внешнего русского человека и воспринимать всю хозяйственную обстановку, если бы только были у него для этого средства. ...из новокрещенных каждый готов жениться на русской, и каждая новокрещенная готова выйти за русского. Благодаря обрусению киргиз, христианство здесь прививается скорее и прочнее».

Таким образом, нельзя говорить о глубокой трансформации традиционного религиозного сознания казахов и действительно поверхностном процессе их русификации. Приведенная цитата миссионера представляет интерес еще и потому, что позволяет понять, что большей русификации подвергалась та часть казахского этноса, которая имела достаточно длительные социально-культурные и экономические контакты с русским населением региона. В связи с этим интересным представляется вопрос об отношении русских крестьян и казачества к деятельности православной Киргизской миссии среди казахов Алтайского округа.

9.6. Православная миссионерская деятельность среди казахов в восприятии русского населения Алтая

Идеология православного миссионерства и разработанные на ее основе методы работы Киргизской миссии среди казахского этноса делали упор на привлечение к религиозной пропаганде местного православного населения. Государство и церковь решали, таким образом, две важные задачи. Одна имела чисто прагматический характер: в условиях постоянной нехватки финансовых средств и возможности содержать широкий штат миссии, работа в ней православного населения на добровольных началах выделялась как альтернатива и решение данной проблемы.

Во-вторых, участие православного населения Алтайского округа в работе миссии, непосредственной пропагандистской работе должно было, по мнению ее руководства, активизировать межэтническое русско-казахское взаимодействие и способствовать более успешной русификации новокрещенных казахов. Этим

объясняется та значимость, которая придавалась совместному проживанию в границах миссионерских поселков русского и казахского населения. Оно должно было способствовать вовлечению последних в процесс оседания, заимствованию опыта ведения земледельческого хозяйства, образа жизни и нравов православного крестьянина.

Православное крестьянство и казачество, как известно, ответило равнодушием и безразличием к делу миссии. Причины данной ситуации виделись миссионерам, прежде всего, в потере русскими связи с церковью, в падении ее авторитета. И те и другие были крайне религиозно-индеферентны, не соблюдали постов, не посещали храмы даже в большие церковные праздники, очень непочтительно относились к духовенству, демонстрируя полное равнодушие к религиозной составляющей своего быта. Однако, более глубинные причины неучастия православного населения Алтайского округа в работе Киргизской миссии кроются в его мировоззренческих установках, которые формировались на протяжении нескольких столетий в процессе освоения азиатской части Российской империи.

В ходе освоения Сибири и Алтая русским пришлось столкнуться с совершенно новой для себя экологической, экономической и социально-культурной ситуацией. Адаптация и выработка новым форм системы жизнеобеспечения, проходившие в инокультурной среде, сопровождались мощными процессами межэтнической коммуникации русских с местными этносами. Именно данное обстоятельство, по мнению представителей сибирской областной мысли, привело к этнической сепарации и формированию нового «этнографического типа», «своеобразного народно-областного типа» русских – сибиряка.

Свои концептуальные построения сибирское областничество основывало на теоретических разработках А.П. Щапова, согласно которым Россия представлялась как совокупность областей – «культурно-исторических гнезд». Самобытность каждой объяснялась ею как результат «своеобразного территори-

ального и этнографического самообразования» в процессе «обширного и непрерывного слияния племен и народов», сопровождавшего колонизацию.

Таким образом, главную причину формирования «нового этнографического типа» дореволюционные исследователи связывали с ассимиляционными процессами, которым оказались подвержены русские со стороны местных сибирских племен. Н.М. Ядринцев отмечал, что несмотря на свое преобладание «русская народность не могла, однако ж, поглотить инородцев не смешиваясь с ними, не купив свою победу слитием, т.е. не окрасившись сама побежденным инородческим элементом». Ученый был убежден, что эти процессы имели закономерный характер и попытки ограждения на государственном уровне от метизации русского населения были фактически невозможны.

В рамках культуртрегерских задач, которые ставила Россия в данном этнорегионе, ассимиляция с инородцами русского населения, сближение с ними представлялось Н.М. Ядринцеву «гораздо выгоднее», «чем предоставление им (инородцам) полной замкнутости». Степень ассимиляции русского этноса зависела, по мнению исследователя, от ряда обстоятельств. В частности он отмечал, что наиболее «продуктивно» данный процесс проходил в тех регионах Сибири, где русскому населению приходилось активнее сталкиваться с инородцами и где русское население по численности уступало инородцам. Такими районами выступали преимущественно северные и южные районы Сибири.

Регионом, где русским удалось сохранить «физиологические, нравственные и психические особенности», дореволюционные авторы называли отдаленные регионы Алтая, населенные старообрядцами. Особенности религиозного сознания позволили им в условиях относительной изоляции и особого статуса в имперской социальной структуре сохранить этническое своеобразие «в чистоте». Авторы XIX в. отмечали, что «старообрядцы отличаются красивой, стройной фигурой, особенно женщины. У них сохранились старинные наряды и песни, прежняя простота и суровость нравов. Жизнь они ведут трезвую и трудолюбивую».

Одной из причин формирования нового этнографического типа – «сибиряка» В.П. Семенов-Тянь-Шанский, наряду с ассимиляционными процессами, считал внутриэтнические процессы взаимодействия русских, переселявшихся в Сибирь из различных регионов Европейской части империи. Исследователь подчеркивал разнородность русских - представителей севера и юга, востока и запада обширной России. Кроме этого, назывался и физико-географический фактор. Например, Н.М. Ядринцев указывал на «сухой континентальный климат», который оказал значительное влияние на «изменения анатомического и физиологического строения» старожильческого населения.

Логическим завершением рассуждений представителей дореволюционной историографии о «новом этнографическом типе» являлись попытки создания образа и характера «сибиряка». Наряду с указанием физиологических изменений, отражающих «заметно своеобразное выражение помеси славяно-русской и азиатско-инородческой», дореволюционные авторы называли как положительные, так и отрицательные черты этого характера. Но все они были солидарны в том, что русском старожильческому населению была свойственная религиозно-культурная толерантность, «способность к восприятию новых культурных достижений», «уживчивость», «невысокая степени культурных требований», которые объясняли уступчивость русских в пользу инородческих обычаев и нравов.

Современный исследователь Л.И. Шерстова, опираясь на анализ проведенного ей историко-этнографического исследования, характеризует сибиряков как «открытый этнос». В рамках данной категории, предложенной исследователем, сибиряки рассматриваются как «этническая общность, которая, не достигнув апогея консолидации, впитывает в себя иноэтнические воздействия, одновременно отдавая что-то свое, и во взаимоотношениях с другими народами оказывается относительно толерантной, поскольку не пронизана жесткой и четкой оппозицией «свои-чужие».

Общее евразийское наследие русских и сибирских аборигенов, связанное с татаро-монгольским периодом, затянувшиеся процессы этнической консоли-

дации тех и других, по мнению Л.И. Шерстовой, не породили в отношениях сторон жесткой этнической оппозиции «свои – чужие», да и не могли ее создать по определению. Политика инкорпорации национальных окраин в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи значительно углубила толерантные установки старожильского населения Сибири и Алтая. Предложенный правительством курс предполагал унификацию огромной массы инородческого населения страны по конфессиональному, а не этническому принципу. Иноходец, принявший православие и осевший в миссионерском стане становился своим по вере, но это обстоятельство не лишало его возможности сохранять свои этнокультурные особенности. Данный тезис подкрепляется и тем обстоятельством, что полиэтничная структура населения станов Алтаекой и Киргизской миссий формировалась с ориентацией на поликультурность. Выше уже подчеркивалось, что новообращенных казахов намеренно селили на территории казачьих поселков или поселков русских крестьян.

Именно такая ситуация сложилась в Черно-Ануйском стане Алтаекой духовной миссии и большинстве станов Киргизской миссии, где в полиэтничном сообществе каждая из контактирующих групп (русские и казахи) сохраняла свое языковое своеобразие и хозяйственно-экономическую нишу и где благодаря этому происходило «формирование поликультурной модели, отличающейся большой диффузностью признаков и в бытовой и в обрядовой сфере».

Русские крестьяне, продолжительно контактируя с казаками, считали, что «добрые киргизы могут получить спасение и без крещения» и даже высказывались о том, что «кажется грех соблазнять киргиз в крещенную веру». В источниках есть сведения и о том, что казаки нередко запрещали своим работникам-казахам креститься, поскольку не хотели терять дешевую рабочую силу: «Новокрещенный..., будь он даже плохим христианином, все же в воскресный день или праздничный день требует отдыха, свободы, а не позволяет уже располагать собою как вещью, что казаку крайне не нравится».

Таким образом, достаточно продолжительные по времени и толерантные по содержанию практики межэтнического русско-казахского взаимодействия

на территории Алтайского округа во многом объясняли факты крайне равнодушного отношения православного населения к призывам миссионеров принять участие в организации и проведении миссионерской работы среди казахского населения. Достаточно мирное протекание процессов межэтнического взаимодействия, однако, сразу же нарушалось, когда речь заходила об ущемлении экономических интересов одной из сторон.

Особенно четко данная тенденция проявилась в процессе организации миссионерских станов для новокрещенных казахов Киргизской миссии. Процедура их организации предполагала, в том числе, выделение земельного участка под строительство домов и землеустройства новообращенных. Однако, как правило, все земельные угодья Алтайского округа уже были распределены – большая их часть принадлежала Сибирскому казачьему войску, Кабинету или была отмежевана для Переселенческого земельного фонда. Таким образом «свободных» земель, а значит, и возможности землеустройства новокрещенных казахов на территории Алтайского округа не было.

Казачьи и крестьяне крайне болезненно реагировали на требование властей предоставить новокрещенным казахам земельные участки и делать это чаще всего отказывались. В Большенарымском стане Киргизской миссии казаки требовали «деньги с новокрещенных только за то, что они живут в их поселке». Судя по архивным данным, достаточно часто сельские общества противодействовали открытию новых станов миссии, считая новокрещенных конкурентами в вопросе получения земли. Были известны случаи открытого противостояния между казахами и русскими в данном вопросе. Один из таких примеров оставил нам в своих «Отчетах о деятельности...» служащий Киргизской миссии Стефан Борисов.

По его свидетельству, казахское население «вообще враждебно» относилось «к поселению русских на Алтае». Поэтому в 1894 г. новокрещенные казахи Черно-Ануйского стана, обратились к местному миссионеру с просьбой о том, чтобы он «похлопотал о выселении русских из Черного Ануя». Миссионер отказался выполнить их просьбу, на том основании, что не имел на это никаких

полномочий, «...тем более что заселение русскими Алтая происходит по прямому распоряжению гражданского начальства». Казахи восприняли отказ миссионера как свидетельство негативного отношения к ним со стороны первого и в итоге избили миссионера. Перманентно конфликт продолжался до 1906 г.

Проблему землеустройства Киргизской миссии пытались решать на уровне региональной администрации. Учитывая сложность ситуации и весьма непростые межэтнические отношения, порожденные ею, было принято решение о создании автономных поселков для новокрещенных вдали от казачьих станиц и русских переселенческих деревень на специально выделяемых участках. На их территории предлагалось организовать различные производства, промысловые хозяйства, которые могли бы поддерживать новокрещенных, создать для них дополнительные рабочие места.

Так, в 1895 г. Долонскому стану миссии по распоряжению генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского был передан в безвозмездное пользование земельный надел в размере 1500 дес. земли, на территории которого в 1896 г. был создан п. Преображенский. К 1913 г. количество новокрещенных казахов, проживающих на его территории, составило около ста человек, и он стал вторым по численности поселком для новокрещенных Киргизской миссии после Центрального стана в Заречной слободе Семипалатинска.

В этом же 1895 г. с разрешения Кабинета его императорского величества Главное управление Алтайского округа выделило для новокрещенных Большенарымского стана Киргизской миссии сенокосной и пахотной земли 1000 дес. в урочище «Тумараш». В новом поселке поселилось 20 семейств крещенных казахов. Однако, при наделении землей казахов Большенарымского стана, Управление выдвинуло арендные условия, по которым первые три года новокрещенные могли пользоваться землей бесплатно, по истечении льготного времени платить за аренду по 10 копеек за десятину. В 1899 г. за аренду земли новокрещенные казахи должны были заплатить Алтайскому горному округу 100 рублей, что, как отмечал миссионер поселка, что при их поголовной бедности было

практически невозможно. В итоге выделенный земельный участок активно не заселялся, и в последующие годы здесь продолжало жить 13 семейств.

В 1905 г. после ликвидации Большенарымского стана новокрещенные казахи п. Тумараш были переселены в п. Преображенский. Оставшиеся в п. Большенарымском крещенные казахи несколько раз обращались к властям с просьбой выделить им земельный участок в «смежном от урочища Тумараш более плодородном участке «Алыбай», ... но все эти прошения о насущном хлебе, – писал миссионер, – были признаны не заслуживающими уважения. Пытались было просить о возвращении им старой земли, которую они пользовались в степи до своего крещения, и в этой просьбе им отказали, мотивируя отказ тем, что все новокрещенные лишаются участия в родовом их землепользовании со дня их крещения, и что земля нужна для киргиз».

Таким образом, проблема наделения землей новокрещенных казахов решалась очень болезненно, большинство станом Киргизской миссии так и не получили в свое пользование земельные участки. Попытки решения данной проблемы органами региональной администрации приводили к усилению межэтнической напряженности. И крестьяне, и казаки были против. Многие из новообращенных покидали станы миссии или поселки для новокрещенных, в поисках источников доходов уходили на заработки в другие районы, чаще всего на Алтайские горнорудные предприятия, промыслы Семипалатинска, Усть-Каменогорска, в Павлодар, Омск. В ежегодных «Отчетах» приводились данные о количестве новообращенных, «живущих в отдаленности и утерявших из вида». В разные годы это число варьировалось от 200 до 500 человек.

Напряженность в русско-казахских межэтнических отношениях, порожденная проблемой землеустройства новообращенных казахов, усугубилась в связи с официальным открытием Алтайского округа в 1895 г. для массового крестьянского переселения. На рубеже XIX–XX в. в регион усилился приток русских крестьян-переселенцев из европейской части Российской империи, что потребовало поиска дополнительных «свободных» земель для их устройства. Проблема разрешалась, как правило, в ущерб автохтонного и старожильческого

населения. Таким образом, противостояние между русскими и новообращенными алтайцами и казахами проходило в рамках «земельного вопроса» и по свидетельству миссионеров принимало порой драматическую окраску.

Так, в рапорте миссионера Черно-Ануйского отделения в сентябре 1895 г. на имя начальника Алтайской духовной миссии сообщалось, что крестьяне-переселенцы «осуществляют захват пашни и сенокосные удобные участки земли из-под стойбищ калмыков. Последним чинят различные притеснения и обиды, даже до смертоубийств». В документе сообщается о случае убийства русскими крестьянами-переселенцами калмыка 3 дючины Тардали Бибышева, «отказавшегося уступать под пашни свое стойбище». Завершил начальник рапорт словами «многих других убили». Результатом столь сложной ситуации становились массовые откочевки новокрещеных алтайцев и части казахов из Белого Ануя: как сообщал миссионер «из 200 домов осталось 80».

Начавшие на Алтае землеустроительные работы в 1906 г. усугубили межэтническую напряженность, поскольку сопровождалась изъятием и перераспределением земель, на протяжении многих десятилетий принадлежавших автохтонным племенам и старожильческому русскому населению. Так же как и несколько столетий назад крестьяне-переселенцы начала XX в. столкнулись с теми же проблемами. Они испытывали подсознательный страх перед «необъятной неведомой страной», труднее вписывались в сибирскую природно-климатическую среду и приспосабливались к ней. Однако в отличие от старожильческого русского населения они «не имели опыта и традиций повседневного общения с иноэтничным населением, а потому чаще всего относились к аборигенам с опаской и пренебрежением, видя в них «непонятных конкурентов».

Идеологи сибирской областнической мысли были убеждены, что в результате аграрной политики правящих кругов империи в азиатскую часть страны мигрировала малообразованная, духовно и нравственно отсталая часть российского крестьянства. Результатом в межэтнической сфере стало проявление ксенофобских настроений среди русских переселенцев в отношении инородче-

ского населения, развитие таких социально опасных явлений среди инородцев как пьянство, ранее неизвестные им болезни, утрата элементов этнической идентичности.

Наиболее яркую картину данных процессов зафиксировал в «записке» Улалинский миссионер. Благодаря крестьянскому переселению Улала, являвшаяся административным центром Алтайской духовной миссии, превратилась в начале XX в. в *«торговое, бойкое большое село, типичное Сибирское село больших дорог с сутолокой базара, с пьяными, разгулом, драками и пр. ... Редкий праздник, а часто и базарный день обходится здесь без драки, увечья... Часто улицы Улалы оглашаются пьяным ревом разгульной молодежи, бродящей целыми ватагами и способной нанести насилие – оскорбления всякому встречному человеку»*. Население Улалы по сведениям миссионера на три четверти состояло из крестьян-переселенцев – выходцев из «различных губерний России и Сибири»: *«Вы увидите на улицах Улалы сытого, богато одетого торгаша, ставящего целью своей жизни наживу, и оборванного, истощенного и развращенного до мозга костей фабричного рабочего... Для них чужды традиции миссии, а церковная проповедь не действует на их загрубленное сердце. Со дня землеустройства, получив права оседлости в Улале, так называемые разночинцы приобрели преобладающее количество голосов на сельских сходах и тем самым сделались хозяевами положения. Робким и слабым инородцам не устоять против хищного и приобретшего навыки в жизненной борьбе российского переселенца. Таким образом, изменился облик Улалы, тем более, что подрастающее поколение из инородцев жадно впитывает в себя растлевающие навыки пришлых людей и вместе с этим становятся во враждебные отношения к старым людям и старым порядкам»*.

Как отмечает Л.И. Шерстова, новая переселенческая волна не обладала сколько-нибудь заметным следом «евразийского ментального наследия», которое отличало первых русских в Сибири, способствуя скорому установлению толерантных межэтнических отношений, не оставляя места страху или, напротив, высокомерию в восприятии аборигенов. В то же время, эти новопоселенцы

имели более оформленное этническое самосознание, особенно малороссы с их стремлением к известной внутренней замкнутости и устойчивым этнокультурным стереотипом. В новой обстановке то и другое лишь усугублялось, а развернувшиеся еще в местах исхода процессы этнической консолидации русских или украинцев заметно усилились в Сибири, обостряя оппозицию «свое-чужие». Прибавим сюда и этносоциально неоднородный состав переселенцев: среди них оказалось немало маргиналов, «ловцов удачи», отчаявшихся людей; по сравнению с прежними временами, новопоселенцы были более полиэтничны: русские, украинцы, чуваша, поволжские финны и др. С другой стороны, у новопоселенцев еще не размытая этно-культурная пестрота Южной Сибири вызвала растерянность, раздражение, рост неприязни к «не нашим», обостряя любые контакты не только с инородцами, но и русскими старожилами. Набиравшая силу межэтническая нестабильность, вела не только к распространению ксенофобских, шовинистических настроений в широких слоях русскоязычного населения, но и к организационному их оформлению на местах.

Появление интолерантных моделей адаптации мигрантов новой волны непосредственным образом отразилось на судьбе Киргизской миссии. Среди ее новообращенных казахов наметилась четкая тенденция к отпаду от православия и возвращению к традиционным верованиям и культурам. Реисламизация начала XX в. стала фактором самоопределения этнолокальной группы черноануйских казахов и одновременно фактором усиления этносоциальной конфронтации.

Таким образом, попытки государства координировать процесс этнорелигиозного взаимодействия русского и казахского этносов выступили дополнительным фактором дестабилизации межэтнической ситуации в Алтайском регионе. Современники данного процесса Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев выступали за превращение процесса межкультурной коммуникации в естественный и органичный. По их мнению, искусственные попытки государства, направленные на претворение в жизнь идеи «полного слияния двух народов», игнорировали их национальные, религиозные, семейно-бытовые, трудовые особенности, а также выступали препятствием свободному взаимодействию народов. Более

результативным исследователи представляли расширение обыденных социально-экономических связей с русским крестьянским населением, обращая внимание на плодотворность подобного рода произвольных культурных контактов.

Наиболее ярким примером было сравнение положения алтайских инородцев в миссионерских деревнях с живущими по соседству русскими крестьянами. Оно наглядно позволяло видеть, «как под влиянием разных условий проявляла себя одна и та же раса, а также, как эти условия отразились на ее быте». Причиной «поразительной картины нищеты крещенных инородцев», ничтожности у них позитивных хозяйственных сдвигов Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев видели искусственное насаждение миссионерами оседлости и земледелия вслед за принуждениями в области духовной жизни. Исследователями подчеркивалась идея о том, что «православие распространялось не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди самых низших их представителей», при этом среди новообращенных не наблюдалось глубокой трансформации традиционного религиозного сознания.

Не рациональными казались и методы, которые использовала Алтайская и Киргизская духовные миссии. Факты «непременного принятия оседлости с крещением», «захват земель и хозяйственные распоряжения» миссионеров, приобретения огромных земель в пользу миссионерских монастырей назывались областниками «экономическими экспериментами», окончательно подрывающими авторитет представителей православия в глазах язычников. Только этими фактами, а не «духом религии» они объясняли слабые успехи обращения инородцев миссионерами.

Альтернативой в процессах аккультурации местного населения русским должна была выступить «свободная русская колонизация». Дореволюционные исследователи подчеркивали, что инородцы ряда управ «без насильственных и обязательных мер», естественным путем вследствие долговременного соседства и браков с русскими давно совершили хозяйственно-культурный переход и предоставляли возможность наблюдать картину «нарастания и развития благосостояния».

Таким образом, совместное продолжительное по времени проживание русского и казахского населения Алтая сопровождалось процессами взаимной межэтнической коммуникации. Она, определялась в первую очередь экономической целесообразностью и принимала различные формы, в том числе формы взаимной религиозной аккультурации. Вмешательство государства и Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв. в процесс межкультурного диалога двух этносов посредством организации деятельности на территории Алтайского горного округа православной миссии, внесли деструктивные функции в дальнейшее его развитие. Миссии не удалось добиться ограничения сферы влияния ислама и провести массовое обращение казахов в православие. Напротив, ее деятельность спровоцировала осложнение двусторонних русско-казахских отношений, появление интолерантных практик межэтнической коммуникации, прервала контакты двух этносов на религиозной основе.

В тоже время имелись и позитивные моменты миссионерской деятельности Русской православной церкви среди казахов Алтайского округа. С точки зрения последствий ее деятельности и тех конфликтных ситуаций, которые эта деятельность порождала их необходимо рассматривать в позитивном ключе. Деятельность Русской православной церкви во многом простимулировала рост этнического самосознания казахского населения Алтая. Это выразилось в процессах реисламизации и активном включении кочевников в общероссийское мусульманское движение в годы революционных потрясений начала XX в.

Вопросы и задания для самоконтроля:

1. Назовите основные направления государственной политики в области межэтнического русско-казахского взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в.
2. Определите эффективность миссионерской деятельности Киргизской православной миссии.
3. Раскройте содержание термина «народный ислам».

4. Проанализируйте отношение русского населения Алтая к миссионерской деятельности Киргизской православной миссии среди казахов.

Рекомендуемая литература:

1. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.). Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2003. – 139 с.

2. Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики межкультурной коммуникации. XVII – начало XX века. Новосибирск, 2008.

3. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. – 195 с.

4. Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Азбука, 2011. – 155 с.

5. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1996. – 396,[3] с.

6. Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации. XVII – начало XX вв. Новосибирск, 2008.

7. Октябрьская И.В. Крещенные казахи Алтая. Судьбы национальных меньшинств в контексте колониальной политики России XIX – начала XX вв. // Проблемы местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Новосибирск, 1999.

8. Смагулова А.М. Конфессиональный состав казахов Томской губернии в конце XIX в. (По материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2008.

9. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 352, [2] с.

10. Шерстова Л.И. Евразийство и проблема русской идентичности: этно-исторический аспект // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая религиозная идентичность, экономика и безопасность. Материалы международной конференции. Барнаул, 2003.

11. Шерстова Л.И. Конфессиональный аспект русско-аборигенных отношений в южной Сибири (XVII–XIX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов / Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005.